

В. Аференко

К 400-летию
Енисейского уезда,
села Маковского
и города Енисейска

БОГАТЫРСКИЙ УЕЗД

(книга документальных, художественно-публицистических
очерков)

2016

Зачин

В 2019 году в Красноярском крае намечаются два масштабных события: Всемирная зимняя Универсиада и Юбилей – 400-летие города Енисейска.

Подготовка к ним началась. Конечно, мы – красноярцы будем стараться делать все возможное (и невозможное!), чтобы оба грандиозных мероприятия прошли на высоком уровне, по-максимуму, по-сибирски.

И первое не должно заслонить второе, тоже международного звучания. 400-летие г. Енисейска – это повод обратиться к славным страницам большой истории, причем на всех уровнях: президентской администрации, правительства России, многих министров, Академии наук, региональных и муниципальных властей.

Должны появиться новые исследования, научные и публицистические труды, художественные произведения, кинофильмы, скульптуры, культурные и культовые объекты, картины, спектакли, поэмы, песни. Надо развенчать некоторые устоявшиеся мифы в истории освоения и развития Сибири.

Автор – ровесник края, заслуженный учитель России, заслуженный педагог Красноярского края, Почетный гражданин Сухобузимского района, журналист, краевед, написавший более десяти книг по истории Красноярья, издание книги документальных художественно-публицистических очерков «Богатырский уезд» определяет, как скромный вклад в общее дело по подготовке к Юбилею.

В г. Енисейске был дважды – летом 1971-го и зимой 1978 годов, историю его знаю поверхностно, а вот по истории Енисейского уезда (района) располагаю некоторой интересной и даже уникальной информацией в силу ряда причин:

- Моими предками по линии матери были казаки Шахматовы и Матонины – золотопромышленники, купцы 1-ой гильдии, одни из самых щедрых меценатов в городах Минусинске, Красноярске, Енисейске;

- Семья тетки жила в Кононовском затоне; ее дети и внуки работали в тресте «Енисейзолото»;

- Семья Кочневых из села Кекур бывшей Нахвальской волости – дальние родственники матери, была в декабре 1929 года раскулачена и выслана в с. Маковское Енисейского района.

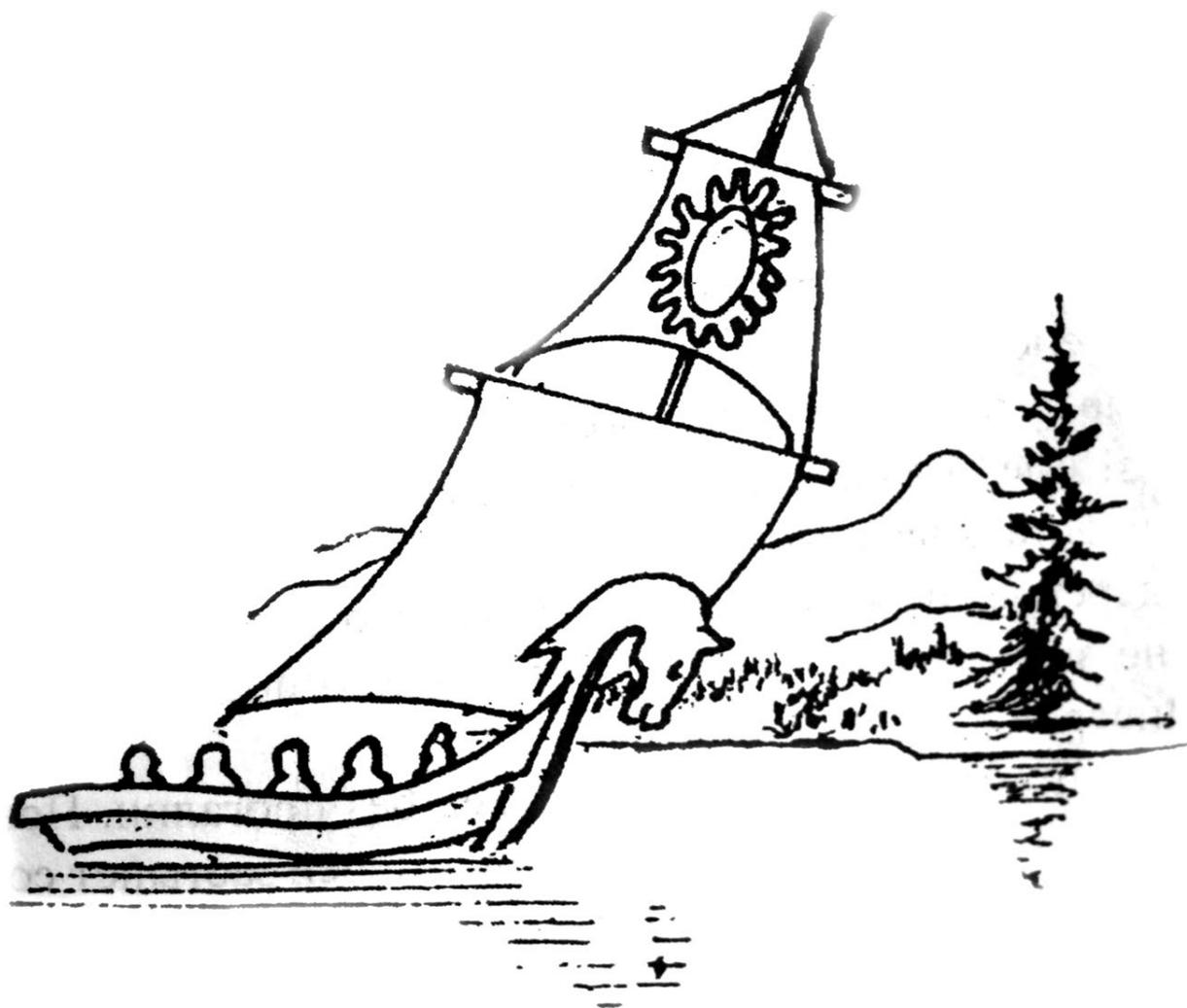
- Мой родной брат Аференко Владимир Александрович 7 лет возглавлял Игарский лесокомплекс, 4 года работал главным инженером Красноярсклесэкспорт и по работе был связан с Маклаково и Лесосибирском.

- Предки Б.Н. Еремеева – знаменитого речника, писателя, жили в Атаманово, мы с ним земляки. Борис Николаевич и жена его Еремеева (Юр) Людмила Сергеевна, являются активными членами общества «Краевед» и ИРО. По их согласию используются извлечения из этих замечательных книг;

- Мой односельчанин, друг, прямой потомок красноярских атаманов Тюменцевых, сам тоже бывший атаман станицы Дубенской Леонид Петрович Тюменцев работал начальником одного из монтажно-строительных участков при создании печально знаменитой Енисейской РЭС. А после остановки работ по возведению станции, строил в Крайпотребсоюзе склады для хранения даров Енисейской тайги.

Возможно, у читателей возникнет вопрос, связанный с названием книги: может ли уезд, по сути, административно-территориальное образование, быть богатырским? Вы, думаю, согласитесь, что может, если в нем жили богатыри, или вершились дела, сродни богатырским. То и другое имело и имеет место быть в г.Енисейске и в Енисейском уезде (районе): люди, - русские, эвенки, остяки, енисейцы, ангарцы, – богатыри по телу и духу, дела свершили великие.

Часть первая
НАВСТРЕЧУ
УТРЕННЕЙ ЗАРЕ

Глава первая В Зауралье по «Великой Степи»

Пути отрядов служилых и казаков в Сибирь (до Енисея)
(XV в – начало XVII в.)

Не покорение, а возвращение «домой»

Автор – сторонник идеи евразийства, а потому разделяю точку зрения замечательных русских ученых и философов Л.Н. Тихомирова, В.М. Флоренского, А.Г. Дугина, Л.Н. Гумилева.

По Гумилеву «Великая Степь» - это территория от Тихого океана до Балкан с востока на запад, «повдоль», и от Северного Ледовитого океана до горных цепей Срединной Азии «поперек».

По ней тысячелетиями перемещались народы, и горная цепь Урала не была для них существенным препятствием. Это позже Урал стал общепризнанной границей между Европой и Азией. Зауральем называют пространство «Великой Степи» восточнее Урала и Каспийского моря. Л.Н. Гумилев в книге «Ритмы Евразии» писал: *«Можно сказать, что Великая Степь, простиравшаяся от мутно-желтой реки Хуанхэ почти до берегов Ледовитого океана, была населена самыми разными людьми. Здесь охотились на мамонтов высокорослые и европеоидные кроманьонцы и широкоскулые, узкоглазые монголоиды Дальнего Востока и даже носатые американоиды, видимо пересекающие Берингов пролив и в поисках охотничьей добычи, доходившие до Минусинской котловины. Как складывались отношения между ними – неизвестно. Но нет сомнения в том, что они иногда воевали, иногда заключали союзы, скрепляемые брачными узлами, иногда ссорились и расходились в разные стороны, ибо Степь была широка и богата травой и водой, а значит зверем, птицей и рыбой. Так было в течение тех десяти тысяч лет, пока ледник перегораживал дорогу Гольфстриму и теплым циклонам Атлантики».*

В.М. Флоренский, ученый-энциклопедист вступил в новую для него отрасль археологических занятий; побудительной причиной послужило ознакомление с находками, сделанными в сибирских курганах. Его настолько поразило сходство сибирских древностей с пермскими, болгарскими, великорусскими, южнославянскими и балтославянскими доисторическими ценностями, что невольно навело на мысль, как он писал «не имеют ли эти памятники более прямого отношения к древнейшим судьбам славянского народа?»

После длительных исследований он издал труд в двух частях «Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни, опыт славянской археологии», в котором утверждал, что славяне пришли в Европу из Сибири.

Монголы почти на 300 лет перекрыли пути взаимопроникновения этносов через Урал. Но искусственные стены и длинные заборы из колючей проволоки – изобретение XX века. А в XIII – XV веках не прекращалась людская «диффузия».

Бывали русичи в Средней Азии, как пленники и гости «Золотой Орды». Поморы достигали Ямала на кочах вдоль побережья Северных морей. При Великом царе Иване III территория Руси выросла в 5 раз, в том числе согласились жить в составе единого государства угро-финские народы Северного Урала, большинство из них приняли православие, образовалась Великая Пермь. И задолго до Ермака новгородцы через Великий Устюг ездили с товарами, за пушниной, на Обь и Таз, зачинали зимовья и фактории.

Картина В.И. Сурикова «Покорение Сибири Ермаком» уже полтора века является одним из символов изначальных представлений о периоде массового прихода русских в Зауралье.

Да, с точки зрения художественного мастерства, исполнения, написана она профессионально. На одном из суриковских чтений слышал прекрасную лекцию об этом.

Но взгляд на историю присоединения Сибири, Туркестана, Дальнего Востока к Российской Империи Василий Иванович имел «романовский» (речь о царях династии

Романовых), имперский и поверхностный. Отсюда и термин «покорение», ставший у многих и на многие годы ключевым.

Жаль, что наш великий художник-земляк дал картине тенденциозное, политизированное название. В соответствии с традициями по написанию батальных полотен картину можно было назвать «Бой дружины Ермака у столицы Сибирского ханства Исер с войском князя Кучума 26 октября 1582 года».

Никто не покорял кетов, остяков, коми, пермяков, хантов, манси, казахов, узбеков, туркмен, таджиков, ненцев, эскимосов, бурят, гольдов, удегейцев, якутов, тувинцев, эвенков, коряков и десятки других этносов. Они как жили веками на своих территориях, так и живут; сохранили образ жизни, традиции, культуру и свой язык; никто их насильно не обращал в другую веру.

В отличие от европейцев русским не надо было плыть за три моря, вот она – «Великая Степь», иди по ней, плыви на лодках по большим рекам, поезжай на лошадях (и летом, и зимой) на родину предков, в основном к дружественным народам.

Вновь обратимся к труду В.М. Флоренского. Он писал: *«Домонгольская Сибирь – была исконной родиной многих, в том числе славянского народа, а посему народная русская волна недаром стремиться на юг и восток. Не одни материальные выгоды и политические соображения влекли нас сюда, а народный инстинкт, бессознательно сохранившийся в коллективной памяти, подобно инстинкту перелетных птиц»*. И в другом месте: *«Отбросив интернационально-классовый подход, надо понять, что мы возвращаемся домой: «домой» не только лишь в географическом смысле, но и в «дом» своей древнейшей истории, в «дом» своего исконного мировоззрения, неразрывно связанного с расой»*.

Понятие «дом», как и понятие «покорение» тоже крайность, но крайность более доказательная, соответствующая реалиям прошлых и сегодняшних дней.

Прекрасную книгу «Черные люди» о событиях в России и, в частности, в Сибири в XVII веке написал Всеволод Никанорович Иванов. Отдавая должное государственной политике в глобальном деле по освоению Сибири, он не раз по ходу исторического повествования (определение самого В.Н. Иванова) отмечал народный стихийный характер процесса.

«Тысячи и тысячи черных людей, - пишет он, - собрали силу, ушли со старых северных мест, перебрались через Урал, сплывали на плотах, стругах, лодках по сибирским рекам в зеленых урманах, из которых поднимаются белки снегов на острых горах. За миром к природе шли черные люди и сами несли с собой мир сибирским тундровым и лесным людям – приземистой самоеди, рослым, румяным вогулам, скуластым, узкоглазым тунгусам и остякам, одетым вековечно в звериные, в оленьи шкуры, то с доверчивой белозубой, то с подозрительной улыбкой».

Кем был Ермак?

В.И. Суриков считал Ермака донским казаком, потому и плавал на пароходе по Дону, зарисовывая этнографические атрибуты местного казачества для написания одежды атамана и его дружинников.

Его друг и тезка В.И. Анучин – красноярский ученый, архивист, археолог, этнограф, увидев эскизы, настоял, чтобы художник кое-что исправил, потому что знал: Сибирь осваивали не донские казаки, а терские, уральские, волжские.

С конца XVI века на равнинах Северного Кавказа, в Прикаспии и на Нижней Волге хозяйничали терские казаки.

Откуда и почему они появились? Обратимся к знаменитому труду Н.М. Карамзина «История Государства Российского». В конце XVI века образовалось пять отдельных татарских ханств: Казанское, Астраханское, Крымское, Тьмутараканское (что ни к тьме,

ни к тараканам никакого отношения не имеет, а значит в переводе «крепость с большим количеством людей») и Ногайское (по рекам Ишим и Урал). В начале XV века во главе Ногайского ханства стоял князь Ивак. И вот, некий татарский мятежник-самозванец по имени Чингис сверг Ивака и заставил его сына Тайбугина идти с войском на север, на реки Иртыш, Тура и Тобол. Тот покорил там югор, остяков и сыбыров, и основал еще одно – Сибирское ханство, построив на р. Туре при впадении в нее речки Тюменки крепость Чинги-Туру (ныне г. Тюмень). Родословная цепь от Тайбугина была такой: Ходжа – Маар – сыновья его Яболан и Азер. В Золотой Орде и в ханствах борьба за власть была жестокой, постоянной, наследники, даже братья, нередко убивали друг друга. Читаем у Н.М. Карамзина:

«Яболан женился на казанской царевне. Брат ее Упак убил Маара – отца Яболана. А племянник Яболана Магмет (отец Кучума) убил Упака, власть перешла к Магмету, а с 1563 года к Кучуму. Своей столицей они избрали городок Сибирь, основанный на Иртыше Тайбугином, назвав его Исер (он же Кыштым). Из-за междоусобиц сын Яболана Агиш через Ногайские и Прикаспийские степи уехал со своим отрядом на Северный Кавказ, на равнинный приток Терека».

Исследователь Сибири Г.Ф. Миллер в начале XVIII в. в своем труде «История Сибири», том I, пишет:

«Приток реки Терека раньше назывался Тюменкой (понятно почему? – В.А.), на нем расположен Татарский острог или Черкасский город, названный Тюменским городком. Этот же город получил название Терка. Князь этого города Агиш дал клятву на верность Ивану Грозному. Разрядные книги часто упоминают о двух сыновьях этого князя Романе и Василии Агишевичах Тюменских (Тюменцевых), что с 1575 года до конца столетия служили Российскому государству воеводами во многих походах».

Странно, почему Г.Ф. Миллер ограничился концом столетия, ибо князья Тюменцевы (Черкасские) служили и при Борисе Годунове, при Шуйском, а в 1609-1612 годах руководили героической обороной Троице-Сергиевой Лавры.

Роман Агишевич в сражении с поляками погиб. Кстати, донские казаки в те же годы, при Лжедмитриях в союзе с иноземными захватчиками осаждали Лавру и вошли в Москву, им было не до Сибири.

О Ермаке довольно мало художественных произведений – романов или повестей, есть кинофильм. Но есть множество статей, исследований, научные труды.

Обратимся к исследованию доктора исторических наук Александра Кедырбаева «Сказ о казаке-разбойнике» (журнал «Вокруг света» №9 за 2007 год).

Ученый использует первоисточники: Ремизовские (их две) и Ногайскую летописи. Составители их писали, что Ермак – это ногайское имя, означает «вожак», «соперник». (Вспомним скалу в преддверии красноярских Столбов – Такмак, что значит на праязыке Евразии – «голова»).

Отчество Тимофеевич ему стали приписывать два века спустя, вероятно, в связи с памятью о Степане Тимофеевиче Разине.

Ермак родился, скорее всего, в Прикаспии при браке ногайца и русской женщины, был, как написано в летописях: *«плоск лицом, черен, с черными вьющимися волосами, но со светлыми глазами ... бог дал ему силу, счастье и храбрость смолоду».*

В годы мужания с отрядом пеших терских казаков прошел по Прикаспию, переправился через р. Яик (р. Урал), далее через ногайские степи достиг р. Ишим, по которой сплавился до Иртыша. Там, в Сибирском ханстве, Ермак разузнал, как и какими силами охраняются крепости Чинги-Тура и Исер, сколь много в них пушнины (ее некуда сбывать).

Влюбился он в татарскую княжну, в чем-то традиции нарушил, брат ее хотел Ермака убить, но тот вовремя уехал.

Став атаманом терских казаков, собрал ватагу и начал шалить, шарпать (грабить) купцов в Хвалынском (Каспийском) море и на Нижней Волге. Князья Тюменские (Тюменцевы) предупредили его, что негоже нарушать им, «черкассам», договор с русскими. И что они «служат русскому царю и честно бьются под его знаменами».

Тогда Ермак решил собрать большую дружину для похода в Сибирь «искать славы для престола, счастья для себя» (пушнину раздобыть и любовь свою, возможно, встретить).

Кстати, в дружине его из 550 человек, к которой Строгановы еще добавили 300 («послаша в Сибирь казаков Ермака и с ним литвы и татар, и русских буйственных») была настоящим «интернационалом», донских казаков в ней насчитывалось всего несколько человек. Не буду описывать поход Ермака в 1581-1584 гг. на Иртыш, подробных описаний о нем много.

Во второй Ремезовской летописи о гибели Ермака написано так: он успел сесть в лодку, его догнал старый враг – брат невесты, шлем у Ермака расстегнулся, и татарин воткнул ему клинок в шею. Атаман упал в воду. Нашли его после, увидев, как что-то блестит на дне. Как воина с ногайской кровью, не разрушающего капища, его похоронили с исполнением всех местных ритуалов

Казаки (козаки), их роль в освоении Сибири

Казаки появились на Руси в XV веке при царе Иване III. Так стали называть жителей военно-административных поселений на границах Руси (России), на Дону, на Северном Кавказе, на Урале. Постоянная готовность в отражении набегов врагов зарождающейся империи определила систему жизни и традиций: обязательное наличие лошади, личного оружия, маневренность и свобода, ведь нередко ситуации требовали немедленных решений и действий. При этом жесткая дисциплина, подчинение старшим - избранным командирам-десятникам, пятидесятникам, атаманам, сотникам. В то же время принятие решений демократическим путем (сходы и так называемый казачий круг). Верстание (прием) в казаки юношей и желающих людей из других сословий. Больше равных прав, чем у смердов, а после у крестьян, для женщин. Они могли и пожаловаться на хамоватого муженька. Постепенно определился и особый стиль одежды. По этимологии слова – понятие казак (козак – нередко писали и произносили после буквы «к» гласное «о») есть две версии. По одной из них козак (с «о») – это вольный человек-мигрант, родственное понятие – коза. По другой версии в основе слова лежит языковой «кварк» праязыка «АЗА», что значит «место». КАЗАнь – место у реки. АЗИАТы – «люди больших пространств, из страны Азии». В Енисейском регионе есть речка и село в Больше-Муртинском районе – ЯЗАевка; несколько ИЗЫк («мест у реки»), НАЗАрово (не при чем какой-то НАЗАр, просто, «наше», «местное» поселение).

После донских и терских (XV – XVI вв.) в XVII веке появились запорожские, в конце XVIII века – кубанские казаки, в XIX и XX – другие казачества.

Одной из особенностей нашего русского великого языка являются связки из двух слов: тайга сибирская, степь ковыльная, море студеное, козел рогатый. В этом ряду и словосочетание казак (почему-то обязательно) донской. Возможно из-за того, что в житие донских казаков за пять веков было много поворотных моментов, влияющих на судьбу государства. То – защитники Руси, то – нейтралитет, то – измена (в период смуты 1610-1612 гг. и во времена Мазепы). Поворот произошел при Елизавете Петровне, тесно сблизившейся с гетманом Кириллом Разумовским и его сыном Алексеем. Донские и запорожские казаки стали верно служить царям и России. Особенно проявили себя в Отечественную войну 1812 г., и в последующих битвах 1813-1814, вошли в Париж, где вели себя, как представители великой державы – достойно. Заходя в кафешки, шутливо

командовали: «Вина и закуски! Бистро!» Так и закрепилось название быстро обслуживающих кафе – «бистро».

При посещении Бородинской панорамы ком сжимался в горле, когда экскурсовод рассказывал об одном из характерных эпизодов сражения и показывал, где это было. Мюрат во фланг нашей армии отправил конницу – прусских рейтеров на больших лошадях, закованных в латы, с палашами. Один вид их устрасал. Но в низине их встретили казаки. По свидетельству очевидцев бой был ужасным, с лязгом сабель и палашей, с криками матом со ржанием раненных лошадей. Истребили друг друга почти полностью.

Прекрасно проявили себя казаки и в годы 1-ой Мировой войны, находясь на острие Брусиловского прорыва в 1916 году. Далее читай «Тихий Дон» и слушай песню:

«По берлинской мостовой
Кони шли на водопой,
Шли, помахивая гривой
Кони-дончаки...»
«Казаки! Казаки! Едут, едут
По Берлину наши казаки».

Донские казаки участвовали в освоении Сибири, но не в начальный, определяющий момент, а с середины XVII века, и то первично как ссыльные.

В дружинах и в экспедициях конца XVI и начала XVII века основу составляли терские (тюменские) казаки с Северного Кавказа.

В годы Смуты (1606-1612) после смерти Бориса Годунова присоединение сибирских земель к Российской империи продолжалось; в 1607 г. русские вышли на Енисей сразу в 2-х местах («Новая Мангазея» - Туруханск и Верхнеимбатское), в 1611 проплыв по Оби-Тыму-Сыму, основали поселение Сымское. Экспедиции формировали сами воеводы из острогов на Иртыше и Оби при активном участии терских казаков, которые с Северного Кавказа шли по указанию своих князей Тюменских (Черкасских), которые обороняли Троице-Сергиеву лавру. А донские казаки в это время поддерживали лжецарей. Поименование Тюменские вскоре перешло в фамилию Тюменцевы, как у князей и атаманов, так и у рядовых терских казаков. Широко известен исторический факт: посещение русской дипломатической миссией Монголии и в Китае в 1615-1616 гг. под руководством атамана Василия Романовича Тюменцева. После он стал воеводой Тарским. Его сыновья Емельян (атаман пешей казачьей сотни) и Василий (пятидесятник, вскоре тоже атаман) состояли в дружине Андрея Дубенского, собранной в 1627 году для строительства Красноярского острога. Три поколения атаманов Тюменцевых в становлении и защите Красноярского острога сыграли огромную роль.

Ходил во главе отрядов служивых, в основном терских казаков, на восток и на юг Емельян Васильевич Тюменцев. Его сын атаман Дмитрий Емельянович известен, как один из руководителей острога во время красноярской «шатости» (1695-1697 гг.). Другой сын атаман Аника в 1702 г. возглавил все красноярское войско (700! человек) в решительной битве со степняками в местечке «Изыка» на юге Приенисейского региона; там погиб.

Внуки Емельяна Васильевича потомственные атаманы Петр Аникеевич и Иван Дмитриевич тоже несли «службы конные и пешие» в остроге. С1647 года семьи атаманов Тюменцевых жили в своей вотчине – в поселении «пониже быка». На карте-схеме С.У. Ремезова 1701 г. оно значится как «д. Тюменцева» (после большое село Атаманово). Прямые потомки атаманов два века составляли большинство его жителей, и полтора века – значительную часть. Автор книги составил схему рода Тюменцевых в Атаманово из 15 поколений. В 2009 году вместе с земляками Тюменцевым Леонидом Петровичем (тогда есаул, член Совета Стариков ЕКВ) и Тюменцевым Владимиром Ивановичем (тогда заместитель начальника федерального казначейства по Красноярскому краю)

осуществили «Тюм-проект»: собрали возможную информацию о терских казаках по фамилии Тюменцевы по России. Итогом стала книга «Тюменцевы: 5 веков на сибирской земле».

Оказывается, сибиряки с такой фамилией издавна живут в Зауралье в Тюмени и в Тюменской области (не менее 1000 чел.), в Омской, Томской, Иркутской областях, в Алтайском крае (где даже есть городок – районный центр Тюменцево), в Красноярском крае (более тысячи). На сайте «Одноклассники» в 2009 г. заявили о себе в 191-ой административной территории 906 человек по фамилии Тюменцевы, из них более половины проживали в Сибири.

Роль русских казаков в освоении Зауралья огромна, но и в данном вопросе нужны пояснения. Тех, кто от имени государства, от имени государя-монарха совершал походы, строил остроги, собирал ясак, воевал – наиболее верно называть общим словом служивые (и офицерский состав – воевод, атаманов, сотников, детей боярских, и рядовых). Они сливались в один поток, говоря метафорически, из трех «рукавов», из трех социальных статусных групп.

- Из армейских частей, в которых служба была профессиональной (воеводы, стрельцы).

- Из наемных служивых (по-нашему контрактников) – людей разных сословий, в основном из бывших крестьян, из городской голытьбы, из умельцев-кустарей.

- Из казаков, для которых служба во имя Отечества всегда была приоритетной.

У всех восточных, в том числе у сибирских этносов существовал родовой принцип жития: (юрты – ударение на «ы», аулы, улусы), ведь в одиночку или одной семьей в сложных природных условиях не выжить. И много людей на компактной территории у рек, речек, озер, чтобы охотиться, рыбачить, собирать дары природы, тоже не нужно – земли, угодий достаточно, отделяйся, кочуй в новом месте.

Практика показала, что в сибирских условиях наиболее эффективны не очень большие дружины и отряды, основанные на казацких принципах: общий круг, обсуждение и единое решение; общий котел; выборы десятников и пятидесятников (атаманы и сотники или назначались, или были потомственными); дружба, сплоченность, строгая дисциплина, персональная ответственность. Потому стали верстать в казаки стрельцов, даже пашенных крестьян. Например, енисейский воевода К.А. Яковлев в 1669 году забрал в казачью службу сразу 134 человека из «тяглового» сословия. Привнесение казацких принципов в государевы отряды привело к тому, что почти всех освоителей Сибири стали звать одним словом казаки.

Казаки землю любили, умели хозяйствовать. Петр I понял, побывав в Тюмени в 1717 году, что Сибирь может в основном стать «казачьей», что чревато самостийностью. Своим указом в 1718 году перевел большинство казаков в другие сословия, в основном в крестьянское, оставив в гарнизонах так называемых реестровых казаков. Возрождение казачества в широком плане произошло дважды: в конце XIX и в конце XX веков.

В интереснейшей книге о «Восточной Сибири «Золото Алдана» Камиль Зиганшин приводит такой диалог казачьего есаула Суворова и его молодой жены Глаши.

- Проша, ты все хвалишься: казак, казак. Хоть бы рассказал, кто они, эти казаки?

- Как тебе подходчивей объяснить? Казаки – это особое сословие. По своей сути мы двуедины: и хлебопашцы, и стражи отечества. Из века в век казачьи отряды расширяли, осваивая новые территории границы державы. Всего казачьих войск было двенадцать. Я из Уссурийского, самого молодого.

- А для чего нужны те войска?

- Да много для чего. Таможенный контроль. Ловили контрабандистов, окарауливали тюрьмы, обеспечивали общественный порядок, несли гужевую повинность – грузы всякие доставляли, прорубали дороги, строили мосты, - с гордостью перечислял казак. – А как

война – первыми на защиту Отечества, - он снял с головы фуражку и, указывая на рассеченный надвое козырек, важно добавил: «Видишь – в бою шашкой рубанули. Чуть увернулся.

- Ужас! Как вы все успевали?

- Выручали дисциплина, сплоченность, обычай артельных помочей.

Мы – другие

Не было покорения Сибири, но как утверждают многие историки была ее колонизация?

Колонизация – это установление административной власти одной страны в другой (в других); включение их в свою систему хозяйства; ограничение прав и свобод местных народов (аборигенов).

Колонизация так же стара, как само человечество, начиная с первобытнообщинного строя. Ее пик, ее финал на планете Земля пришелся на XV – XIX века, начиная с эпохи Великих географических открытий. К концу XIX столетия, как выражаются историки, «весь мир был поделен» между европейскими странами – метрополиями.

Но факты прошлого таковы, что нельзя в одном ключе рассматривать европейскую колонизацию целых континентов вне своих стран, за морями-океанами и продвижение русичей по «Великой Степи», по единому материка, по-Флоренскому «при возвращении домой».

Александр Гельевич Дугин – философ, полиглот, умница, доказательно развивает концепцию о том, что в силу природных и географических причин по-разному жили и живут народы континентального материка Евразии – евразийцы и народы стран и островов, омываемых Атлантическим океаном и его морями, – атлантисты (греки, итальянцы, испанцы, португальцы, голландцы, французы, скандинавы и англо-саксы). Они с древних времен, используя в основном морские пути (хотя, иногда и сухопутные), распространяли свою экспансию на другие народы по всему Земному шару.

В этом контексте надо рассматривать Троянскую войну, походы Александра Македонского, завоевания римлян и походы крестоносцев; колонизацию Африканского, Американского, Австралийского материков, Океании и частично Азии. Они бы и остальную часть Азии и Европы включили в состав своей империи, в которой «не заходит Солнце». Но евразийцы (славяне, тюркеты, китайцы, арабы) не позволили их завоевать. В свое время против агрессии с Запада совместно выступали русичи и татары «Золотой Орды». Этот и некоторые другие факторы легли в основание гипотезы об едином русско-татарском государстве, в котором длительное время шла гражданская война между воинами (в основном татаро-монголами и тюркетами) и земледельцами, в лице русичей (древлян, кривичей, вятичей и др. субэтнотосов).

Говорил об этом Л.Н. Гумилев (с ним яро полемизировал писатель Вл. Чивилихин), а в наше время то утверждают ученый В. Буровский, писатель А. Бушков и др.

Одним из пиковых моментов в многовековом противостоянии евразийцев и атлантистов было нашествие на нашу Отчизну гитлеровских выкормышей – фашистов. Бесноватый Адольф, считая себя лидером «истинных арийцев», на одном из митингов в Нюрберге восклицал: *«Мы должны очистить территорию континентальной Европы и Азии от жидов, комиссаров, угрофиннов, славян, монголов и прочих недочеловеков».* Не получилось!

Атлантисты при колонизации многих стран и народов на всех материках и на многих островах использовали весь набор средств захвата и принуждения.

- Военные операции, покорение (крестовые походы, англо-бурская, англо-индийская войны).
- Создание резерваций, натравливание одних племен на другие на Североамериканском континенте. Это ярко показал в своих романах Фенимор Купер, оромантизировав англо-саксов. У него Чингачгук – сниматель скальпов из могикиан – герой, а индейцы племени диу – дикари, враги. Англо-саксам стоило бы рядом со статуей Свободы поставить памятник и Ф. Куперу. Так же Киплинг превознес белых в Южной Африке, поставив им в заслугу почти полное уничтожение зулусов (см. книгу «Питер Мариц - юный бур из Трансвааля»).
- Покупку людей перевезенных пиратами с Африканского на Американский континент. Несколько миллионов негров. Эксплуатация их. То прекрасно отображено в новелле Просперо Мериме «Таманго», в книгах «Хижина дяди Тома» и «Унесенные ветром».
- Обман и грабеж испанцами и португальцами наивных инков в Мексике и в Перу. Вершиной бесстыдства, воистину бандитской акцией, являются деяния бывшего свинопаса Писсаро. Пришелец вошел в доверие к вождю инков, попросил его сообщить подданным о свозе золота в столицу, что главный инк и сделал с помощью оригинальной почты – узелкового письма. Писсаро золото забрал, присвоил, а вождя умертвил.

Оппоненты могут упрекнуть автора: а разве не было в XVII – XVIII вв. военных стычек в Сибири; не было фактов грабежа, спаивания «огненной водой» северных народов, не было «новокрещенов»? К сожалению, было. Но отличие прихода русских в Зауралье от Европейской колонизации существенно и заключается в трех факторах принципиального характера.

Фактор первый: разная политика глав государств и правительств, официальных лиц, военных и администраторов.

Королеву Изабеллу не интересовал вопрос, откуда столько золота у Колумба, и бандит Писсаро получил признание и почет. А статуя знаменитого пирата Дрейка уже давно встречается в Лондонском порту всех приезжающих в Туманный Альбион.

В России, при освоении Сибири, с конца XVI века был взят курс на мирную политику (строгое соблюдение договоров, торговля, освоение земель, взаимопомощь). Русским промысловикам строго запрещалось охотиться на пушных зверей во владениях местных этносов и племен. Нельзя было строить поселения на местах кочевий и охоты аборигенов. Эта установка «работала», исполнялась.

Грабежи местного населения пресекались в корне. Конечно, на гигантских просторах в тайге, в тундре, трудно уследить за всеми, кто законы, установки нарушал, а ухари среди русских были, ведь в служивые возводились и бывшие гулящие люди, и ссыльные, городская голытьба («захребетники», поселенцы).

Г.Ф. Миллер в книге «История Сибири» (том 2, стр. 248-249) публикует такой документ: *«Из отписки из Маковского острога П. Албышева и Ч. Рукина, «О наказании Петрушки Парабельца, укравшего у одного кетского остяка его вещи». «Да писал ты к нам (имеется в виду кетский воевода А.Ф. Челищев – В.А.) на Петрушку Парабельца, что он привез к нам из Кецкого острогу ясашиного остяка; и к нам Петрушка остяка никакова не приваживал, а сказывает взял де он у остяка котлишко, да 3 соболишка, да лыжишки подволошные, и мы у него Петрушки то котлишко и соболишки и лыжишки взяли и послали к тебе с березовским казаком Таганашкой Анфилофьевым за печатями, а ево Петрушку за то били батоги «нещадно».*

Были хамы, мздоимцы с загребущими руками среди воевод, сотников, атаманов, детей боярских. Причем некоторые и к своим служивым относились, как эксплуататоры, считая их «черными людьми». Известен факт злоупотреблений красноярских воевод С. Дурново, братьев Башковских, что вызвало «Красноярскую шатость» в 1695-1697 годах. Известный енисейский атаман Иван Галкин, приехав с «ленской службы» представил на таможне 468 «личных» соболей. Родион Кольцов – атаман конной сотни в Красноярске имел большие заслуги, но был уличен, привлечен к сыску, за продажу ружей киргизам, что запрещалось категорически под страхом смертной казни. Кольцов едва избежал суда. И, конечно, знаменательно устрашающей, жесткой, стала акция Петра I – повешение за злоупотребление сибирского губернатора князя Гагарина.

Выполнялись и другие требования. В XVII – начале XVIII вв. свои поселения русские могли создавать только по берегам Енисея. И красноярцы 80 лет (!) не создавали их в местах кочевий аринцев в бассейнах Бузима, Подъемной, Березовки, Есауловки, а возникли деревни и села только по берегам Енисея; от острога до Казачинских порогов (234 -239 км), большинство из них сохранились до сих пор. Единственное исключение – Матона, зачатая в 1695 году, в годы «красноярской шатости» на Бузиме, в 5 верстах от Енисея, казаками, братьями Львом и Аверьяном Матониными (об этом славном роде речь впереди).

И енисейцы 50 лет не вторгались в запретные (по договорам) места: на берега Ангары (были только Брацкий, Илимский остроги и зимовья для годовальщиков); на р. Белую в красноярской лесостепи (Пировщину).

Второй фактор: в отличие от атлантистов не создавались резервации, огораживания, не было рабского труда. Аборигенов не эксплуатировали, не заставляли трудиться по перетаскиванию лодок через волоки, грузов, не ходили они в бурлацких лямках, не горбились на пашнях во время жатвы, над ними никто не стоял с бичами, как плантаторы над «дядей Томом». Тем, кто служил, участвовал в походах, платили так же, как русским; на разные хозяйственные работы нанимали за деньги.

Огромную роль играли взаимоторговля и взаимопомощь, иначе бы за короткий исторический срок не дошли до Тихого океана, не основали тысячи поселений. В «Чертежной книге Сибири» У.С. Ремезова в 1701 г. их только до Байкала обозначено 5000.

Местные люди продавали лошадей, были в походах проводниками, указывая волоки, тропы, охотничьи угодья, рыбные места. Учили охотиться на соболя.

Многое перенимали аборигены от русских. Яркие зарисовки на этот счет оставили нам писатели. Из книги Н.П. Задорнова «Амур-батюшка»:

«Однажды Анга (жена русского промысловика Ивана Бердышева – В.А.) привела в землянку Кузнецовых молодую кривоногую гольдку в щегольском халате и с серебряным кольцом в плоском носу. На руках у нее был заплаканный косоглазый ребенок.

- Бя-я-я... Б-е-е, - укачивала его мать.

Это была молодая жена мылкинского богача Писотьки – та самая, которая родила ему сына. Она приехала на собаках вместе с мужем, чтобы полечить ребенка у Анги, но та шаманить отказалась и привела женщину к старухе.

Раздев младенца, бабка ужаснулась его виду. Ребенку было более года, но мать, по-видимому, еще ни разу не мыла его. У мальчика вздулся животик, тело покрылось струпьями.

- Все мальчишки у него, как рождаются, помирают, - объясняла Анга. – Отец говорит: «Кто вылечит – ничего тому не пожалею».

Бабкино лечение продолжалось весь день. Наталья натаскала воды и нагрела ее в печном котле. Старуха стала купать маленького гольда, вымыла его дочиста, вытерла насухо и, завернув в свою чистую посконную рубаху, положила на подушки.

- Эй, тряпки эти надо выбросить, - сказала Дарья, вырывая из рук женщины лохмотья. – Надо новые брать, эти никуда не годятся, чистые надо, давай-ка толмачь ей, - велела старуха Анге.

С тех пор мылкинские гольды повадились лечиться у Дарьи. Их нарты, запряженные мохнатыми псами, часто останавливались над берегом, напротив кузнецовской землянки. Бабка ворожила, выбивала больные зубы, лечила разные нарывы, болячки, опухли.

А какая чудесная зарисовка, как былинная песня в форме белого стиха нисходит к читателям со страниц книги В.Н. Иванова «Черные люди»:

Сибирские люди самосеянно родились, как грибы под зелеными сводами лесов, и не умели, не могли свалить дерева, чтобы сложить избу, - нечем было! Костяным-то топором много не срубишь! Вековали они в чумах из жердей, покрытых корьем, берестой, заваленных шкурами ими убитых и съеденных животных. Лес их растил, хранил, кормил, укрывал от жары короткого лета, от морозов и бурь зимы, и с ужасом, с любопытством следили лесные жители, как ловко новые пришельцы валили, выжигали деревья, рушили зеленые покровы, открывая синее небо, складывали из лесин избы, железными когтями сох вздирали мягкую, словно медвежье сало, землю, кидали туда зерна.

И не пропадали те зерна, скоро лезли зелеными щетинами из земли, выросли в золотые жатвы на лесных целинах, кормили новых людей душистым сибирским хлебом.

Страшны были боги этих лесных обитателей – грозные, смутные, безжалостные, могучие, голоса которых чудились им в оглушительных громах, в треске рушащихся, ломающихся под ураганом деревьев, в визге зимних вьюг, в вечном гуле, в могучем рокоте леса.

А с новыми людьми пришли в Сибирь и новые их боги: в их рубленых избах из передних углов молча смотрели благостные человеческие глаза с ликов, окруженных зарным сиянием, или скорбные глаза матери, прижимающей к груди своей сына, полные теплой любви, да сияющие глаза суровых, добрых старцев.

И все больше и больше не хотели лесные люди жить по-старому, звериным обычаем.

Легко сходились, роднились, братались кровью, крестами менялись с лесными зверовыми людьми новые сибиряки, сливались в один сибирский народ, перенимая друг от друга все полезное для вольной жизни».

Весьма показателен тот факт, что в XVI - XIX веках большой процент русских мужчин женились на девушках из местных племен. Известно, что предками В.И. Сурикова по линии матери были аринцы, что явно отразилось в ее внешнем виде. Он не раз в письмах к своему брату Александру из Москвы в Красноярск писал с любовью: «От имени меня поцелуй мамочку в «печеные яблочки». Имелись в виду щеки Прасковьи Федоровны, от природы широкоскулой.

Третий фактор отличия от атлантистов заключается в том, что мы – другие, у нас другой менталитет, другая евразийская сущность. Только что народ пережил татаро-монгольское иго. Пережил нашествие Мамай, собравшего в свое войско многих врагов с востока, юга и запада. Помню, когда после неумных игр мы создавали в нашей избе кавардак, мать говорила: «Как Мамай воевал!» Пережил народ и злодеяния Ивана Грозного, западное литовско-шведско-польское нашествие. Сибирский служивый народ, начиная от воевод до рядовых (в основном выходцев из тяглового сословия Центральной и Северной Руси), не говоря уж о священниках, кустарях и крестьянах, сохранил свою истинную глубинную суть: привычку к труду благородному (в том числе к ратному), терпение, стремление к справедливости и к общинности.

В Сибири не было помещиков. Начиная с первой четверти XVIII века, в основе жизни крестьянского сословия, а к нему относились в Зауралье 85-90 процентов граждан России в течение 3-х столетий (до 1929г.) лежала триада: община – род – патриархальная семья. Да и после в артельных (коллективных) хозяйствах общинные, семейные принципы и традиции сохранялись и сохранились. И ныне в условиях «гибридной войны» против нас, мы можем выстоять, опираясь на все лучшее, что накопили веками, в том числе в освоении зауральских пространств.

Огромную роль в духовной сфере россиян играла православная церковь, стоящая на страже нравственности, крепкой моногамной семьи. В числе первых строений во всех острогах были церкви, например, в Енисейске в 1627 году шла служба в 3-х храмах. Крещеными, верующими с детства являлись более 90 процентов сибирских сельчан. На каждые полторы-две тысячи жителей округи имелись большие церкви – приходы, чем и отличались села от деревень. В середине XVII века, в пиковый период прихода русских в Зауралье, произошло на Руси событие вселенского масштаба – церковный раскол, ставший на века истоком разных противостояний вплоть до наших дней.

Лидер староверов Аввакум был сослан с семьей в Сибирь, некоторое время жил в Енисейске, о чем, думаю, большинство енисейцев и красноярцев знают.

Его митинговые проповеди против злоупотреблений и жестокости находили сочувствие у служивых. Он настолько стал опасен для властей вплоть до царя; талантливый и неистовый защитник старой веры, что его сначала упрятали подальше в Забайкалье, а после было поручено сопровождать его лично в Москву бывшему воеводе Енисейска Афанасию Пашкову – властному человеку. Сторонников протопопа преследовали, отрезали им языки, морили в холодных темницах, в подвалах и в ямах (см. книгу В.Личутина «Раскол»). Негативную окраску получило слово «раскольник». Дольше других несли крест противостояния русичи в дебрях Нижегородской губернии, на реке Керженец. Сосланные в Сибирь они получили знаковую кличку «кержаки». К ним стали относить вообще упертых, сильных по характеру сибиряков. Прекрасно отобразили мощный склад непокорных, самостийных натур в своих романах Мельников-Печерский, наш земляк Алексей Черкасов, Е. Пермитин (роман «Горячие Ключи», первичное название «Любовь»).

Знаменитый историк С.В. Бахрушин в настольной книге красноярских историков и краеведов «Очерки по истории Красноярского уезда в XVII веке» (Научные труды, том 4) описал такой факт.

Красноярские служивые из староверов в конце XVII в. среди других поселений зачали деревушку на правом берегу Енисея, в 150 верстах от острога, в устье речки Кузеевой. Об игнорировании канонов Никонианской церкви узнали власти Красного Яра. Прислали в 1689 году военный отряд против раскольников. Старейшины Ф. Черкашенин и Яков Нагой собрали родственников в избу и с песнопениями сожгли себя вместе со стенами. Деревню после этого назвали Погорелкой. Вскоре она исчезла совсем.

Удивительно, что преследуя староверов, которые скрывались в леса, в скиты русские проявляли веротерпимость к язычникам (не рушили капища и идолов), к буддистам, к шаманистам, мусульманам, к иудеям, к ссыльным полякам-католикам. Были новокрещены – молодые девчата – жены русских или дети, взятые у вдов из местных, чьи мужья погибли в совместных походах. В Красноярском остроге упомянуты случаи купли их. В Енисейске же документами такого не зафиксировано. Новокрещеных усыновляли, они вырастали вместе с родными детьми под одной фамилией и в последующих поколениях абсолютно никакой разницы не наблюдалось. Яркий пример тому судьба Ивана Архиповича Айканова и всего, ставшего большим, рода Айкановых в Красноярье. О нем написал книгу «Дикая кровь» А.И. Чмыхало.

Еще один важный вопрос этнографии – это судьба малых народностей, их «исчезновение». В Красноярском и Ангаро-Енисейском округах (округах в смысле административных единиц) «исчезли» аринцы, яссы (ястынцы), котты, асаны, «гасеевцы» (до сих пор не установлено к какой ветви они относились), качинцы, киргизы, для них имеется ввиду «исчезновение» с места проживания на юге региона.

Причин три, но ни одна из них не связана с геноцидом. Киргизы, ведомые джунгарами ушли в Среднюю Азию. Увели с собой часть качинцев и аринцев, с которыми находились в родственных отношениях через межэтнические браки.

Оставшиеся киргизы и мигрировавшие на юг качинцы и арины в результате естественной ассимиляции образовали хакасский этнос. Естественная ассимиляция как раз и является главной причиной этнических потерь.

Показательна судьба рода (улуса) аринцев, проживающих на р. Бузим возле Матоны (Кекура). Они породнились с русскими еще в конце XVII века; казаки братья Матонины взяли в жены себе дочерей их главного князца, поэтому те и другие жили рядом, вместе. Г.Ф. Миллер пишет, что он встретил в Красноярске аринца с речки Бузим, который помнил еще свой родной язык и рассказал интереснейшую легенду о своих далеких предках. Миллер применил к нему термин «последний». Прошло более ста лет, и другой исследователь Сибири академик Миддендорф тоже пишет о встрече с «последним аринцем». И он ошибся. У нашей матери из рода первых красноярских казаков Шахматовых и Матониных – основателей Кекура были аринские черты лица. Она рассказывала: *«Мне было 5 лет (а это 1910 год – В.А.), девочки взяли меня с собой: «Пойдем, посмотрим на мать деда Григория Тихонова – она, говорят, при смерти». Пришли. На кровати лежит маленькая, скрюченная, черная, явно нерусская старушка. Я аж испугалась».*

Есть еще несколько побочных примечательных фактов о недавнем аринском «следе». В Атаманово жил, приехавший из Кекура, сельчанин Павел Матонин. И у него, и у сыновей, родившихся в начале 30-х годов прошлого века, овал лица и редкие бородки выглядели, как у степняков. До 1929 года, до коллективизации, кекурские крестьяне называли избушки и зимовья на дальних пашнях юртами. У малых народов исчезли тела, но в геномах многих сибиряков остались участки их генов. В жилах членов и нашей семьи и у многих других чалдонов есть капли аринской крови.

Рубеж первый – бассейн реки Оби

Одно из положений приверженцев евроазиатства, к ним относится и автор книги, заключается в том, что территорию Великой Степи от Черного моря до Байкала, и от реки Янцзы до Северного Ледовитого океана несколько тысячелетий занимали арьи, скифы и славяне, от которых пошли ветви других народов, прежде всего русичи (русские, украинцы, белорусы) и тюркеты.

На самых древних картах у греков большое пространство в верховьях Оби и Ангаро-Енисейская провинция названы Тартарией. В X – XI веках нашей эры по Гумилеву за хребтами в Центральной и Юго-Восточной Азии был благоприятный климат, достаточно влаги, росли большие травы, паслись миллионы голов лошадей и копытных, и резко выросла рождаемость у монголов. Они не пахали землю, и с юных лет мужчины готовились в воины. И на вершине воинственной пирамиды появился Чингисхан – самый беспощадный завоеватель и тиран всех времен и народов. Монголы подчинили себе, уничтожив, многие тысячи землян: журдженей, татар, скифов, угрофиннов, кето-остяков и десятки других этносов и племен по Великой Степи. 400 лет собирали дань, в том числе и с русичей, разорили и пожгли многие города. Но не вечно царство, построенное на рабстве и крови. Несмотря на гнет, поднялась, окрепла главная антимонгольская сила –

русичи. И в конце концов вышли за свои пределы, в Поволжье, на Урал, и наконец за Урал, с целями мирными в своей основе, без большой крови и рабов. Присоединение к Руси Зауральских земель, приход в Сибирь, ее освоение не началось с конкретной даты, с какой-то одной акции, как считают до сих пор еще многие. Вот какую огромную роль играет искусство, в частности, картина В.И. Сурикова.

Государевы деяния, совместно с общенародным стремлением похода в новые земли на волне пассионарности дали быстро должный результат, существует даже такое выражение: «русские прошли сквозь Сибирь, как нож сквозь масло». За 25 лет: 1582 г. (бой дружины Ермака с войском Кучума) – 1607 (выход на Енисей) к России была присоединена гигантская территория бассейна Оби. Были построены сотни поселений, среди них опорные пункты – остроги: Тюменский (1585 г.), Тобольский (1587 г.) Сургутский (1595 г.), Нарымский (1595 г.), Томский (1604 г.), Кетский (1604 г.), Тарский (1600 г.), Мангазейский (1601 г.)

Йо! Нэсси!

Несмотря на годы смуты, русские люди неуклонно и быстро внедрялись в таежные пространства, присоединяя их к России. В 1601 г. построили на р. Таз Мангазейский острог. На вопрос толмачей к хантам: «Есть ли на восход солнца реки?», те отвечали восторженно: «Йо! Нэсси!»

Много слов, в том числе междометий, заимствовали русские у татар и у сибирских народов. Еще арьи и славяне, живя за Полярным кругом, приветствовали появление Солнца – РА, восклицаниями: «РА!», «УРА!» (то есть у нас Солнце)! Тот клич в Российской армии сохранился до сих пор. Кстати, летописцы отмечали, что и татарские конники, несясь на схватку, издавали устрашающий рев: «У-р-р-ах!»

У кетских народов тоже был восторженный возглас: «Йо!». Интересен факт употребления его в веселой песенке:

*«На рыбалке у реки
Тянут сети рыбаки
На рыбалке блещет рыба,
Словно глыба серебра.
Больше дела – меньше слов!
Нынче выпал нам улов,
Мы поймали, мы поймали
Много рыбы ... Йо!»*

На кетском наречии языковой «кварк»: иССу, Су, нэССи, то есть согласный «С» с гласными, несет смысл – поток, водоем. Отсюда названия: ИССык-Куль, Изыр-Су (Кача), МинУСа, река УСа, притоки Енисея СиСим, Сым, КаС. И «Йо! Нэсси!» значило: «мощный поток», «большая вода». Думаю, большинство читателей слышали о Лох-Нэском змее в озере в Шотландии. Чудеса? Откуда такая одинаковость и почему? Никаких чудес: «Нэсси» - так называли озеро кельты («речные люди») – потомки арьев, пришедших в Шотландию 4000 лет назад.

Русские два слова соединили в одно – Енисей. В Красноярске есть знаменитая обувная фирма «Ионесси».

Конечно, великий поток Йонэсси произвел огромное впечатление на русских, ясно, что течет река издалека.

Из Мангазеи отряд служивых через волок Таз - Турухан спустился в 1605 г. к Енисею, оставив там годовальщиков. Они зимой на лыжах перешли через Енисей, встретились с эвенками и выяснили, что недалеко в него впадает большая река (Нижняя Тунгуска). В 1606 г., весной, был отправлен отряд служивых в большем количестве, он добрался до устья Тунгуски в конце лета, а в начале зимы (уже в 1607 г.) был зачат новый

острог «Новая Мангазея», названный после Туруханским. В том же году, то есть в сентябре 1607-го, другой отряд по маршруту Тобольск – Иртыш – Обь – приток ее Вах – волок – приток Енисея Елогуй вышел на Енисей, зачав поселение Верхнеимбатское. В 2007 году Туруханск отмечал юбилей 400-летия, а ЕКВ «400 лет Енисейскому казачеству», в честь чего выбита медаль.

А в трудные для Московской Руси 1610 и 1611 годы казаки по Иртышу, Оби, по притоку ее Тыму, перейдя по волоку на большой приток Енисея Сым вышли на его левый берег, зачав поселение Сымское.

Главный герой весьма содержательной и интересной книги «Черные люди» - помор и торговый человек Тихон Босой (реальное лицо), как пишет В.Н. Иванов, в детстве слушал монолог «богатыря в синем кафтане, русобородого, могучего». Говоривший был никто иной, как приказчик в торговом доме отца в Мангазее Ерофей Павлович Хабаров, в будущем знаменитый первопроходец.

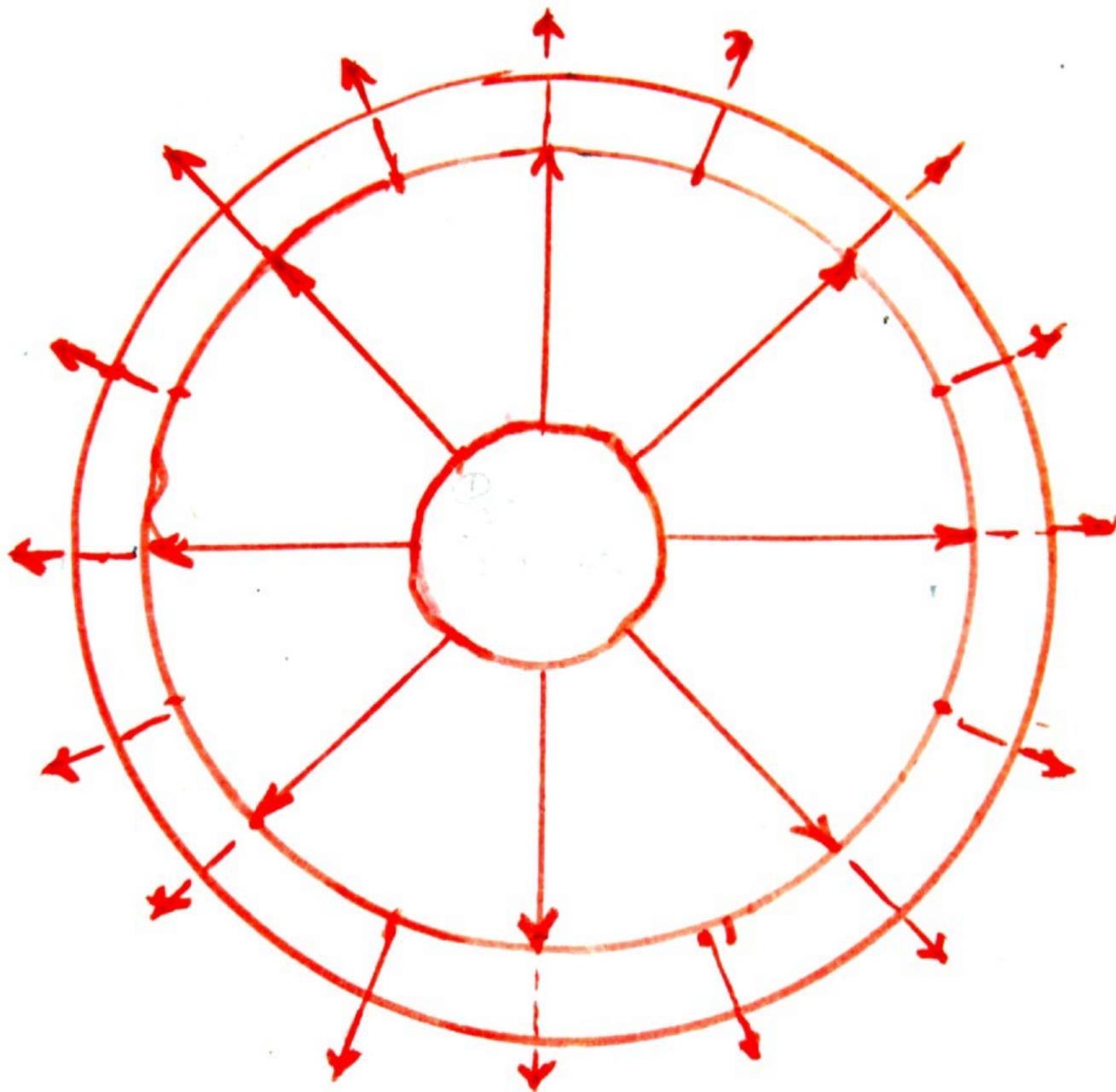
«Мангазея что! – говорит Ерофей Павлыч. – Соболей скоро там изведут. Там делать неча! Сколь народу вместе! Дальше надо идти! На Енисей-реку! Какие места! Там не только соболевать людям, там людям жить можно. Земля-то черная на тех местах. По реке Чулыму, сказывают ах и места! Степи! Луга! Зверье! Все в цветах – не выгорают в жару, воды много. Кругом горы, а в горы пойдешь – наверху леса, в них озера как зеркало, а в зеркале те же горы синие. Эх, раздолье! Летом травы в рост человеческий на лугах, а зимой ветры снег сдувают, скот все время пасется! Люди там тунгусские – тихие. Князьцы ихние в соболях шубах ходят. От Мангазеи бежать кочами нужно Тазом-рекою до Енисейского волока».

Стало ясно – нужен новый большой форпост на Енисее. Сам географический жребий определил место. В 1604 на притоке Оби Кети был поставлен Кетский острог. Служивые поднимались по реке все выше и выше. Живущие по Кети остяки и кеты, а в ее верховьях тунгусы, ясак платили исправно.

По волоку в летнее время из Кети можно было перейти на реку Кемь, впадающую в Енисей. Климат зимой и летом вполне приемлем, на реках нет льда 6-7 месяцев. Совсем рядом с востока течет еще одна великая река Верхняя Тунгуска (Ангара). Самое место для ключевого острога на Енисее! О строительстве Енисейского острога, о становлении его, о жизни в нем в XVII веке прочтите прекрасную книгу А. Бродникова (ныне проректор НГУ по научной работе) «Енисейский острог», изданную в 2004 г. к 385-летию Енисейска.

Глава вторая

Форпост Енисейск на семи ветрах

Крылатое выражение «на семи ветрах» возникло в Европе в период интенсивного плавания по Средиземному и Северному морям. Смысл его понятен: нечто (порт, маяк, верфь, изба) построено и обжито в таком месте, что нет защиты от ветров со всех направлений.

Сторон четыре, то сознавали и питекантропы, раскинув, стоя, руки. А в каменном веке выросла необходимость, знать куда идти; примечать, в какой стороне скалы и пещеры, где кормятся животные, куда течет вода. И лучшими ориентирами стали восход и закат солнца, полдень или направление против полдня. Таким извечным приемом пользовались и русские первопроходцы.

За Полярным кругом и далее его, где солнце много дней, недель, а то и полгода накручивает спирали параллельно горизонту, гипербореям, арьям-славянам, а после поморам, приходилось использовать свои, другие приметы. Ладно, на суше, на материке. А если в море под парусом, изобретенным, по мнению ученых гипербореями же в период неолитической революции, то есть 8-10 тысяч лет назад. Ориентировались по ветрам.

После изобретения компаса круглую шкалу разбили на румбы: через четыре прямых угла проводили две скрещивающиеся линии, по сути четыре биссектрисы. И кроме четырех основных направлений, по терминологии атлантистов – норд, зюйд, вест, ост, появились еще четыре: норд-ост, норд-вест, зюйд-ост, зюйд-вест.

Тогда почему не восемь, а семь ветров? Из-за сакральности, загадочности цифры 7: семь перемещающихся среди неподвижных звезд светил (Солнце, Луна и до конца XVIII века 5 планет); семь основных цветов радуги (спектра), семь нот. И связанных с этим семь дней недели (каждому светилу соответствовал свой день); отсюда пословицы, поговорки, выражения: «семеро одного не ждут», «семь раз отмерь - один раз отрежь», «семь пятниц на неделе» и еще более десятка известных.

Постепенно термин «на семи ветрах» стали использовать в более широком контексте: расположение чего-то на бойком, заметном, значимом месте. Сия характеристика подходит к Енисейску периода XVII – XVIII веков.

С момента построения в 1619 году до середины XVIII столетия он был форпостом на путях в Восточную Сибирь, в Забайкалье, на Амур, на Дальний восток, на Камчатку. Еще сто лет являлся купеческим, одним из больших городов Сибири, со знаменитой на всю страну ярмаркой. И все 400 лет - административный центр: в XVII – XX вв. огромного Енисейского уезда, с площадью до 1 млн. квадратных километров (см. карту-схему на стр.....), а с 1924 г. Енисейского района

Форпост Енисейск. Маршруты енисейцев XVII – XVIII вв.

На Красный Яр

Итак, еще один стратегический проект исполнен – возник ключевой град – форпост на Енисее. Вперед, вперед! Никакого промедления. Всю зиму 1619-1620 годов в Енисейске не перестают стучать топоры, шебуршат продольные пилы; возводятся стены и башни острога, устанавливаются на них орудия; строятся воеводский и гостинный дворы, жилые избы для служивых людей. На стапелях собираются дощаники. И умелые мастера по образцам остяжских лодок готовят долбленки, малые лодки - «обласки».

В мае-июне 1620 г., после ледохода, мобильные отряды служивых направляются вниз по Кети до Кетского острога с первичным богатым ясаком; и вниз, и вверх по Енисей-реке, по Йонесси.

Забоят Тобольскую администрацию южные области до Саянских хребтов, где кочуют улусы киргизов. Им не раз посланцы с толмачами из Кузнецка и Томска предлагали пойти под начало белого царя, платить ясак, жить в мире, торговать. Не согласны! Живут по обоим берегам Енисея, по Чулыму и Юсам с девятого века. Распространяли свою экспансию вплоть до Ангары, подчинили качинцев, аринов, моторцев, остяжские племена, собирали ясак, привозили невест и сами оставались в остяжских улусах. Их в свою очередь постоянно воевали джунгары – черные калмыки и монголы, особенно во времена Чингисхана и Джучи. Киргизы были зависимы от них.

Русской администрации удалось установить контакт с аринцами под главенством князя Тюльки. Он кочевал с подвластными ему улусами по малым речкам (Изыр-Су, Бузим, Кантат), в нижнем течении Кана и по срединному течению Кети – по территории, названной Тюлькиной землицей.

И договоры 1615 года, заключенные с Алтын-Ханами, с джунгарами, с тувинцами, Василием Тюменцевым в ходе его успешной дипломатической миссии, ситуацию с киргизами не изменили. Стратегический вывод один – нужно выше Ангары на Енисее строить новый острог, чтобы обезопасить себя с юга. В истории Приенисейского края (региона) общеизвестен факт об экспедиции посланника царя Андрея Дубенского летом 1623 года в Тюлькину землицу для выбора места для острога. И он выбрал его возле устья Изыр-Су (Качи), где красные яры (признак залежей ториевых руд). Дубенский отправил

отчет в Москву: «И на том на Красном Яру места угожи есть и острог поставити можно». Нередко исследователи заикливаются на словах «места угожи». Да, было все необходимое: кондовый бор, сенокосы, ровная площадка на стрелке, удобные берега, наличие глины. Но подобных угожих мест между порогом, названным Казачинским (первично Казацким) и Качей немало. Опытный наблюдательный муж Дубенский выбрал место, еще из-за двух важнейших причин: Красный Яр – это граница лесостепной зоны и горно-таежной, тайги; ниже Качи и Маны живут мирные племена, согласные добровольно «пойти под цареву руку», а по Енисею выше, за лесами и горами, на юг, и по степи, на запад, довольно агрессивные степняки.

Аринцев, ясов (ястынцев), коттов, асанов, кетов, никто из русских не воевал; мест их кочевий не занимали; установили ясак в целом более щадящий, чем с них взимали - причем набегами, - киргизы, джунгары и монголы; предложили сдавать пушнину в определенные сроки. К тому же, подъясашных угощали романеями, вином, дарили нужные им вещи.

Есть вопрос, четко пока не проясненный (по причине еще не прочитанных записей Сибирских приказов): а ходили ли енисейцы в Тюлькину землю в 1620-1622 годах? Известный историк А.Н. Копылов утверждает, что уже летом 1620 года небольшой отряд енисейских служилых (с толмачем) поднялся до Маны.

Казачи поняли, что в Тюлькиной земле проживают мирные люди. Более того, русские, захваченные ранней шугой, вынуждены были зимовать на площадке у быка, чуть выше впадения речки Тели (94 км от Красноярска, ныне Тельский бык). Аринцы и котты, зимовавшие на протоке Енисея (их кочевье – это Балчугский луг на левом берегу Кана, при устье его), помогли им выжить. Копылов не указал источника. Но такой серьезный исследователь вряд ли озвучил свою личную версию. Даже если так, то основания для нее есть существенные.

Путь на Красный Яр из Тобольска в течение 130 лет (!) до строительства Сибирского (Московского) тракта был единственным - через Енисейск. Выплывали из Тобольска в мае какого-то года, приплывали в Красноярск в июне следующего. Сложнейший героический путь по рекам: Иртыш-Обь-Кеть-Енисей и по тайге от Маковского до Енисейского острога. Только великий пассионарный народ с помощью сибирских народов мог совершить такое. Ныне даже одну экспедицию (например, для кино) повторить невозможно!

В первые годы доставлять пополнение Красноярского гарнизона и грузы поручили енисейцам. И они возроптали: мы проделываем труднейший путь от Маковского до Енисейска, после 350 верст вверх по реке, на Казачинском пороге грузы переносим на плечах и едва тянем вверх пустые дощаники, да и выше порогов мест тяжелых полно. А на Красном Яру служивых больше, чем у нас, хотя ясаку они сдают намного меньше. Енисейский воевода А. Ошанин вынужден был написать жалобу в Москву. 1629 и 1630 гг. были под Красноярском сравнительно мирными, и царское правительство своим решением ликвидировало Красноярский острог. В конце 1630 года 150 служивых из него были переведены в Енисейск. Об этом узнали степняки. В марте 1631 года стало известно о готовящемся походе киргизов до Енисейска, причем осведомители сообщили, что планируется острог захватить, а если не удастся, то сжечь все посева, подгородные деревни, угнать лошадей и коров.

А в мае по наущению противной стороны остяки из деревни Верхней Подгорной (в 3-х верстах от Енисейска) подняли мятеж, ушли и угнали скот. Только вылазки кузнецких и оставшихся красноярских казаков не позволили киргизам в 1630-1631-ом годах план осуществить. В январе 1632 года указ о ликвидации Красноярска был отменен, служилых

было велено вернуть обратно. И Красноярский острог на 70 лет стал прифронтовым городом.

Известный историк С.В. Бахрушин – автор «настойной книги» красноярских историков и краеведов «Очерки по истории Красноярского уезда в XVII веке» (Научные труды, том IV) писал:

«Военный форпост Красноярск в течение всего XVII века жил жизнью военного лагеря, всегда под угрозой нападения, всегда под оружием. Из года в год пригородные деревни выжигались «воинскими людьми немирными», пашни вытаптывались, уездные жители уводились в плен или убивались. Он перенес несколько осад. Были моменты, когда Красноярску грозила непосредственная опасность, например, в 1653 году во время нашествия Алтын-Ханов; или в 1664 г., когда он был осажден Сенгентайшой. Условия военного стана среди людей немирных и воинственных соседей наложили своеобразный отпечаток на весь быт Красноярского острога. Настоящее разбойничье гнездо, живет он для войны и войною. В атмосфере непрерывного противостояния складываются типичные черты красноярского служилого человека XVII века: склонность к своеволию и буйству, жестокость и падкость до наживы, - и выше всего, - вольнолюбие, дух непокорности и независимости».

Енисейцы и красноярцы, стрельцы и казаки с одних и тех же мест России и Сибири исправно несли нелегкую службу, будучи в одном лице и воинами, и строителями, и землепашцами, и скотоводами, многие умели охотиться и рыбачить, конечно же, не враждовали. Решение же о том, кто должен грузы из Маковского доставлять на Красный Яр, не раз менялось. Первопроходцы стали ядром сибирского суперэтнуса, окончательно сложившегося после второй переселенческой волны 1896-1915 гг.

При ежегодном плавании вверх против течения, при возврате в Енисейск служивые примечали удобные для постоянного жития площадки на енисейских ярах. Как сообщали они в записках: *«При отдыхе и ночлегах засеки крепкие засекали, чтобы худые люди не пришли и какого дурна не учинили»* (так было везде от Урала до Тихого океана). Рыли землянки-временки, избушки ставили, а когда царь в 1634 г. разрешил «присевать у Енисея хлеба небольшое место, чтобы было чем прокормиться», служивые, в первую очередь дети боярские, атаманы, пятидесятники, десятники, предприимчивые казаки, начали огораживать усадьбы и дома строить вне острогов, определять на постоянное жительство в них своих семейных; сами же продолжали все службы исполнять, наезжая домой по разрешению, когда позволяла обстановка.

Так в XVII веке на берегах Енисея возникли от Красноярска до порога и ниже - от порога до Енисейска, в Красноярском и Енисейском уездах, более полусотни поселений, абсолютное большинство которых сохранились до сих пор. Смотрите карту-схему из лощи р. Енисей. Виват Вам, отцы – основатели! Ныне идет волна - отмечают круглые даты (по 300 лет и более) практически по всему речному Красноярью от Саян до Туруханска. Пусть во многих прибрежных деревнях и селах жизнь с начала 90-х годов XX века из-за перестройки замерла, но важна память.

Енисейск

Лесосибирск

Р. Адада

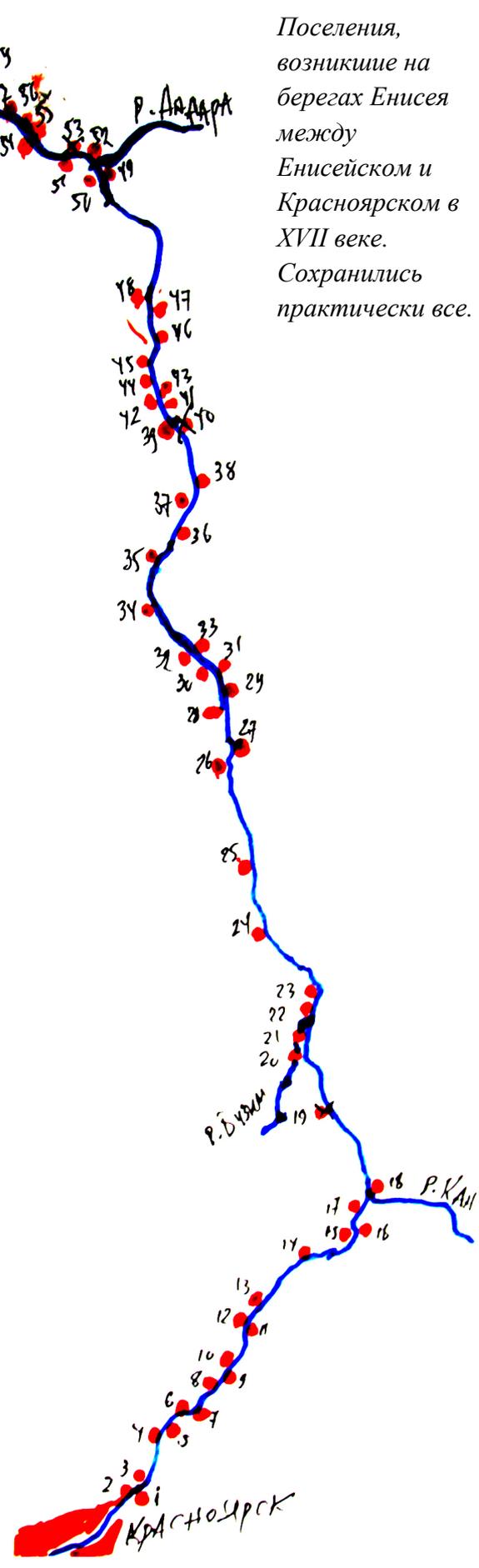
Р. Бичим

Р. Кан

Красноярск

Поселения, возникшие на берегах Енисея между Енисейском и Красноярском в XVII веке. Сохранились практически все.

1. Березовка
2. Плоская
3. Коркина
4. Кубекова
5. Эрмолаева
6. Худогодова
7. Есауково
8. Састорожское
9. Тартат
10. Кваршина
11. Дюкотова
12. Барабанова
13. Нибера
14. Атаманова
15. Холтуцова
16. Келюнова
17. Билыт
18. Жсть - Кан
19. Бузунская (исчезла)
20. Нахваловское
21. Мало-Нахвалское
22. Равловщина
23. Б. Таскира
24. Токеево
25. В. Токеевская
26. Прегавая
27. Предвижск
28. Ситюнова
29. Посольная
30. Ивановская
31. Курбатова
32. Лутовская
33. ЯЗЯЕВА
34. Заливская
35. Подпорожская
36. Лискуновка
37. Самковасталаице)
38. Момотова
39. Казанское
40. м. Казанское (исчезло)
41. Волошиная
42. Курбатова
43. Борки
44. Лайриша
45. Гавань
46. Захаровка
47. Савица
48. Каргидо
49. Стрелка
50. Широкий Луг
51. Жсть - Тульцкая
52. Жсть - Ангарск
53. Пашина (исчезла)
54. Смолозидка
55. Абакирова
56. Высокобарский
57. Чиликава
58. Лесосибирь (МАКЛАКОВА)
59. Камешек
60. Ермакова
61. Гривына
62. Лютанова
63. Верхнее - Пашини

В низовья, до границ Мангазейского уезда

В 1621-ом году отряд енисейских служивых сплавился вниз по Енисею до устья левого притока Сыма (300 км), где в 1611 году было основано поселение Сымское, казаками, пришедшими из Тобольска по системе Иртыш – Обь – приток ее Тым-волок-Сым.

Сымчанам было объявлено, что отныне они будут состоять в административном подчинении Енисейскому острогу. В августе-сентябре енисейцы вернулись домой, привезли ясак. И так каждое лето в XVII – XVIII веках отряды из Енисейского гарнизона уходили в низовья Енисея вплоть до Верхнеимбатского; поднимались вверх по Средней (Подкаменной) Тунгуске, более, чем на 300 верст, до Вельмо.

Было весьма важно установить границы Енисейского и Мангазейского уездов, потому что, во-первых, некоторые территории оказывались необьясченными; во-вторых, были случаи, когда наоборот с некоторых туземцев ясак требовали дважды, в том числе служивые из далеких острогов (Нарымского, Сургутского), приходившие в низовья Енисея и на Подкаменную Тунгуску незаконно.

Вот один из примеров несогласованности, приведенной в книге А. Бродникова «Енисейский острог» (стр. 34). В 1624 году варгаганские князья сдали ясак (21 соболь с пупки и с хвосты, да 4 росомахи) сборщикам из Енисейска. В начале 1625 года к ним вновь пришел отряд казаков под началом атамана Поздея Фирсова, потребовавшими пушнину за 1624 год. Тунгусы на казаков напали. В коротком бою тунгусов разбили и взяли нескольких пленников, которые пояснили, что накануне с них взяли ясак (оказалось впоследствии служивые из Закаменного зимовья Мангазейского уезда).

К 1630 году границы Мангазейского и Енисейского уездов были определены: к енисейцам отходила территория левого берега Енисея до Верхнеимбатского, где жили в основном остяки, по правому же берегу таежные места до Подкаменной Тунгуски и по ней до правого притока – речки Вельмо.

Напомню, что кроме сбора ясака, стрельцы и казаки не имели никаких других прав по принуждению, по эксплуатации аборигенов, только товарообмен, без захвата мест кочевий, охоты; браки и крещение по добровольному согласию. При нарушениях, а такие были, виновных наказывали строго, батогами били, жалования лишали, в кутузки сажали. Оставляя в острожках годовальщиков, остальные служивые возвращались домой, поднимали лодки против течения неделями: по бурлацки тянули, шли на веслах и с шестом, при низовках паруса ставили. Тяжелый труд. Надо было иметь отменное здоровье, терпение, много разных навыков и к гнусу иммунитет.

По Ангаре

«Навстречу утренней заре

По Ангаре, по Ангаре»

(из песни А. Пахмутовой и Н. Добронравова)

Слава Вам, сибирские реки, потоки жизни, вечные труженики! Не было бы вас – не было бы истории Сибири, как таковой. Жилища древних людей эпох палеолита и неолита, городища и землянки средних веков, практически все найдены возле вас. Города, деревни и села россиян тоже стоят на ваших ярах.

Одна из великих рек Сибири – это ты, Ангара, колыбель многих народов. Всегда могучая и светлая, временами буйная, а в теплые летние дни – ласковая. Если на пути «из варяг в греки» главным потоком, несущим струги, был Днепр, то путем (долгие годы единственным), связывающим Западную Сибирь с Восточной, а Восточную Сибирь с

Дальним Востоком, по сути далекую Европу с Зауральской Азией, была ты, Ангара! Миллионы тонн рыбы выловили из твоих глубин люди. На своем горбу вынесла ты миллионы кубометров первосортного леса! Четыре плотины связали твои берега, четыре искусственных водохранилища разлились в ложе твоём! Вращаешь ты лопатки у десятков гидротурбин, на которые насажены генераторы, и по проводам течет другая, электрическая река.

Нас накануне 400-летия г. Енисейска и Енисейского уезда (района) интересует вопрос, как их судьба связана с твоей, Ангара. Но прежде остановимся на житии древних ангарцев из родов предков россиян, не столько ради интереса, сколько для утверждения и углубления идеи евразийства.

В поисках ангарских идолов (интервью с А.П. Савиным)

Александр Петрович Савин родился в 1958 году в г. Красноярске в семье рабочих, сибиряков (отец приехал с Амура, мать из Канска). Закончил школу № 72 в 1975 году, год проработал на «Красмаше» слесарем-сборщиком. В 1976-1978 годах служил по особому набору в дивизии имени Дзержинского в г. Москве. После демобилизации учился на рабфаке, с 1979 по 1984 год на историческом факультете Красноярского пединститута. Получил направление в г. Железногорск, где живет с семьей до сих пор. Работал учителем истории в школах №№ 102 и 103, преподавателем КГПИ. В 1993 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Формирование познавательного интереса старшеклассников в археологической деятельности»,

Автор: Александр Петрович, мы с Вами проработали десять лет бок о бок учителями в Лицее «Гармония» № 103. Знаю Вас, как авторитетного учителя истории, профессионала высокого класса и любителя археологии. Сколько раз Вы ездили летом на раскопки на Ангару?

А.П. Савин: У меня за плечами 33 полевых сезона. Начал ездить с 1980-го года после первого курса в составе Северо-Ангарской экспедиции исторического факультета. И так 14 лет. Непосредственным руководителем был Николай Иванович Дроздов – преподаватель факультета, после его декан и более десяти лет – ректор пединститута, доктор исторических наук, профессор. Я ему помогал, как старший воспитатель. Раскопки мы вели у речки Ковы – притока Ангары. Ангара – молодая река. Как выяснили ученые поток воды из Байкала хлынул 12 000 лет назад, а Енисей он достиг 4000 лет назад. Вода сливалась по ущельям, низинам, стояли озера, часть ее уходила в притоки Подкаменной Тунгуски.

С юга, с отрогов Восточных Саян после каких-то катаклизмов геологического плана потекли реки, что впадают в Ангару. Главная из них Бирюса (она же ОНА – ударение на о), сливаясь с Усолкой, образуют реку Тасееву.

Автор: Неужели в этих, я бы сказал, свехтаежных краях жили люди?

А.П. Савин: Конечно. Все, что надо для жизни есть: вода, дерево, животные – пушные, копытные, медведи, рыба. Удивительно, что находки соответствовали разным временам с разрывами, особенно на Кове. Сначала обнаружили стоянки людей эпохи палеолита – каменного века, по оценке возрастом 30000-32000 лет. И вот сенсационно находят захоронение шамана с бронзовой бляхой поверх скелета и другими атрибутами. А это максимум 8000 лет назад. И, наконец, известный археолог Герман Иванович Медведев тут же на Кове находит высеченного на камне идола возрастом 4000 лет, характерного для скифов. Он даже не поверял истинности артефакта, высказал идею, что сделали это какие-то знатоки, путешествующие здесь, просто так для баловства. Но нас с Юрой Гревцовым это заинтриговало, потому что складывалась логическая

цепочка – пути сибирских скифов прослеживаются от Минусинской котловины (тагарцы) до Ангары.

Юрий Анатольевич Гревцов также со студенческой скамьи ежегодно бывал в экспедициях. В Железногорске работал научным сотрудником городского музейно-выставочного центра (МВЦ). Имеет ряд блестящих находок, известен как крупный археолог в стране, перешел на профессиональную деятельность по этой специальности.

Автор: Как я понял, у Вас появилась еще одна сверхидея - искать ангарских идолов.

А.П. Савин: Это, скажем, попутно. Мы работали по заказу РосГидро в будущем ложе Усть-Илимского водохранилища на Чушане, Богучанского района (Чадобец, недалеко от Кодинска). К тому же, мы с Юрой с 1998 по 2011 год возглавляли в Железногорске городской летний лагерь «Юный археолог».

Автор: Представляю, что это такое, так как десятки раз ходил в многодневные походы с учащимися (30-50 человек) по Сухобузимскому и Емельяновскому районам, на Кан. Больших ЧП не было, но какие-то инциденты, мелкие проблемы постоянны, а тут месяц жить вдали, в палатках.

А.П. Савин: Был опыт. Ребят брали по желанию. Жили по строгому распорядку дня. Поддерживал строгую дисциплину, но и не давил, инициативу поощрял. Ведь кроме утилитарных целей были чисто воспитательные: и любовь к истории наших мест, к природе; сочетание труда и отдыха; ритуалы, песни у костра. Ребятам нравилось, просились еще. Около двадцати человек поступили на исторический факультет.

Автор: Каковы же результаты? Нашли идола?

А.П. Савин: Результаты вполне удовлетворительные. В МВЦ в г. Железногорске оборудован кабинет с археологическими и палеонтологическими находками, в том числе и юных археологов. Нашли место, где он стоял, вероятно сгорел, ведь скифы изготавливали их из дерева. Но сомнений в его существовании нет, обнаружили ритуальную площадку, где приносились жертвоприношения, совершались обряды. Круг на довольно высоком яру Ангары. Юра Гревцов, в шутку говоря, загонял ребят: мешками грунт таскали на реку, там промывали его тщательно, ведь мелких артефактов нашли сотни.

Автор: Я рассматривал экспозиции в МВЦ, очень интересно. В центре поставлен условный идол в виде дерева с кроной. Заинтересовал экспонат, произведший сенсацию, расскажите о нем.

А.П. Савин: Да, находка уникальна. Мы с Юрой нашли несколько камней, обработанных с одной стороны под рыбий нос. Что бы это значило? Как говорят, «Кто ищет – тот всегда найдет». Однажды Гревцов увидел в отвале кончик такого камня, не поленился, в шутку говоря, поднял – это было при мне. И о! Чудо! В руках желтоватый камень, полностью обработанный под рыбку, похожую на сига. Мы знаем примерно сибирские находки в разных городах, общаемся. Нигде такого нет. Исследовали на возраст – 8000 лет. В Красноярске на стрелке в Музейно-выставочном центре состоялось международное биеналле. Юрий Гревцов вместе с работниками МВЦ придумали оригинальную экспозицию. Экскурсант как бы находится в воде и смотрит снизу вверх. Там во льду круглое отверстие, по бокам несколько волосатых человек из древности смотрят с интересом добытчиков на приманку – (наш камень), держа наготове острогу. Впечатление привлекающее, острое. В результате: гран-при выставки и приглашения в разные страны.

Автор: Все, кто интересуется историей края, что-либо слышали о князце Тасее. Есть река Тасеева, есть районный центр Тасеево. Что тут первично, что вторично? К какой древней цивилизации он принадлежал. В Сибири первично название рек. По названию трех Тунгусок: Верхней, т.е. Ангары, Подкаменной и Нижней живущих вдоль их людей называли тунгусами. Под определение подходили несколько этносов, но в основном эвенки. Я один из авторов гипотезы языковых «кварков» праязыка Евразии. В

соответствии с ней «ГА» - человек, «АСЕ», «ИССУ», «ЕССЕ» - это водный поток или водоем. Выходит Тасеева – «река, у которой живут люди». А Тасей – один из них, стал известен, как руководитель улуса.

А.П. Савин: *Может быть! Кстати, село Тасеево находится выше реки километров на 300. Вероятно, русские обосновались на месте, где бывал Тасей с улусными людьми при кочевьях.*

Автор: Спасибо! История Ангары необычна, в чем-то загадочна. Ее роль в освоении и развитии Восточной Сибири колоссальна, вряд ли есть подобная река в мире. А в песне А Пахмутовой и Н. Добронравова слова припева «Навстречу утренней заре» символичны и относятся вообще к русским, пришедшим по Великой Степи к Тихому океану.

Распря с тасеевскими князцами

(по книге А. Бродникова)

До устья Ангары енисейцы поднялись уже в мае 1620 года. В конце того же года были поставлены для годовальщиков зимовья и на правом берегу Ангары (после поселения в 1634 г. сюда воеводой Жданом Кондаревым семи крестьянских семей образовалась деревня Усть-Тунгусская). И на левом - на стрелке (так издавна русичи называли клин, образующийся при слиянии двух рек) в 1636 г. постоянными жителями стали бывшие служивые Бузины и Падерины, ныне это большое поселение так и зовется Стрелка.

Уже зимой 1620-1621 гг. енисейские казаки взяли ясак с тунгусов, живших в низовьях Ангары. Весной 1621 г. отряд в 50 человек отправился вверх по Ангаре. И уже в устье ее встретилось препятствие – порог, названный Стрелковским. Известно, что параллельно Енисею от Саян до речки Бахты (100 км ниже Подкаменной Тунгуски) слева тянется более 1000 км кряж. При пересечении его Ангарой недалеко от устья и возник порог.

Служивые дошли до урочища Кежма, оставили там годовальщиков, успели вернуться домой. На левых (с юга) притоках Ангары располагались владения нескольких улусов во главе с князцами Тареем, Иринеем Улусом, Бореем, Ялымом и др. Все подчинялись заглавному богатому князю Тасею. По мнению этнографов они были «метисами» при взаимной ассимиляции живущих вместе много веков тунгусов, скифов и остяков.

Тасей как заглавный князь и другие князцы, будем называть их с их подданными одним словом «тасеевцы», - первоначально согласились сразу на союз с русскими на условиях: будут ясак исправно поставлять, но места их кочевий и охоты русские трогать не будут; на Ангаре зимовья ставить по согласованию; пусть местом встреч для сдачи ясака будет площадка на берегу, называемая (в переводе) «Рыбной ловлей».

В 1621 г. за принятый ясак русские вручили подарки – железо, ножи, посуду, бисер; угостили вином.

В первые 10 лет мир был хрупким. Разные многовековые традиции и привычки разных народов. Разный образ мышления христиан и язычников-идолопоклонников, шаманистов, давали сбой, иногда из-за непонимания, недоразумений и уж тем более из-за нарушения договора «на шерти». Летом 1620 г. тасеевцы заявили, что «придут сообща весной многими людьми в острог». Намерения их, как прояснилось позже, были самые позитивные – подтвердить «верность белому царю». Но остяки левобережья Енисея, узнав о заявлении, сообщили о нем в острог. Воевода зимой, в начале 1621 года отправил челобитную в Тобольск. И тобольский наместник боярин Матвей Головин велел томским воеводам И.Ф. Шаховскому и М.И. Радилову послать из Томска дополнительно 40 служилых людей. Занятие им, конечно, нашлось. При получении ясака в 1621 году на

Рыбной ловле служивые подарков не привезли. Тасей посчитал, что русские нарушили договор, так как вручение подарков расценил как товарообмен («бартер») – обычное дело в Сибири между этносами, которые денег не знали. И в 1622-1627 гг. тасеевцы ясак не платили. Обида приросла после постановки нескольких новых (нужных, конечно) зимовий и по другим причинам. Не раз возникали стычки с потерями людей с обеих сторон.

В 1627 году властный и умный пеший атаман М.Перфильев, безусловно заслуживающий быть в галерее знаменитых енисейцев за 400 лет, возвращался с Шаманского порога.

Сплавляясь вниз, решил заехать на Рыбную ловлю и там ясак получить. Но князцы Лукашка Тасеев, Иркиней, Баткей со своими подданными, численностью в 200 человек стали стрелять в русских из луков, Пospела Никитина убили, 11 человек ранили, в том числе Максиму Перфильеву стрелами пробили насквозь обе руки, прострелили левое бедро.

Все же казаки сумели захватить одного аманата (пленного). При допросе он назвал причины, почему тасеевцы не хотят пропускать русских на Ангару и не платят ясак. Они недовольны тем, что договор нарушается, не всегда есть подарки. Русские промысловики охотятся в тех местах, которые являются с давних времен охотничьими угодьями аборигенов, и в аманаты забирали «лучших людей». Надо было тактику менять! И в необычное время, в начале сентября, то есть уже в 1628 году были отправлены для замирения всего 3 человека: стрельцы Кондратий Федоров, Василий Ермолин и с ними торговый человек с подарками Фрол Щолков. Однако, в январе вернулся один Ермолин (по прозвищу Бугор) и рассказал, что *«тунгусы учинили непослушание ясак платить не захотели, Фрола Щолкова убили до смерти, Лукашка Тасеев и стрельцов грозил убить, но Бугор убежал из заперти»*.

Замирения с «тасеевцами» в конце 1628 года, добился сотник Петр Бекетов.

От Стрелковского порога до Шаманского

«В 1623 г., пишет в книге «Енисейский острог» А. Бродников, - ссыльный литвин Я. Плешевский с отрядом в 50 человек, прошел вверх по Ангаре и взял ясак с новых «землиц», с тунгусских дальних аплинских князцов». На следующий год сын боярский Андрей Дубенский и атаман Василий Тюменец повторили этот успех и дошли до «Шаманской земли» - до переката, который не одолели». И в последующие два года пройти через Шаманский не удалось. Особенность его в том, что весной при большой воде он просто неистов, а осенью быстр и мелок для дощаников.

В отписке («отчете») о плавании в 1626 г. атаман Максим Перфильев писал: *«Порог добре велик и место тесно, и подняться по порогу было немочно, люди с нами были невеликие (примечание: то есть мало людей – В.А.) и вода на пороге была мелка»*.

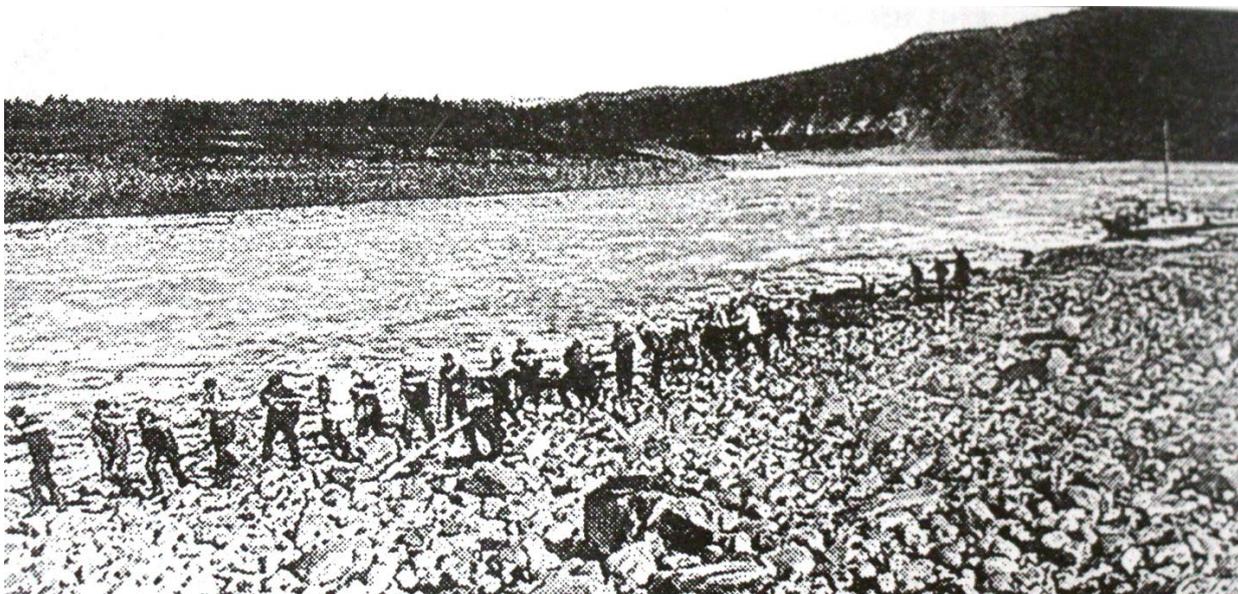
В следующем 1627 г. М.Перфильев с отрядом вновь дошли до Шаманского порога. Обложили данью землицы выше владений князя Тасея. Да прибыли с верховьев Ангары «бракские люди» с ясаком. Всего было приобретено 428(!) соболей. Однако, отряд вновь не смог через порог подняться. М. Перфильев распорядился срубить ниже острожек и оставил в нем годовальщиков. Лишь в 1629 году, когда годовальщики укрепили ворота (лебедки), удалось Шаманский порог преодолеть.

И более ста лет через него с переносом грузов, с потерями вынуждены были идти отряды служивых. Чтобы расширять и осваивать пределы Российской империи.

В 1717 г. по пути енисейцев, через Тобольск прибыли в острог по разрешению Петра I путешественники из Германии. Они по Ангаре поднялись до Байкала, выходили на Амур, вернулись обратно в 1719 г., а в 1722 в Нюрберге вышел многотомный труд под длинным названием в 50 слов «Наинновейшее государство Сибири ..». Приведу оттуда

выписку : *«На Ангаре пятый водопад самый опасный: при высокой воде все же можно рискнуть проехать по нему, что мы и сделали. Помогли, вращая ворота, дежурившие здесь солдаты. Перекат называется Шаманским или Долиной Колдуна, так как в этой местности жил знаменитый шаман или тунгусский жрец дьявола. Этот водопад длиной в половину мили. Берега усажены высокими утесами и все дно каменистое. Ужасно смотреть на него. Производит он большой и страшный шум, так что быстрый бег по отчасти скрытым, отчасти выступающим над водой участкам можно услышать на расстоянии трех немецких миль. Купцы, поднимаясь вверх, проводят здесь часто 5, 6, а то и 7 дней, чтобы поднять на воротах разгрузочные суда. При этом корабль плотно заколачивают, чтобы бешеная вода не могла попасть внутрь. Грузы переносят за порог на плечах нанятые местные жители. Вниз по течению лодки проходят перекаат за 12 минут. Сотни поставленных крестов являются знаком, что много здесь потоплено и погублено людей».*

И до самого момента, когда в лето..... перекаат накрыли воды Усть-Илимского водохранилища он «собирал дань» с плывущих на простых и моторных лодках россиян.

Лямочники из Кежмы («кежмари») тянут из Енисейска против течения Ангары илимку (такие суда строили в Илеме Иркутской губернии).

Фото 20хх годов XX века из семейного архива ангарцев Брюхановых.

На Лену-реку и на оконечность Евразии

Тунгусам были известны два волока из бассейна Енисея в бассейн Лены:

- вверх по Нижней Тунгуске до ее притока речки Тебеи, из нее волоком до реки Чоны – притока Вилюя

- вверх по Ангаре до Илима, из него волоком на приток верхней Лены.

Вилюйским волоком русские служивые ходили из Мангазеи и Туруханска, начиная с 1610 года (широко известен поход некоего Панды), но путь тот был весьма труден и затратен, длился два сезона. А вот Илимский (вскоре его назвали Ленским) волок, начиная с 1628 года использовался три века, ездили по этой дороге и зимой. Конечно, путь туда проходил через Енисейск. Енисейские казаки сначала поставили на Лене зимовья, в 1632 году заложили Якутский острог. Экспедиции енисейцев – администраторов, промышленников, охотников, сборщиков ясака шли все дальше и дальше на Камчатку, Индигирку, Колыму, Анадырь, спускались до Полуночных морей Северного Ледовитого океана. Роль Енисейска – форпоста на путях до Тихого океана огромна. Из него выходили

первопроходцы Е. Хабаров, В. Атласов, В. Поярков, Бегичев, братья Лаптевы, С. Дежнев, С. Крашенинников, В. Беринг, члены двух Камчатских экспедиций.

К «брацким» людям (к бурятам) в Забайкалье

По Ангаре, южнее эвенков, вокруг Байкала и по дорогам на Запад вплоть до Тюлькиной земли жили буряты – «брацкие» люди, буддисты. Их взаимоотношения с русскими были непростыми. Хотя они и подходили с востока к Красноярскому острогу, бывало, угоняли скот, но до военного противостояния дело доходило редко. Когда казаки под началом атаманов М. Кольцова и Е. Тюменцева в 1634 г. зимой на лыжах, таща нарты, пошли на восток, то буряты перед их появлением покидали свои места обитания. Потому удалось поставить два острога – Канский и Покровский (Нижнеудинский), оставив в них годовальщиков. Однако, как опасность миновала, буряты осадили остроги. И так продолжалось несколько раз, вплоть до сжигания первого Канского острога.

На Ангаре же буряты надеялись, что договоры 1627-1629 годов, по которым они платили ясак, остановят русских в их продвижении на юг до Байкал-моря. Но служивые продвигались все дальше: и с севера (по Ангаре, преодолевая Шаманский порог – енисейцы) и с запада – красноярцы. Были возведены остроги: Усть-Илимский, Братский, Балаганский, Иркутский.

Уже в 1661 Иркутск получил статус российского города.

В конце 30-х годов XVII века отряды разведчиков из Енисейска и Якутска выяснили, во-первых, что за Байкалом на восток течет великая река Амур; что, во-вторых, на его правом берегу живет древняя мощная цивилизация (маньчжуры, китайцы), о которых европейцы, конечно, знали; и в-третьих, на левобережье Амура простираются огромные степи, довольно тепло, земли и леса богаты. Естественно, и правительство России, и Сибирскую администрацию обуяла идея присоединить Забайкалье и Приамурье к России. У этого великого проекта, осуществленного только к концу XIX столетия, своя большая история. Не будем ее касаться. Нас, в свете 400-летия Енисейска интересует один вопрос, что именно из Енисейска и началась «дальневосточная эпопея» по маршруту Енисейск – Ангара - Байкал – Селенга – валок на Шилку – с нее по Амуру. К Енисейскому уезду временно были приписаны далекие провинции Селенгинская и Забайкальская. Известный первопроходец Ерофей Хабаров с разрешения воевод именно в Енисейском уезде набирал дважды свои основанные на казачьих принципах, ватаги из служилых и вольных людей.

Енисейский уезд (район)

Свою историю в Зауралье имеет административное деление. В XVII - начале XX-го веков в Сибири самыми крупными единицами были наместничества и губернии, они состояли из уездов, округов и провинций, те в свою очередь из присудов и волостей. Организующую, собирательную и общинную роль играли церковные приходы (от нескольких сотен до 2000 прихожан из ближайших сел и деревень). Территория бассейна Енисея (Енисейский регион) в XVII в. делилась на три уезда: Мангазейский, Енисейский и Красноярский. Енисейский уезд начал формироваться одновременно со строительством Енисейского острога, к нему сразу же были приписаны десять волостей с численностью коренного населения 350-400 человек, 85 ясачных семей, в основном кетов и остяков, живущих на левобережье Енисея по Кети, Кеми, Касу. Из русских поселений был только Маковский острог. По мере продвижения енисейцев во все стороны территория прирастала год за годом: на север вплоть до Верхнеимбатского, по Подкаменной

Тунгуске; на восток и юго-восток по Ангаре уже в 1624 г. в ее среднем течении появились еще три волости, в том числе Асанская, населенная асанами и коттами.

На юге в 1628 г. возникли Красноярский острог и Красноярский уезд – бывшая Тюлькина земля, в ней жили не менее 1000 человек аринцев, кетов, котов, асанов, ясов (ястынцев). Во второй половине XVII века исключительно по берегам Енисея между Енисейском и Красноярском появилось полста русских поселений (по переписи 1671 года в них жили более 300 граждан России мужского пола).

Граница уездов проходила по Казачинским порогам на юге от Енисейска; по верховьям рек Кемь, Кеть и Белая – на запад. Интересно, что в Красноярском уезде более мелкие административные единицы до 1783 г. назывались присудами, а после волостями, а в Енисейском сразу волостями.

Весьма показателен в историческом и в этнографическом плане факт быстрого роста русских поселений, освоение угодий под пашни и сенокосы, формирование уклада и системы жизни на основе триады: община – род – патриархальная семья. Интереснейшие данные по Енисейскому уезду приводит в Приложении А. Бродников в книге «Енисейский острог» (Енисейск в XVII веке): по данным писцовых книг Енисейского острога, составленных томским сыном боярским П. Сабанским в 1639 году енисейцы распахивали 300 десятин пашни, имели 205 лошадей 115 хозяев. Примечательно, что 76 из них жили в Енисейске (с/х занимались 30 хозяев из служивых, от сотников и атаманов до рядовых казаков и стрельцов; 16 посадских). 75 человек указаны как пашенные крестьяне Верхне-Подгородней деревни. Но к тому времени в Енисейском уезде было еще не менее полсотни поселений (по берегам Енисея, Кети, Кеми, Каса, Пита, Сыма, Белой), вокруг которых были введены в оборот пашни и угодья.

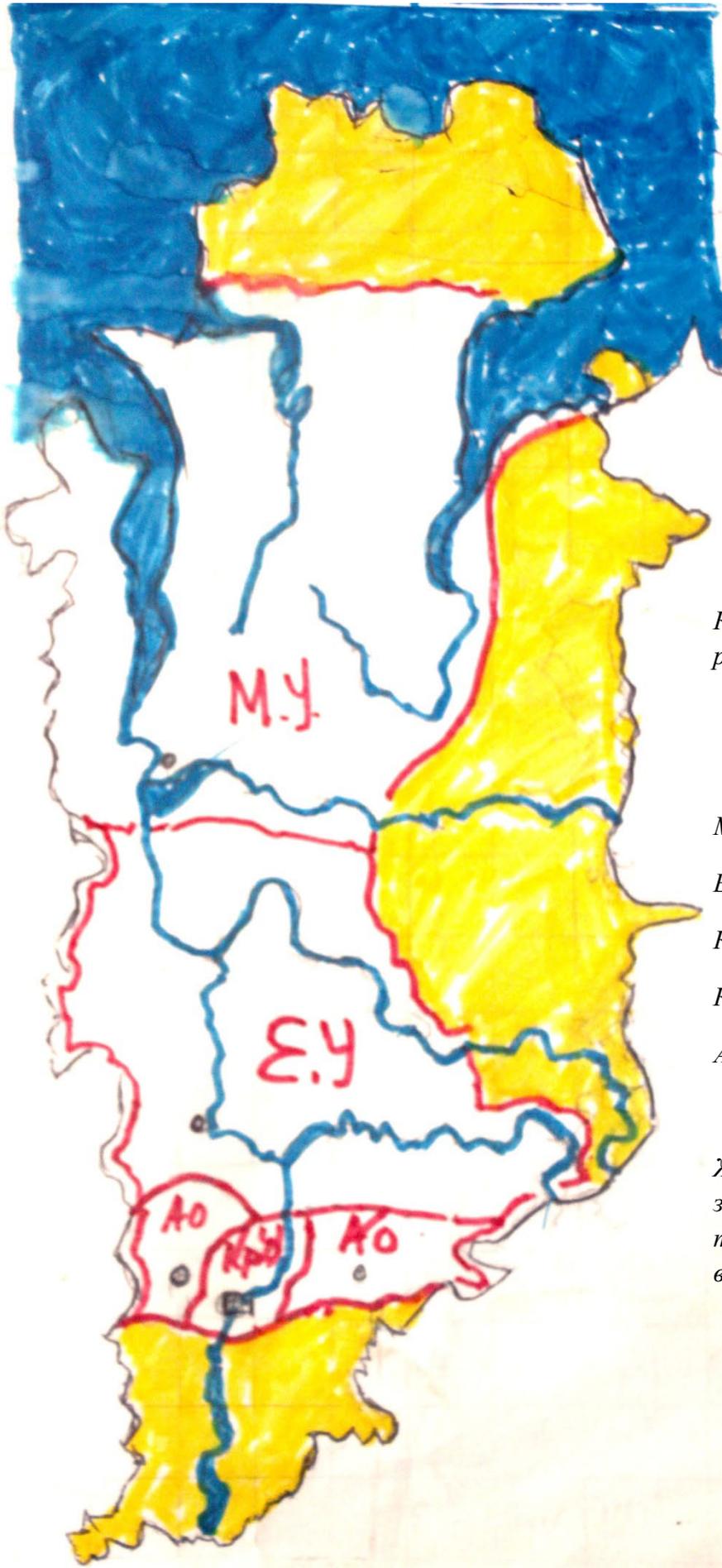
В вопросе освоения новых земель важны еще несколько факторов:

- Свои усадьбы, свои дворы, хозяйства имели граждане разных сословий: военные, администраторы, монахи, казаки, крестьяне, кустари, ссыльные, даже гулящих людей»садили на землю». Причем, горожане, жители острогов несли службы и занимались в основном другими важными делами. При необходимости не раз в сословие служивых и казаков возводились посадские люди и крестьяне.

- В книгах, составленных П. Сабанским, перечислены имена и фамилии владельцев лошадей и пахотных участков из русских людей. Но рядом стояли улусы кето-остяцких этносов.

- В плане частной, личной собственности существовало явное большое неравенство. Воеводы, сотники, атаманы, подьячие, дети боярские получали государево жалование намного больше, чем рядовые служивые, да к тому же им постоянно приносили подарки (мзду), как свои, так и ясачные люди. Не гнушались люди власти и присвоением общих богатств. То же и в сельском хозяйстве. Если все (!) пашенные крестьяне имели по 1-2 лошади, распахивали минимум одну десятину и максимум 3, то атаман Иван Галкин 30 десятин, сын боярский Петр Бекетов 15 десятин, Максим Перфильев 15 десятин. Неравенство вызывало протесты. Известен Енисейский бунт 1624 года.

Красноярские казаки летом 1627 г. во время следования из Тобольска в Енисейск, на Кети встретили и ограбили возвращающегося в Москву бывшего енисейского воеводу А. Ошанина. В 1630 г. они избили и утопили в Енисее своего атамана И. Кольцова за то, что он, по их мнению, был виновен в недопоставке в Красноярск хлеба.

Карта-схема Енисейского региона в середине XVII в.

М.У. – Мангазейский уезд

Е.У. – Енисейский уезд

Кр.У. – Красноярский уезд

К.О. – Канский округ

А.О. – Ачинский округ

Желтым цветом заштрихованы территории, пока не вошедшие в состав России

Но в отличие от Европейской России, массовых восстаний, бунтов, ни со стороны стрельцов, казаков, ни со стороны пашенных крестьян с начала XVII – до середины XIX веков не было. И причины тому в особенностях сибирской жизни. За что боролись казаки и крестьяне под началом Болотникова, Разина, Пугачева? «За землю, за волю, за лучшую долю», понимая под ней справедливость, равенство, отсутствие эксплуатации, притеснений, крепостничества. В Сибири для всех было достаточно земли и свободы (без помещиков). Сдерживающими факторами являлись совместные походы: воевода ты, сотник или бывший смерд на службе, тебя одинаково жрет гнус, неделя за неделей тянется время, в нескольких местах надо идти пешком, греться у костра. Вот как талантливо, правдиво, хотя и цветисто писал об этом Вс. Н. Иванов в своей замечательной книге «Черные люди».

«Плывет в своих стругах боярин, князь имерек на воеводство по сибирским рекам – на Енисей или Лену-реку, на Байкал-море. Стрельцы, ратные люди его на отдыхе песни играют, а у него сердце жмет. Тепло было князю-боярину у царского верху, а теперь шлет его царь: пойдика в Сибирь, послужи верную службу. И сиди в сибирской дыре, в дальнем остроге два или три года, жди, пока Москва смену пошлет. Изба простая, рубленая, тесно, корма скудные, доходы малые, народ буйный, вольный, того глядя помрешь, либо тебя худой мужичонка в бунте убьет топором до смерти. Вот она царская-то служба. А в Москву приедешь – того гляди за такую службу под кнут, а то и под топор попадешь».

Это в общем, описательном плане. Конкретно же большинство военных и административных руководителей в Сибири честно исполняли свой долг во имя Отечества своего. Их имена наряду с казаками должны прозвучать в четырехсотлетие села Маковского, Енисейского уезда (района) и г. Енисейска.

Управлять столь гигантской территорией площадью до одного миллиона квадратных километров было весьма непросто. Царское правительство провело ряд административно-территориальных реформ.

В 1773 году возникли Иркутская губерния (к ней отошли верховья Ангары); Туруханский край, входивший в состав Енисейского округа. С 1827 года по 1924 гг. существовал Енисейский уезд.

При Советской власти в 1924 г. была проведена реформа, перекроившая карту Сибири. Вместо губерний от Урала до Енисея возник Сибирский край с центром в Новосибирске, естественно, с гигантской площадью. В него входили округа бассейна Енисея Таймырский, Эвенкийский и Красноярский.

Вместо уездов и волостей появились новые административные единицы – районы, в том числе в бывшем Енисейском уезде: по Ангаре Кежемский, Богучанский, Мотыгинский; на Западе – Пировский и Большеугольский; по Енисею севернее Ярцевский (существовал недолго), южнее – Казачинский. В 1932 г. из Енисейского района выделился Северо-Енисейский. Даже при таком урезании площадь Енисейского района является четвертой после Эвенкийского, Таймырского округов и Туруханского района (107 000 кв. километров), соизмерим с Португалией, в 1,65 раз больше Латвии.

Сибирский (Московский) и Енисейский тракты

Постоянной и до конца не решенной (в основном из-за природных условий) проблемой в Зауралье является вопрос о речных, морских (по Ледовитому океану), о сухопутных путях (дороги, тракты, шоссе федерального и местного значений). Кажется невероятным, вызывает удивление и восторг переселение с конца XVI-го до середины XVIII веков сотен тысяч россиян из Центральных и Северных губерний России за Урал,

до Тихого океана. Летом плыли исключительно по рекам, преодолевая волока (не более 5 месяцев в году). Зимой же ездили в санях, запряженных лошадьми, на нартах с оленями и с собачьими упряжками. Только великий народ на стадии пассионарности мог такое совершить.

Сеть дорог между острогами, селами, деревнями, зимовьями постоянно расширялась, опутывая громадные территории. Все сильнее ощущалась необходимость в строительстве от «Москвы до самых до окраин» станковых и побочных трактов.

Этот вопрос перед царем и правительством ставили исследователи Сибири Стреленберг, академик Г.Ф. Миллер и Паллас, участники первой (1725-1729 гг.) и второй (1733-1737 гг.) Камчатских экспедиций.

Царица Анна Иоановна в 1735 г. издала указ о строительстве Сибирского (Московского) тракта до Иркутска и назначила руководителем проекта В. Беринга. Он развернул работы с размахом: тракт начали отсыпать сразу по всей трассе, от острогов и больших поселений в обе стороны, на запад и восток, с установкой верстовых столбов. Через каждые 40-50 верст создавались «станки» для обслуживания. На них селили («садили») большими семьями крестьян из окрестных сел и деревень. Все участки сомкнули в 1760 году уже при Елизавете Петровне. С той поры Московский тракт играет стратегическую роль. По обе стороны его появились другие тракты, шоссе, дороги. От каждого станка осуществлялась ямщицкая гоньба по доставке почты.

С 1740 года власти Красноярского и Енисейского острогов решили начать формирование дороги между двумя центрами региона. В официальных документах она называлась Енисейской окружной дорогой (длина 316 верст или 337 километров) и была построена к 1750 году. На ней появилось 13 станков: первый Старцевский (в 18 верстах от здания почты в Красноярске), второй – Шилинский (62 версты, 1747 год), за ним Бартатский, и т.д. Енисейским трактом дорогу стали называть в 1917 году.

С 1760 года отпала необходимость в доставке грузов по рекам из центра через Западную Сибирь на Енисей и далее до Байкала и Якутска (возник Якутский тракт). Енисейск потерял стратегическую роль, но еще полтора века оставался приличным купеческим городом, в котором проводились ежегодно ярмарки. О состоянии Енисейской дороги (тракта) можно судить по «красочному» описанию знаменитого норвежского путешественника – исследователя Севера Фритьофа Нансена. В 1913 году он на пароходе «Омуль» поднялся от устья Енисея до Енисейска. Свой путь, с приложением фотографий, Нансен описал в интереснейшей книге «В страну будущего».

Ф. Нансен торопился. Он пишет: *«В Енисейске парохода ждать не стал, срочно выехал в Красноярск по тракту. Мы ехали без остановки день и ночь до самого Красноярска, останавливались лишь на 13 станциях, где меняли лошадей. Ямщик без усталости погоняет лошадей, а ты сидишь и подпрыгиваешь так, что кажется из тебя всю душу вытрясают. Вспомнив, что таким образом предстоит проехать 330 верст, я начал сомневаться, что доеду целым и невредимым. Дорогу размыло дождями (начался сентябрь - ВА), колеса глубоко уходили в мягкую землю, проваливались в ямы и рытвины. Тарантас был безрессорный и чрезвычайно тряский, я невольно опасался за целостность своих ног, рук и зубов».*

За Енисейским трактом, конечно, следили, на отдельных участках сыпали гравий. Но при резком континентальном климате в условиях мягких почв Красноярской лесостепи он с конца марта до снежного покрова в ноябре-декабре находился в неважном состоянии.

Только в 1965-1975 годах произошла капитальная реконструкция тракта: новое полотно с асфальтовым покрытием прошло в стороне от сел и деревень со всеми полагающимися атрибутами и службами.

В августе 2011 года стою на тракте у стелы «Сухобузимский район», считаю разновидности транспорта на колесах: «Жигули» - раз, автобус «ЛиАЗ» - два, самосвал – три и т.д. Довольно быстро счет перевалил за сотню.

200 лет назад на телегах, одрах и зимой в санях ехали крестьяне на базар, а рекруты на службу. А в кибитках, бричках и крытых тарантасах дворяне, купцы, чиновники из богатых. В 2011 году в автобусах и отечественных машинах спешили студенты, рабочие, госслужащие, пенсионеры. В «Митцубиси», «Хондах» и прочих дорогих иномарках – владельцы компаний, торговых предприятий, бизнесмены средней руки и выше.

Миграционная волна север-юг

В начале XVIII в. большую часть киргизов джунгары («черные» калмыки) увели через Горный Алтай в Среднюю Азию и в Прикаспий, где потомки тех и других живут до сих пор.

На юге региона освободились богатые угодья, куда, естественно, устремились предприимчивые жители Красноярского и Енисейского уездов. Переместились туда из бывшей Тюлькиной земли и аринцы, кеты, ястынцы, образовав при слиянии с оставшимися киргизами хакасский этнос.

Исполняя договоры «на шерти», русские в XVII в. 80 лет строили поселения между Красноярском и Енисейском почти исключительно по берегам Енисея.

И вот появилась возможность осваивать для ведения сельского хозяйства земли Красноярской лесостепи в долинах притоков Енисея: Подъемной, Бузима, Качи, Кантата, Есауловки. Их заселили в основном крестьяне Енисейского уезда, где условия для выращивания зерна были намного хуже. Переселение резко усилилось после строительства Московского и Енисейского трактов. Этот масштабный процесс известный ученый историк В.Ф. Быконя назвал «Миграционной волной север-юг». Но волна-то была не стихийной. Автор, изучая документы присудов, Сухобузимской и Нахвальской волостей, «Метрические книги» XVIII в. Енисейской епархии убедился (это и В.Ф. Быконя утверждал), что общины енисейских поселений посылали сначала выборных лиц для определения места. Потом ехали одновременно десятки больших семейств и умельцы ставили сразу десятки домов. Роды перво жителей сохранились вплоть до начала XXI века.

Часть вторая
ЕНИСЕЙСКИЙ УЕЗД –
ВАЛЮТНЫЙ ЦЕХ СТРАНЫ
(XVII – XX вв)

Утверждение М.В. Ломоносова «Россия будет прирастать Сибирью» оказалось пророческим, провидческим. В его время, в середине XVIII века, под Сибирью понимали все Зауралье до Тихого океана. Если брать эту глобальную территорию, то 400 лет Сибирь кормила себя сама, до последнего времени в продовольственной сфере имела все необходимое, кроме фруктов и виноградного вина. Поставляла в Европейскую часть России и в союзные республики (ныне самостоятельные государства) лес, пушнину, цветные металлы, рыбу. Давала львиную долю сырья для внешней торговли. А в последние полвека практически вся валютная выручка в страну поступает за счет сибирских газа, нефти, никеля, меди, золота, алмазов, леса, пушнины, рыбы.

Представим российское Зауралье «фабрикой» со множеством цехов. Одним из них является Енисейский уезд (район). Если распределить валютную выручку на душу населения, на тех сибиряков, кто своим трудом добывал, брал и берет природные богатства, то на первом месте будут в XVII-XX вв. енисейцы. И потому определение Енисейского уезда (района) как валютного цеха страны не является натяжкой или фантазией автора.

Пушнина

Шкуры и шкурки пушных зверей – хищников, копытных, грызунов, водоплавающих востребованы человечеством на земном шаре изначально. Без этих шкур не выжили бы северные люди. В Средние века по мере роста общественных богатств в Европе, в Центральной и Средней Азии произошел переход от шкур к шкуркам. Сначала у королей, графов, баронов, ханов, царей, бояр; после – у простолюдинов: шубы, халаты, камзолы, мантии, воротники, головные уборы, обувь, оторочки, «пушки» - меха, меха, меха! На многих картинах, где изображены люди зимой, пушнина, пушнина, пушнина: на «Незнакомке» Крамского, бобровая шуба на Шалапине; вспомним А.С. Пушкина:

«Поутру в сани он садится.
«Пади! Пади!» - раздался крик.
Морозной пылью серебрится
Его **бобровый** воротник».

В Евразии потребность в шкурах и шкурках всегда была огромной. Значительное число их поступало на международные рынки с Руси (России), было доходной статьей ее экспорта.

В Новгороде и на Северной Двине одно время даже вместо денег использовались «белы» (шкурки белок) и «куны» (шкурки куниц). К концу XV века их число резко уменьшилось – выбили.

Особенно высоко ценились шкурки белок, песцов, чернобурых лисиц и особенно соболей, добытых в Сибири. Их качество определялось природой: длительное проживание зверей в суровых условиях, большое их количество, значит выживание более ценных особей. И вот, когда «пробка» выхода в Сибирь была выбита, то промысел пушнины стал одним из главных стимулов продвижения по Великой Степи; ее продажа давала до 25 % валютной выручки страны). Уже многие века идет охота на животных тайги и тундры, которых природа наградила ценным мехом; и слава ей – природе за сохранение ареалов. Вот несколько примеров из недавнего прошлого, подтверждающих ее мощь и возможности.

- Автор каждое лето по два месяца в возрасте 10-16 лет, работал в бригаде по заготовке сена, начав с волоковоза. Жили мы в балагане. Рабочие – женщины, подростки, старики. Один из них дед Корнилов. Однажды перед сном в ежедневных рассказах о своей долгой жизни поведал о миграциях диких животных. Он видел, как многие тысячи белок шли полосой вдоль Енисея на север. «А однажды, - утверждал наш рассказчик, - поехал я за

сеном на Хлоптуновский мыс. Вдруг мой конь резко заржал и задрожал. Смотрю. А не так далеко гуськом, снег-то глубокий, идут волки. Много волков, вытянулась цепь аж на километр. Залез на зарод. Все равно, - думаю смерть, - от волков или от мороза. Но они, опустив морды, прошли мимо, видать, не было команды от вожака». Волки кроме всего прочего, тоже ведь ходят в пушистой шкуре, из которой принято шить мохнатые экзотические шапки-ушанки. В рассказ поверили наполовину, ибо дед «заливать» любил и умел. В зиму 1949-1950 гг. учась в 8-м классе мужской школы № 10 в Красноярске, жил на квартире по улице Богграда, напротив стадиона «Динамо» (ныне там Театр оперы и балета и Театральная площадь). Вдруг хозяйка сообщает: «Белки куда-то кочуют». Выхожу на улицу. Боже мой, «сколько их, куда их гонит», бегут по земле во дворе и на улице, прыгают по заборам, по деревьям. Один наплыв сменяет другой. Двигаются с запада на восток, вероятно, из Кемчугской тайги в Канскую. Шли несколько часов. С той поры остались вопросы: что и кто гнал их (пожар, голод?), почему не обошли город? (столько много было), попадали ли на восточный берег (не видел, не знаю, вряд ли бросались вплавь, ведь шкурки намокают быстро и тянут на дно?)

- Одним из моих кумиров является Василий Песков – писатель, журналист, лауреат Ленинской премии, путешественник, прекрасный фотограф, знаток русской истории и природы. Он десятки лет в «Комсомольской правде» вел рубрику «Окно в природу», газета печатала его интереснейшие очерки с продолжением. В 70-х годах Песков ездил по Камчатке – по стране вулканов, гейзеров, лососевых рек и лежбищ морских котиков. Обо всем этом он написал. Один из его очерков назывался «925-ый медведь». Журналист был в гостях у охотника Ушакова, который угощал его медвежатиной. На вопрос: «А сколько Вы медведей убили?» Ушаков ответил: «А вон посчитай черточки на бревне избы. Я как убью медведя, делаю острым черту». Песков посчитал. Оказалось, что медведь, мясом которого он угощался, был 925-м.
- Известна кинохроника конца 70-х годов, запечатлевшая ход диких оленей в лесотундре Красноярского края, как тысячи их плыли через широкую реку.
- В 2004 г. записал рассказ ветерана Енисейского пароходства Анны Михайловны Боякиной – радистки, жены знаменитого капитана Боякина. *«Теплоход «Сергей Каров», на котором мы плавали, буксировал осенью 1972 г. в Дудинку большой караван, в том числе две скотовозки, на них по тысяче голов скота».*

Я не раз в детстве видел эти скотовозки, их причаливали ниже села, у сеной базы, куда все колхозы по обязательным поставкам возили сено. Прессованные тюки грузили на баржи. То были огромные деревянные площадки и на них в три этажа загоны. Коров везли в Дудинский молсовхоз. Детям на Крайнем Севере, в тундре из-за отсутствия леса не хватает кислорода, полярные ночи действуют угнетающе.

«На 90 км ниже Игарки,- вспоминала Анна Михайловна, - нас прихватил большой мороз, Енисей быстро покрылся льдом до весны. Пришлось зимовать в обстановке хуже не придумаешь: в каютах круглые сутки топили печки железные. Правда, еды разной было завались – везли на баржах в Дудинку. А что делать со скотом? Кормов мало. Коровы

мерзнут, худеют на хиусе на глазах. Власти приняли решение: выгонять скот гуртами на берег, там его резать, мясо и шкуры отправлять самолетами. Привезли забойщиков. Кровищи натекло целое озерцо. И вот, один за другим, появились песцы. У них, похоже, была своя «радиостанция» - набежало их вскоре видимо-невидимо. И почему-то и зайцы прискакали в огромном количестве».

- В конце XVI-ого и в XVII веках основным поставщиком пушнины стали тайга и тундра бассейна Оби. На реке Таз, в 300 километрах от устья ее, возникла в 1601 году Мангазея. Судьба этой фактории удивительна. За короткий период острог превратился в чудо-городок. Служащие и ремесленники, в основном из Тобольска и Березова за каких-то 2-3 года срубили острожные стены, внутри их кремль – детинец, воеводскую, приказную, съезжую избы, церковь. Срубили посад, состоящий из двух частей: торгового с большим количеством лавок, рядов, амбаров; и ремесленного, где плотничали, ковали, плавил металл, вырезали деревянные кружева, рисовали иконы. И слава о Мангазее распространилась быстро по Евразийскому континенту. За пушниной высочайшего качества в нее плыли купцы из Европы по морю, из Бухары, Причерноморья, даже из Китая по Оби и ее притокам; везли самые разные товары в обмен. Наплыв оказался таким большим, что в 1615 году уже новый царь Михаил Романов издал указ о запрете плавания в Мангазею по морям через Обскую и Тазовскую губу, а к 1640 г. торговля в ней заглохла совсем. Соболи окрест были истреблены. И с 20-х годов XVII века центр поступления пушнины переместился на Средний Енисей, на Ангару и Тунгуски с поступлением почти исключительно через Енисейск. Неконтролируемая добыча, промысел пушных зверей и продажа рухляди в Мангазейском уезде, приведшие к убыли природных ресурсов при недостаточном поступлении средств в казну (в основном таможенные сборы), были учтены. И государство приняло ряд мер: Первая мера – нормированный ясачный сбор: не более 5 шкурок в год с каждого взрослого человека мужского пола. Причем, желательно в определенных местах и в договорные сроки. Но сверх того была узаконена особая форма поборов, по сути взятки: на каждые 10 шкур одну в подарок царю («поминок» по терминологии тех веков). Для остяков, аринцев, коттов, асанов, моторцев, кетов, живущих на правом берегу Енисея режим щадящий, т.к. с них степняки с юга, буряты с востока, тунгусы с левобережья веками ясак взымали еще больший, нередко при набегах. К тому же установилась традиция угощать сдающих ясак, дарить им нужные вещи. Вторая мера – монополия государства, всякие попытки самостийного взимания ясака, тем более по принуждению пресекались в корне с суровым наказанием виновных. Третья мера – запрет на охоту русскими промысловиками в угодьях улусных князцов, на тунгусских кочевьях и в юртах бурят («бращих людей»). Меры эти хотя и с нарушениями, но в основном выполнялись. При всем уважении к личности Ерофея Хабарова хамское поведение людей из его ватаги на Амуре вызвало резкий протест маньчжуров и китайцев, тем более, они собирали большую дань с местных этносов. По этой и другим причинам Россия вынуждена была подписать договор, по которому были убраны (почти на 200 лет) русские поселения по Амуру; четкая граница

отсутствовала, китайцы охотились, собирали дары тайги по правым притокам Амура, а русские по левым.

Сколько же «мягкого золота» ежегодно брали от природы люди в Енисейском уезде в XVII-XIX веках? Данные за XVII в. взяты из книги А. Бродникова «Енисейский острог (Енисейск в XVII веке. Очерки из истории города и уезда)» - издательство «Енисейский благовест, 1994 г. Он поместил в монографию раритетный документ – «Книгу приходную ясашной мягкой рухляди – Енисейского острога за 7129 (1620-1621 гг.) (Архив Академии Наук, фонд 21, опись 4, дело 17, лист 79-79 об.). Записи в книге начаты такими словами *«Ноября в 16 день реки Енисея Кузнецкие волости с князца Туметки с ясачными людьми с 7 человек государевых поминков 5 соболей да ясашных 50 соболей взяты. А донять на Туметке с ясачными людьми государевых поминков 2 соболя, да ясашных 27 соболей. Майя в 6 день с Кузнецкие волости с князца Туметки недобору государевых поминков 2 соболя, да ясашных 21 соболя да 3 бобра да 6 соболей взято».*

Итак, с Туметкина улуса, с 7 мужчин, получено всего в ту зиму 113 соболей и 3 бобра (по 16 соболей на человека), без «поминков» - 104 соболя (по 15 штук). Выходит взяли за 3 года. Последняя же запись гласит: *«Августа в 8 день (заканчивался 7129 г. по юлианскому календарю – В.А.) Тюлькинский князец Татуш (да, тот самый, чье имя носит остров на Енисее в центре Красноярска – В.А.) послал государеву ясаку в Енисейский острог в новые земли Васанские 3 соболишка и 7 недособолишек с пупки и с хвосты».*

Всего записано 56 поступлений. Самый большой ясак взят *«Генваря в 7 день с Пумнокольские волости с князька Урнука с ясачными людьми с 34 человек государевых поминков 31 соболя да ясашных семь сороков да четыре соболя взято (то есть 284 шт. – В.А.). А данято (т.е. долг – В.А.) на князьке Урнуке с ясашными людьми государевых поминков 3 соболя, да ясашных два сорока 10 соболей (90). Да бобр черный поминошный».* Более 400 соболей всего (по 5 шт. с человека за 2 года). В итоге в книге записан приход: 1811 соболей ясашных, 114 «поминков» и 51 (!) бобр. Прошел всего год со дня строительства Енисейского острога. Только началось объяснение территорий, вошедших после в Енисейский уезд и уже около 2000 шкурок поступило в казну. Кроме того добывали разную пушнину русские охотники (промысловики). И размер добычи ими был большим. Вот данные на этот счет из «Энциклопедии Красноярского края» (глава «Развитие пушного промысла в Приенисейском крае (XVII век)»):

Как уже отмечалось, в хозяйственном освоении края кроме постоянного населения участвовали и многочисленные русские охотники. Особенно это было характерно для северного Мангазейского уезда. Так, в конце XVII в. в уезде с городом было около 800 душ мужского пола, в то время как в одной Мангазее до 1630-х гг. ежегодно зимовало «опричь новых приходцев» от 700 до 1000 и более промышленников. В случае удачи на промысле многие пришлые (двое из троих) уходили домой.

В отдельные годы в Мангазейский и Енисейский уезды приходило до 2000 промышленников. Главным объектом пушного промысла был дорогостоящий соболя. Попутно добывали бобров, волков, лисиц, зайцев, белок, горностаев. С 1680-х гг. по мере испромышления соболя многие охотники переключились на песца. Эта отрасль экономики (по подсчетам П.Н. Павлова) принесла России за 70 лет 8 млн. шкурок соболя на более чем 11 млн. рублей, что в среднем составляло 20 % доходной части ежегодного государственного бюджета. На долю Приенисейского края пришлось немало: примерно каждые четыре соболя из десятка (2,8 млн. штук) и каждые 3 руб. 50 коп. из червонца (4077 тыс. рублей). В лучшие охотничьи сезоны русские промышленники добывали в Приенисейской тайге до 100 тыс. соболей.

Логично, что на первом гербе Приенисейского региона были изображены два соболя, стоящих на задних лапках и держащих щит.

Тунгус в зимней одежде, рис. XVII в.

Источник: сайт Вологодской областной универсальной научной библиотеки

На промысел уходили ватагами, обычно 10-15 человек, хотя их состав мог варьировать от двух человек до нескольких десятков. Возглавлял промысловую партию передовицк, или «ватагицк», которому все должны были беспрекословно подчиняться.

Промыслы пушных зверей продолжались в XVIII – XX веках.

В фонде 1675 Мамлеева Степана Николаевича помещена «Ведомость об ясачных народах» (опись 1, дело 40), в которой приводятся данные за 1825 год. С низовьев Енисея в том году поступило шкур: соболей- 791, белок – 10157, лисиц – 824, горностаев – 440, песцов – 695.

В советское время промысел пушнины шел по лицензиям, браконьерство официально пресекалось, но к сожалению, искоренить его весьма трудно.

В БСЭ издания 1972 -1990 гг. в статье «Пушнина» написано: «Пушной промысел(охота, добыча) в 1972 г. составил в СССР 150 миллионов единиц, что составило 7-8 % общего числа шкурок». Удивительные цифры! Пусть в отчет вошли и малые грызуны: суслики, сурки, бурундуки, ласки, колонки, но все равно 150 млн. – цифра громадная. Но это 7-8 % от общего числа, значит около двух миллиардов (!) пушных зверушек выращивали в вольерах спецхозяйств страны. Многие в период горбачево-ельцинских «реформ» исчезли.

Фото Владимира Чин-Мо-Цай

Золото

О добыче золота в XIX – XXI веках в Красноярском крае, в частности в Енисейском уезде (в районе) написаны сотни научных трудов, монографий, книг; тысячи очерков, статей и эссе.

В 2013 году в издательстве «Платина» в Красноярске вышла книга известного ученого, потомственного золотопромышленника Владислава Владимировича Смирнова «Золото Сибири».

Это – настоящая энциклопедия в данной отрасли. На трехстах страницах формата А-4 изложена история золотодобычи в Сибири, начиная от хана Батыея до наших дней; помещены сотни фотографий, многие из которых уникальны; названы тысячи фамилий людей, связанных с ценным металлом, начиная от министров, руководителей главков, районов, предприятий, от ученых до шахтеров, взрывников, дражников, старателей.

В данной книге использована информация из труда В.В. Смирнова, из многих других источников; материалы архивов, а также факты на основе личных восприятий, ведь моими предками по линии матери были знаменитые енисейские золотопромышленники, купцы 1-ой гильдии Матонины; а семья ее сестры Серафимы Антоновны Колосницыной жила в Кононово, ее дети и внуки работали в Затоне, обслуживающем трест «Енисейзолото».

Определим главные этапы развития золотодобычи в Енисейском уезде (районе), как они представлены в научных трудах и в официальных документах.

Этап первый – период «золотой лихорадки» (1827-1860 гг.)

В.В. Смирнов пишет: *«Только в 1826 году царь Николай I по докладу министра финансов Канкрин дозволил выдавать привилегии (разрешения) на поиск золотосодержащих песков и руд.*

И словно неведомый полог сдержали с огромной площади Сибири. В короткий срок в разных местах ее обширной территории начали открывать одно месторождение за другим».

В 1827-1830 гг. золото нашли в Кузнецком Алатау, в Минусинском уезде, на Ангаре, в Енисейском уезде, на р. Кузеевой Нахвальской волости Красноярского уезда.

Как известно, начиная от Красноярских столбов на север параллельно Енисею более 1000 километров тянется Енисейский кряж. В 165-ти км от речного вокзала в Красноярске по великой реке слева (с запада) впадает в Енисей речка Подъемная. А напротив в тайге, на правой, восточной стороне находится удивительное место: во-первых, в пределах круга радиусом 15 км внутри кряжа расположены высокогорные болота, из которых вытекают в разные стороны 11 малых речек, длиной 80-100 км; две текут по Больше-Муртинскому, четыре по Тасеевскому, две по Держинскому и три по Сухобузимскому районам. Среди них на 142-м км в пределах Сухобузимского района впадает в Енисей речка Кузеева. Возле ее устья на террасах уже в далеком прошлом располагался аринский (субэтнос остяков) улус князца Кузея. В верховьях этой речки старатели, в том числе самоучки из крестьян окружающих поселений, среди них Матонины, с 1827 г. мыли рассыпное золото. На ручье Каменном, впадающем в Кузееву за два сезона 1837 и 1838 года было добыто 150 пудов (2,5 т) золота. Настоящее Эльдorado! Подобных мест, с такими богатыми песками в мире немного, в пределах десяти. Кстати, в XX веке драгами и роторами прошли, «перепахали», изменяя русло, почти всю Кузееву – настоящий лунный пейзаж. Артель «Центральная» добывает здесь

Отвод трех десятков золотых приисков во время «золотой лихорадки» на одной из рек в Енисейской южной тайге.

рудное золото до сих пор. Богатыми россыпями ценного металла прогремел на весь мир в 1832 году Кудусюльский ключ в Енисейском уезде, захватил место на нем купец С.И. Баландин.

В южной тайге Енисейского горного округа в 30-40 годы XIX века добывалось в год по 16,5 тонн золота, более тысячи пудов, что составляло 74% от общероссийской добычи. В бассейнах рек Удерей и Мурожная действовали десятки приисков, буквально один за одним, к концу века их стало здесь 110.

С 1840 года начинается активное освоение россыпей в северной тайге в бассейне рек Пит, Енашимо, по правым притокам Ангары.

В 1847 г. в Енисейском уезде было добыто 1213,3 пуда золота, что составило 93% добычи в Енисейской губернии, 84% общероссийской и около 40% мировой добычи. (воистину валютный цех страны). Всего к 1864 году в округе числилось 542 (!) прииска, из них к богатым относились 123. Условия работы и проживания на них в период «золотой лихорадки» были ужасными.

Изучавший в 1843 году сибирские прииски полковник

Гофман писал: «Сибирские трудности надо измерять по другому масштабу ... каким привыкли мерить их в Европе. Страна, в которой залегают золотые промыслы, есть непрерывная тайга, дремучий лес, изредка обитаемый кочующими охотниками, к шалашам коих нет никаких дорог, и посещаемых только зимою русскими звериными промышленниками. Влажность атмосферы превратила в нем почву большей частью в болото, покрывающее и долины, и горы, в которых и люди, и скот вязнут весьма глубоко... Золотоискательные партии, удаленные на сотни верст от деревень, принуждены все свои жизненные припасы, состоящие только из сушеных и вяленых веществ, иметь при себе. Ночлег на сыром мху, частые дожди, шурфовка в болотах заставляют их оставаться всегда в мокром платье ... При углублении на несколько футов шурф наполняется уже водою ... и рабочие, стоя глубоко в грязи, должны углублять шурф до самого камня ... Часто эти шурфы бывают бесплодны ... Если застигает ... партию внезапно наступившая зима с ее глубокими снегами, то бедствие людей доходит до высшей степени ... Истинно надобно иметь железное здоровье

сибиряка для перенесения подобных трудов, жертвою которых делается, однако же, немалое число их ...»

Период второй (1860-1913 гг.)

Стабильный, старательско-промышленный (переход на машинные способы добычи рассыпного и рудного золота)

Хищнический способ добычи быстро (за 30 лет) привел к истощению невозполняемых запасов золотоносных песков, «сливки были сняты». Но геологи и рудознатцы считали (в дальнейшем это блестяще подтвердилось), что Енисейский кряж – уникальное место на Земле по наличию золота. И добыча его развернулась не метафорически, а реально и вширь и вглубь, конечно, не в тех же, но довольно приличных объемах по сравнению с другими месторождениями. То подтверждает таблица, сделанная на основании данных из разных официальных источников.

Таблица объемов добычи золота в Енисейском уезде в XIX – начале XX веков

Годы	Объемы добычи						% к объему добычи	
	в южной тайге		в северной тайге		всего		в регионе (губернии)	в России
	пудов	тонн	пудов	тонн	пудов	тонн		
1841-1850	3304	55	4670	77,8	7974	132,9	} 91,5%	> 90% > 80 %
1851-1860	3084	51,4	4980	83	8064	134,4		
1861-1870	1549	25,8	3290	54,8	4839	80,65	} 83,8%	67 % 571 т >87.5 %
1871-1880	1573	26,2	1861	31,0	3434	57,2		
1881-1890	1179	19,65	903	15,05	2172	36,2		
1891-1910	1402	23,3	1181	19,9	2563	42,7		
1912-1917	355	5,9	382	6,36	737	12,28		
1832-1917						>500 т		

Золото – «богатый» металл. Но имеет и недобрую славу, его называют презренным, как поет Мефистофель: «Сатана там правит балл, черти гибнут за металл».

Далеко не просто шла его добыча в Енисейской тайге в XIX – начале XX веков и его использование. Не вдаваясь в детали, рассмотрим три важных проблемных вопроса, связанных с золотом, существенно повлиявших на историю Енисейского региона и в определенной мере России в целом: Кто золото добывал? Какие были условия для жизни и работы на приисках? Как развитие золотопромышленности сказалось на экономике и социальной сфере?

Известный краевед и талантливый писатель и издатель А.П. Статейнов в книге «Золотой век Сибири» (издательство «Буква Статейнова», Красноярск, 2012 год) красочно описал систему золотодобычи периода «золотой лихорадки», ее влияние на развитие губернии, на все стороны жизни в ней. «Золото оттянуло на себя большую часть рабочей силы губернии, преимущественно от сельского хозяйства, - пишет А.П. Статейнов, - возле

приисков всегда крутились какие-то проходимцы, которые визнавали, когда серьезный рабочий получит деньги и отправится к себе в деревню. На дороге рабочего подстерегали и, как правило, убивали. А деньги, которые он заработал каторжным трудом, забирали. На всем пути от приисков по деревням и селам стояли кабаки, притоны. Но и сами старатели «не лыком шиты», выпив спиртного, некоторые начинали показывать «форс». Поступало много ссыльных.

Большинство из них, примерно семьдесят пять процентов своей земли не имели. Многие ничем не занимались и нуждались в средствах, немалое их число тоже кинулось в золото».

Эмоционально, но слишком обще. Да, рабочей силы требовалось немало. Только непосредственно на приисках работали:

Годы	Годовое число рабочих (в среднем)
1841-1845	13477
1846-1850	14500
1851-1855	20853
1856-1860	29566

(Данные из книги В.В. Смирнова «Золото Сибири»)

Кроме того тысячи человек были заняты на доставке грузов, на строительстве, на содержании дорог.

К концу XIX века все население Енисейской губернии составляло 250 000 человек. Значит в золотопромышленность уходили до трети мужчин в возрасте 20-40 лет. Из-за сокращения производства и механизации трудовых процессов к концу века число наемных рабочих уменьшалось. Половину их составляли крестьяне.

В целом влияние золотодобычи на крестьян губернии было существенным. С одной стороны немало молодых мужчин в молодом работном возрасте нанимались на промыслы. Но семьи-то были патриархальными, большими, многосоставными – в одном доме с родителями по 2-3 сына с невестками и детьми их, иногда зятевья и другие родственники. Уезжал на заработки, как правило один из сыновей или младший брат хозяина: оставалось достаточно работников, чтобы накосить сено и провести страду. Вывозили же снопы с пашен и обмолачивали зимой, когда старатели возвращались домой. Подати за аренду земли, которая вся была государевой и общинной, не продавалась и не покупалась, крестьяне платили в феврале – марте текущего года за предыдущий. Но работники-то с приисков привозили приличные деньги, куражи устраивали не так многие ухари из крестьян. К тому же в Минусинской котловине и на среднем Енисее, вплоть до Казачинских порогов, немало крестьян специально выращивали хлеб, овощи, скот на мясо и сплавляли продукты на барках до устьев притоков Енисея, где стояли огромные амбары и лабазы и откуда грузы развозили зимой обозами на прииски. Ходили большие обозы с юга на север вдоль Енисейского меридиана, а это тоже приличные заработки.

Но участие в золотом буме способствовало расслоению крестьянства, падению нравов. Другую половину представляли выходцы из других сословий (частично приезжали с Урала и с Европейской части страны) и поселенцы, к которым относились не только ссыльные.

Откройте любую «Метрическую книгу» или Исповедные росписи церковей Красноярской Епархии (автор просмотрел их сотни) и вы увидите, что была везде графа «внесословные поселенцы». К ним относились ссыльнопоселенцы, политические и уголовники; отслужившие огромные сроки (при Николае I - 25 лет) солдаты - бывшие рекруты, потерявшие связь со своими родными; выселенные из сибирских городов по суду неимущие люмпены (по нынешней терминологии «бичи»). поселение с конца XVIII

– по начало XX веков выслали в волости «на кормление». То были на 80-90 % холостые мужчины в возрасте 20-50 лет.

Только 3 % поселенцев возводилось по решению общин в сословие крестьян, хотя они составляли минимум 25 % от числа всех прихожан в деревнях и селах. Были поселения, например, д. Кононово Сухобузимской волости, в которой поселенцев жило больше, чем старожилов-крестьян. Холостяки жили кучно в домах, в зимовьях, в банях, на подворьях. Часть поселенцев получали пособия, других нанимали крестьяне во время страды. И, конечно, этот люд – «перекати-поле», не имеющий временно гражданства и собственности, был большим источником рабочей силы на прииски, на стройки. Государство пересылало их в нужные места, например из Прикрасноярских волостей в Канский округ во время «золотого бума». Состав поселенцев через 5-10 лет менялся почти полностью. Вот они-то гибли ежегодно на стройках и промыслах тысячами. Одень их в кожанки, дай им наганы, они бы не в 1917-1919 годах, а на 50-70 лет раньше заявили о своих правах. Удивляет, почему в академических трудах и монографиях кандидатов исторических наук не исследуется и не анализируется это масштабное непростое общественное явление прошлого. И существует миф о «вольных сибиряках», поселенцев путают с переселенцами – с православными, в основном с русскими, россиянами со стержнем сибирского суперэтноса.

После строительства Транссиба число вольнонаемных, приезжающих в Сибирь на заработки, возросло. Труд был сезонным, в среднем, - с мая по октябрь, - 197 дней в году.

Условия труда и проживание в лучшую сторону менялись незначительно. Рабочий день продолжался по контрактам 40-50-х годов XIX века 12,5-14 часов: до 5-6 часов вечера шла урочная работа, а после до темноты, иногда до 11 и даже 12 часов ночи старатели мыли золото индивидуально, как бы для себя. В 60—80-х годах рабочий день на многих приисках доходил до 17-18 часов.

02.06.1897 г. правительство издало фабричный закон, который ограничивал продолжительность рабочего дня до 11,5 часов. Но закон часто нарушался. В.В. Смирнов в главе «Условия труда и быта на приисках» пишет: *«Продолжительность рабочего дня в основном определялась величиной урока, нормой выработки. Рабочие обязаны были выполнять их под страхом вычетов, штрафов, а часто и физических наказаний. В конце века напряженность труда увеличилась в три раза.*

На подземных работах урок был половина кубической сажени на двоих человек. Для выполнения урока в полторы куб. сажени породы рабочий должен был за смену вырубить кайлом и ломом более полутора тысяч пудов земли, или 26 тонн, которую затем надо погрузить в таратайку. При этом рабочий пользовался очень тяжелым ломом, кайлом весом в 5-6 фунтов. Для выполнения такой нормы рабочий средней силы и квалификации при огромной интенсивности труда должен был работать от зари до зари. Врач В.И. Крутовский писал: « ... эта норма только исключительно сильным, ловким и здоровым рабочим под силу, а остальные обыкновенно с величайшим трудом выполняют ее, и то при счастливых обстоятельствах: при сухой погоде, близкой воде и других».

Дороги были ужасными, сибирская зима – суровой. Те трудности, что испытывали ямщики на столбовых дорогах, не шли ни в какое сравнение с трудностями в тайге. В североенисейскую тайгу вело шесть дорог, но, по словам Н. Латкина, не было ни одной хорошей, в южной системе «дороги устроены довольно порядочно», но для экипажей летом была доступна одна – из деревни Мотыгиной. Плохие дороги усложняли и без того нелегкую жизнь на приисках. Для сообщения и доставки пользовались реками, а это возможно было в течение очень короткого промежутка времени.

Артель лямщиков формировалась в селе Усть-Пит. Об их каторжном труде писала московская газета «Биржа» в мае 1874 года. Получить представление о труде лямщиков можно из описания писателя Михаила Никитина: *«Если бы лямщикам показали репинских «Бурлаков», они прежде всего отметили бы, что бурлаки идут привольным берегом. На таком берегу и при таком спокойном течении нечеловеческая напряженность нарисованных художником фигур показалась бы им неправдоподобной. И они были бы правы, потому что Тунгуску нельзя даже и близко сравнить с Волгой. Тунгуска – самая дикая река во всем бассейне Енисея. Берега ее обставлены скалами или, как здесь говорят, «камнями». В тех местах, где скалы особенно тесны, река непутево ревет и плюет пеной. Тунгуска не течет, а прыгает. Никто не определял силу ее прыжков, но лямщики знают: когда влекомая ими ладья взойдет «на порожек», им надо «кланяться». И они «кланяются». Попросту говоря, они падают. Тунгуска бесится внизу, а они лежат и цепляются за выступы. Страшное единоборство длится часами. Тунгуска «держит» ладью, а лямщики «выдергивают вершки», то есть вершиками продвигают ладью».*

Количество женщин на приисках не превышало пяти процентов, семейных рабочих вообще было мало. Женский и детский труд применялся на вспомогательных работах (уборщицы, стряпухи в рабочих казармах) и лишь отчасти на основных работах (возчики, промывальщики).

«В Южной тайге 13-14-летние подростки уже бегают под галькой (то есть отвозят в отвал и дополнительно проверяют пески, которые промыты. – Авт.) и работают вместе со взрослыми от зари до зари, зарабатывая свои 15 рублей в месяц», - отмечалось в газете «Сибирская жизнь».

Однако поток желающих подработать на приисках не уменьшался, людей гнала возможность получить приличные деньги, которые и крестьянам и поселенцам заработать было негде (товарного хлеба было мало и он в аграрной стране стоил дешево). Обратимся к архивам.

Откроем дело № 9 (фонд 475, опись 1) «Отчет по золотым промыслам Бенардаки, Рязанова и К° - за 1869 год. Прииск Ильинский – «Золотопромышленной удерейской компании» - (учредители и владельцы Иван и Митрофан Алексеевичи Субботины). *«Добыто шихты золотой 9 пудов, 19 фунтов, 32 золотника.*

Работали в 1869 году управляющий (Бенардаки). 11 приказчиков, 104 рабочих общеконтрактных, исключая женщин». (Выходит на одного работающего по 1,314 кг золота – приличная цифра – В.А.) Цена припасов и фуража с доставкой на промыслы обошлась за пуд (16 кг): мука ржаная - 1 руб.; мука пшеничная - 1 руб. 34 ½ копейки; крупа ячневая – 1 руб. 48 коп.; соль – 1 руб. 24 коп.; мясо 2 руб. 52 коп.; овес – 84 ¼ коп., сено 34 ½ коп. Стоимость месячного продовольствия на промыслах на 1 человека: управляющий 105 руб. 21 ½ коп., а со столовыми припасами и вином – 146 руб. 88 коп.; приказчики – по 15 руб. 71 ½ коп., на рабочего 6 руб. 34 ¾ коп.» (значит, управляющий получал на продовольствие в месяц в 23 раза больше рабочего и в 9,3 раза больше приказчика; а приказчики в 2,47 раза больше рабочих – В.А.). Стоимость поденщины со всеми расходами по промыслам обошлись: в день 1 руб. 53 6/10 коп., в месяц 45 руб. 92 коп., из них, как приведено выше, 6 руб. 34 ¾ высчитывали за еду. Сравним с нынешним курсом рубля и ценами. Тяжелый труд ныне оценивается в 35-40 тысяч в месяц, то есть в 750-870 раз выше, чем в 1899 г. За доставку грузов на прииски цены платили высокие, так что стоимость пуда продуктов при покупке в местах производства надо уменьшить в 2 раза. Рабочий приисков при цене за мясо на местах по 10-15 коп. за 1 кг, и пшеничной муки 7-8 коп. за 1 кг мог их купить за месячный заработок в 45 руб. 92 коп. соответственно 300-400 кг и 580 – 650 кг. Современный рабочий при средней цене за мясо 350 руб. за 1 кг в 3-4 раза меньше, а муки в 4-5 раз меньше. Была жесткая эксплуатация, но и материальная заинтересованность, иначе не объяснить «лихорадочный» бум

желающих трудиться на приисках, будь то крестьяне или поселенцы (среди них ссыльные) не понять причину кутежей.

Как же валюта использовалась и куда утекала? Казна постоянно пополнялась, а денег на содержание армии, на промышленность, на инфраструктуру требовалось много.

В Енисейском регионе были золотопромышленники и купцы с государственным складом мышления. На капиталы М.К. Сидорова широко развернулась геологоразведка, он передал в аренду до 200 месторождений цветных металлов: был пионером в исследовании енисейского севера, использовании его богатств. Баландин вложил средства в строительство пароходов; приобретали речные суда купцы Гадаловы, Шарапов. Осуществлялись с некоторой долей частных вкладов и другие проекты: строительство Обь-Енисейского канала и оригинальной деревянной дороги вдоль него; строительство Транссиба, восстановление города Енисейска после страшного пожара 1869 года; горное дело.

Через рыночные, в основном, связи – поставку материалов, продуктов питания и других необходимых товаров – золотопромышленность способствовала развитию городской промышленности и торговли. Так, приток большого числа рабочих на прииски вызвал большую потребность в обуви. В Красноярске наиболее распространенным стало кожаное сырье, дававшее в 1880-х годах около 20 % всей его промышленной продукции. Кожи выделывались вручную. Шили из них бродни, опойки, не уступающие по качеству патентованным «еремеевским», изготавливаемым в Перми, - обувь для рабочих золотых приисков. Красноярские купцы Попов, Перов свои большие капиталы нажили именно на скупке и ростовщическом кредите среди кожевников...

Но существенных сдвигов в развитии губернии не произошло. В.В. Смирнов пишет: *«Суть енисейской золотодобычи отображает «дракон, пожирающий свой хвост». Та часть хвоста, которую он откусывает – это и есть то, что досталось обществу».*

Как тяжелый вихрь, промчалась золотая лихорадка по Енисейскому краю, искорежив и разворотив сибирскую тайгу, изуродовав берега речек и речушек, оставив горы песка и гальки на их берегах, но мало что дав краю и его жителям. Она способствовала обогащению небольшого числа счастливых, попутно сжигая жизни и души тысяч и тысяч человек, потянувшихся за золотым миражом.

Купцы – владельцы приисков вкладывали средства в строительства церквей, общественных зданий в городах губернии. Большинство, к сожалению, преследовали корыстные цели: чтобы их авторитет поднялся, их бы избирали в городские думы, где они лоббировали свои интересы. Много денег от золота тратилось в конце XIX – в начале XX веков на спаивание народа: в губернии на 250 тысяч населения гнали алкогольную продукцию 770 винзводов (один на 324 человека, включая женщин и детей). Автор абсолютно согласен с А.П. Статейновым, резко критикующим Юдина, Востротина, Полякова и других купцов за наживу на народном горе в виде повсеместного пьянства.. однако в Енисейском энциклопедическом словаре (ЕЭС) купцам-виноделам посвящено много строк. В губернии, бывшей валютным цехом страны (пушнина, золото, рыба, масло в столыпинских кооперативах) почти не строились дороги волостного значения, больницы, школы (более 80 % крестьянского сословия относилось к «неграм», в исповедных росписях и других документах в графе «образование» значилось – «негр.»).

Сотни купцов в Красноярске, Енисейске и в других городах региона, поднявшиеся в XVIII- XX вв. за счет пушнины, золота, производства вина, конечно же, себя не забывали: детей посылали учиться в престижные учебные заведения, путешествовали и строили хорошие дома, содержали прислугу, жили «на широкую ногу», в быту

использовали достижения НТП и цивилизации (стекло, фарфор, изделия из драгоценных металлов, из лучших сортов дерева с инкрустациями, дорогую материю, металлические кровати, граммофоны и др.). Подписывались на газеты и издания книг. Конечно, все это способствовало общему прогрессу, стимулировало торговлю и спецпроизводство. Но внимание к оставшимся купеческим домам и вообще к купцам в последние 25-30 лет все же чрезмерное, хотя разночинцы – выпускники реальных училищ (геодезисты, гидрографы, топографы, инженеры, речники, механики, строители, архитекторы, учителя, врачи) в России в XIX – начала XX-го веков играли роль не меньшую, если не большую.

Не принято сейчас, в буржуазно-либеральный период вспоминать, положения марксизма о классовой борьбе. Но разрушительная и кровавая Гражданская война 1918-1922 гг., прокатилась по России красным колесом, в том числе и по Сибири. В вековые противоречия и купцы свою лепту вложили. Вот факт. Сезонные рабочие на приисках живут во временках, на всем пути их домой кабаки и купеческие лавки. А вот хозяин - золотопромышленник строит дом. Нам не надо фантазировать, какой. в фонде 475 Ст. Н. Мамлеев помещает (дело № 18) чертеж – *«план нижнего этажа семейного дома на золотых приисках господ Мясниковых»*.

Отдельно перед основным домом помещение из 3-х комнат: поварская, кухня, людская. Переведем в метрические меры аршины – 0,71 м и вершки – 4,44 см. Два входа. Один через приемную (5м×5м), 3 окна; далее кабинет (3м×3м); через стенку сбоку зала – 48 м². за ними детская 16 м², столовая – 20 м², спальная – 20 м² (всего 138 квадратных метров). Высота 4 аршина + 1 вершок, то есть 2 м 90 см. Три печи, лежанка. Зачем 2-ой этаж, непонятно? «Ну и что?» - скажете Вы, читатель. Еще раз повторяюсь – в «ножницах», в разнице жизни бедных (большинства) и богатых.

Количество «золотых» нарывов и язв на здоровом тете сибирского народа все росло, и вот, в конце концов, рвануло в 1912 году на Ленских приисках.

Прохор Громов – прототип золотопромышленника Аверьяна Космича Матонина

Среди Енисейских золотопромышленников особое место занимает три поколения купцов первой гильдии Матониных. В самом конце XVII века в период красноярской смуты казаки братья Лев и Аверьян Матонины нарушили общую договоренность с аринами и на речке Бузим, впадающей тогда в Енисей на семьдесят пятом километре, поставили дома рядом с улусом аринского князца. Взяли в жены его дочерей.

На карте-схеме 1701 года из «Чертежной книги Сибири» С.И. Ремезова их поселение значится как Матона (с начала XIX века село Кекур Нахвальской волости, ныне Сухобузимский район).

В 20-30 годы девятнадцатого столетия Матонины на речке Кузеевой, в пятнадцати километрах по прямой от Кекура, в Канской тайге мыли золото. Кроме того, есть основание утверждать, что в начале пятидесятых годов Петр Матонин стал варнаком, грабил енисейских купцов, едущих в период «золотой лихорадки» с приисков Красноярска, и награбленное закопал.

Его внук Косма Куприянович Матонин вскрыл клад, вышел из общины и с четырьмя сыновьями уехал в Красноярск, а после в Минусинск. Быстро разбогател, став купцом первой гильдии. Их семья в 60-70 гг XIX века приобрела лицензии на двадцать приисков.

Главой семейного клана стал Аверьян Космич (1829 – 1883 гг). Детей он не имел. Переехал в Енисейск. Его брат Ефим обосновался на Стрелке в Енисейском уезде. Младший брат Тимофей жил в Красноярске и в Кекуре. Старший брат Михаил остался на юге региона.

Все они стали одними из самых щедрых меценатов губернии:

- они вложили деньги в строительство общественных домов в Минусинске, Красноярске, Енисейске;
- субсидировали строительство телеграфно-почтовой станции в Красноярске;
- Аверьян Космич вложил сто тысяч рублей золотом на строительство женской гимназии в Енисейске.

Кстати, внучка Михаила Козмича, знаменитая красноярка Вера Арсентьевна Баландина в своих интереснейших мемуарах пишет:

«О Матониных я могу больше рассказать. Дед матери, значит мой прадед, тоже занимался золотопромышленностью. Из рассказов мамы о нем мне почему-то врезался в память только следующий. Обедают конюха, входит хозяин Косма с веревкой в руках, подходит к одному из них, всовывает веревку в рот и держит концы ее сзади; все смотрят, он же спрашивает: «Почему не едите?», и в ответ: «Как я могу есть с веревкой во рту?», - говорит: «А как же может есть конь, которого ты забыл разнуздать?». У этого Матонина было 4 сына: Михаил, Аверьян, Ефим и Тимофей. Хотя Михаил – отец мамы, и был старшим сыном, но благодаря своему мягкому скромному характеру, не мог быть во главе дела. После смерти Космы всеми братьями властно распорядился Аверьян Космич. Сначала резиденцией их приисков было село Кекур в Красноярском уезде Енисейской губернии, в этом селе и в тайге мама проводила свои детские годы. Должно быть в конце 50-х годов Михаил Космич был переселен с семьей в Новоселово Минусинского уезда, не могу сказать потому ли, что работали прииски и в Минусинской тайге, или потому, что в Минусинской округе (тогда еще не уезд) закупались для Енисейской тайги хлеб, скот, лошади. Ефима Космича с семьей поселили в с.Стрелка при устье Ангары, как в ближайшей резиденции от приисков Южной тайги, а Тимофей Космич с семьей остался в Кекуре, пока все потом не переселились в Енисейск.

Моя мама Александра Михайловна Матонина нигде образования не получила; читать и писать ее учили дома. Она была недурна собою, блондинка, стройная фигурой. Отец Арсений Иванович Емельянов в начале шестидесятых годов приехал со своим дядей А.А.Яриловым в Сибирь из Костромской губернии. Они построили на речке Убее в Новоселовской волости в пяти верстах от деревни Медведовой винокуренный завод. Папа и управлял этим делом. И вот в 16 лет мама стала женой человека старше на 20 лет ее, которого она почти не знала.

Аверьян Космич видел в Емельянове человека, пригодного для ведения крупных дел. Расчеты не оправдались. Арсений не захотел быть пешкой в руках Аверьяна, плясать под его дудку в делах Матониных. А тот не дал племяннице обещанного приданного, и много лет спустя уже Сенат решил в пользу мамы дело по Космо-Демьяновскому прииску на р.Рыбной в Южной тайге, который и обещали дать ей в приданное. Но и тут Аверьян Космич сумел как-то устроить, что половина прииска стала принадлежать Тимофею Космичу. Отец мамы по бесхарактерности и мягкосердечию ничего не мог сделать; дела и капитал были распределены между братьями.

Словом, в жизни мамы этот дядюшка явился злым гением. Когда умерла бабушка, моя дед Михаил поселился с женой в Енисейске в самом плохом из всех домов Матониных, который он получил при разделе. Умер он в 1897 году, когда я была в Петербурге. Дедушка вырезал из мягкого желтого камня (вероятно из листовенницы – прим. автора) на одном из приисков различные вещишки. Мне рассказывал Николай Ефимович, его племянник и крестник, такой случай. Приехал Коля на каникулы в тайгу, перейдя в шестой класс реального училища в Томске, а дядя с большим нетерпением просил его кончать с закуской, чтобы пойти посмотреть на ту машину, которую он избрал.

Когда я окончила 7 классов Красноярской гимназии, восьмого класса при ней не было, а только предполагалось открыть его. Так как уверенности в этом не было (папа состоял членом попечительского совета женской гимназии), то пришлось подумать о

поездке в Енисейск или Томск, где были полные гимназии. Папа захотел, чтобы я поехала в Енисейск и жила бы зиму у бабушки. В начале июня 1889 года я поехала туда на пароходе. 11 июля обедала на именинах у Ольги Диомидовны Матониной, вдовы Аверьяна Космича.

Я закончила гимназию с золотой медалью, потом бестужевские курсы в Петербурге. Мне было 22 года. Я решила поехать продолжать учение в Париж, в Сорбонну. Решила обратиться за помощью в деньгах к бабушке М.К.Матонину и к другим родственникам. В те годы много кричали о самородном золоте на нашем Космо-Демьянском прииске. В Енисейск из тайги приехал Александр Баландин (будущий муж Веры Арсеньевны – прим. автора).

Свекор мой был первым инициатором судоходства по Енисею в Туруханский край (в Красноярск мешали пороги). Служа три трехлетия городской головой Енисейска, он организовал в 1861 году Компанию пароходства, открыл первую в Восточной Сибири женскую школу, устроил общественный городской банк.

Мой муж был честнейшим, тихим человеком, любил книги и микроскоп (кандидат естественных наук СПб университета, он за работу по минералогии получил золотую медаль)».

И все братья не забывали свое родовое гнездо – село Кекур Нахвальской волости. Постоянно там бывали, подолгу жили и сделали для своей Малой Родины многое.

Вспоминают старожилы Кекура.

Аференко Ксения Антоновна – запись 1975 года

«Матонинскую родовую я знала хорошо, так как была их дальней родственницей. Аверьян Космич Матонин – богатый купец для родного села денег не жалел. За его капиталы был пристроен еще один Никольский придел к Ильинской церкви; позолочены купола и оклады икон; куплены колокола. Когда церковь распарушивали, то увезли 9 пудов цветных металлов».

Жильцов Василий Дмитриевич – запись 1975 года

«Недалеко от церкви в деревянном доме барачного типа размещалась богадельня, интернат для инвалидов и немощных в старости людей, содержащаяся на проценты от капиталов А.К.Матонина. В богадельне жили по 10-15 человек, за ними ухаживали 4 человека обслуги. Здесь стояли железные кровати, для крестьян – диковинка; они приходили специально, чтобы на них посмотреть. Из богадельни в конце 20-х годов сделали ветпункт. Рядом с церковной оградой стояла водокачка – деревянная напорная башня; работал насос, приводимый в действие дизельным двигателем. На улицу высовывался кран, кто хотел, брал воду».

* * *

Одной из самых ярких благотворительных акций Аверьяна Космича, заслуживающей высочайшей оценки, доброй памяти на уровне губернии (края) и даже всей России, стало строительство и полное оснащение на много лет вперед училища-интерната для крестьянских детей – единственного подобного в Сибири, соперничающего с Яснополянской школой Л.Н.Толстого, построенного по похожему проекту.

Из книги Л.П.Бердникова «Вся красноярская власть»:

«1 декабря 1883 года Енисейский губернатор И.К.Педаценко открыл ремесленное училище имени А.К.Матонина в селе Кекуре Нахвальской волости. Здесь с 7 ч. 30 мин. утра до 7 вечера будут учиться мальчики 11-14 лет».

Но учились в смешанных классах и девочки, к примеру, наша мать.

Аференко К.А.

«Помню, что на первом этаже, как зайдешь в школу, направо была кухня. Нанятая кухарка варила здесь ученикам из других деревень. Она жила в двух комнатах напротив. Причем стояли там железные кровати, которых ни у кого из крестьян тогда не было. Дальше, в двух комнатах жили учителя. Одну, знаю, звали Авдотья Артамоновна. И еще на первом этаже была рукодельная мастерская. Уже пожилая дама Анна Дмитриевна учила нас – девчонок шить, вышивать, мережить; материю, нитки, ножницы – все давали в школе. На втором этаже было две больших классных комнаты. В одной из них занимались по рядам 1-ая и 2-ая группы, а в другой – третья, четвертая и пятая.»

(Примечание: школа так и называлась двухклассной, хотя давала пятилетнее образование, и ее выпускники имели право поступать в старшие классы гимназии или в училища – В.А.).

«Сидели мы по два человека на скамьях перед наклонными крышками. У каждого имелись казенные учебники, тетради и ручки, они хранились на полках. Один раз Надежда Смарагдовна (Примечание: учительница, одна из восьми дочерей кекурского священника Смарагда Тыжнова) взяла меня с собой в подвал помочь ей. Помню, что там на полках лежало очень много учебников, чистых тетрадей, лежали рулоны материи и еще что-то в ящиках. Все это Аверьян Космич закупил на много лет вперед. В каждом классе над доской висели писанные с него одинаковые портреты. Был он без бороды и усов, широкоплеч. Сидел на стуле в черном фраке, в руке на колене держал пенсне.

Учились мы с утра почти целый день. Обедать ходили домой».

Жильцов В.Д.

«В пристрочке помещалась для нас, пацанов, ремесленная мастерская с четырьмя малыми горнами и посильным инструментом, верстаки для слесарного дела. Помню, где-то то ли на фасаде, то ли внутри стояла цифра 1883. Думаю, что тогда школа и была построена. Портреты были писаны маслом. Аверьян Космич производил впечатление мощного мужчины, платком вроде протирал пенсне, но смотрел в зал, на нас – учеников».

В 1920 году, после Гражданской войны училище преобразовали в школу, с 1930-го года – ШКМ (школа колхозной молодежи, восьмилетка).

В Сухобузимском районе их было две (еще в Шиле). Матонинское училище и ШКМ закончили сотни крестьянских детей из Нахвальской, Сухобузимской, Еловской, Межовской волостей.

Многие из них стали знаменитыми в масштабах района, края и даже страны. (Например, Олимпиада Ивановна Звягина и ее муж Илья Пукдик – делегат III съезда РКСМ в составе красноярской делегации. Они закончили институт Красной Профессуры в Москве, были в числе руководителей г.Ростова).

К сожалению, Аверьян Космич умер накануне открытия училища.

Благотворительные дела Аверьяна Космича Матонина в больших масштабах были замечены и отмечены царем Александром III, который возвел Матониных в ранг Почетных Граждан России (копия грамоты сохранилась в фондах Кекурской Покрово-Ильинской церкви).

«Высочайшая грамота.

Божиею милостию

Мы, Александр третий,

император и самодержец всероссийский

царь польский, великий князь финляндский

и прочая, и прочая, и прочая

Манифестом в 10-й день Апреля 1832 года установлено сословие Почетных граждан, на правах, в оном предначертанных: а как верноподданный НАШ. Енисейский первой гильдии купец Аверкий Козьмин Матонин, представленными актами доказал право на потомственное почетное гражданство: то, возводя онаго, Енисейскаго первой гильдии купца Аверкия Козьмина Матонина, с женою его, Ольгою Демидовою и родными братьями его: 1) Михаилом с женою его, Татьяною Васильевою, 2) Евфимием с женою его, Анною Дмитриевою и детьми их, сыновьями: Николаем и Александром Ефимиевыми и 3) Тимофеем Козьминым с женою его Евдокиєю Авдеевою и детьми их, сыновьями: Алексеем, Парфением и дочерьми, девицами: Анною, Мариєю и Таусиею Тимофеевыми, в сословие Почетных Граждан. Всемилостивейшее повелеваем пользоваться как ему, так и братьям его, а равно и потомству их, всеми правами и преимуществами Манифестом сему сословию дарованными. Во свидетельство чего повелели МЫ сию грамоту Правительствующему Сенату подписать и государственною НАШЕЮ печатью укрепить. Дана в Санктпетербурге апреля 10 дня 1832 года»

Продолжим воспоминания старожилов.

Аференко К.А.

«В церковной ограде также была построена часовня – семейный склеп Матониных.

От моей бабушки Ефросиньи я слышала в детстве рассказ о том, как везли умершего Аверьяна зимой из Енисейска в Кекур. Как только подъезжал обоз к началу какой-либо деревни, стоящей вдоль дороги, то работники вываливали рулоны сукна, раскатывая его до другого края улицы и потом разрезали, отдавая на поминание каждому жителю по несколько метров. А также наливали по чарке».

Жильцов В.Д.

«Вниз в часовню вела лестница. С боков из приямков проникал свет. Но внутри, как помню, всегда горела лампадка, зажигали ее и сторожили часовню специально нанятые люди. Посередине лежала чуть приподнятая над землей плита. Полностью надпись не помню, но что на ней было крупно отлито: Аверьян Космич Матонин – это точно. В изголовьях плиты стояло позолоченное распятие Христа. И еще четыре могилы располагались по бокам, а плиты с именами были прикручены к стенам».

В конце XIX – начале XX века стали известными золотопромышленниками и сыновья Ефима и Тимофея Матониных – третье поколение.

Но против семейства Матониных начала активно действовать В.А. Баландина, имеющая большие связи не только в Красноярске, но и в Санкт Петербурге.

Дело в том, что на ее свадьбе с Баландиным Аверьян Козмич подарил брошь, принадлежащую убитой купчихе Баландиной. Вера Арсентьевна добилась банкротства Матониных и почти полного умолчания о них, о меценатстве.

Старожилы вспоминали:

Аференко К.А.

«В 1913 году прошел по деревне слух, что в гроб с Аверьяном Космичем положили золотой кортик. То ли сторожа похалатничали, то ли их припугнули, но в одну из ночей могилу его в склепе разорили, останки выбросили, их таскали по деревне собаки».

Жильцов В.Д.

«В 1920 году весной мы – ученики пятого класса с учителем проводили уборку во дворе школы, мусор сжигали. Стали разбирать завалы в складе-временке. У стены стояли портреты Аверьяна Космича. Ребятушки спросили: «Куда их?». «В костер», – был ответ. Тогда они выкололи бывшему благодетелю глаза и бросили картины в огонь».

В 1931 году на свиноферме сложили печь, а плиты подходящей не было. Вблизи валялась плита с надгробия Аверьяна Космича, мы взяли ее и положили надписью вниз, на плите варили корм свиньям». (Как угадал «образ» сих животных И.С.Глазунов – помните, на его картине свиней с клыками?)»

Какая жесткая кара! Символическая геенна огненная! Дьяволиада! Искусственно раздутая до ненависти классовая неприязнь!

Плиту подобрала в Кекуре родственница Матониных и семьдесят лет хранила. Ныне этот раритет хранится в музее села Сухобузимское.

Думаю, что в 400-летие Енисейска надо вспомнить о почетном гражданине России Аверьяне Козмиче Матонине, внесшим огромный вклад в экономику, культуру, образование Енисейской губернии.

Конечно, образ Прохора Громова в книге «Угрюм-река» собирательный, но основным прототипом стал А.К. Матонин. Вячеслав Яковлевич работал некоторое время в Томске вместе с Николаем Ефимовичем Матониным, который рассказал ему об истории своего рода. Писатель бывал на приисках Матониных, видел привязанного на цепь волка; знал об уходе с приисков группы рабочих в тайгу.

Газета «Гудок» за 1872 год писала:

«Однако из памяти старожиллов нельзя стереть страшные картины обращения с рабочими на приисках братьев Матониных в Енисейской губернии. В 1872 году доведенные до отчаяния условиями жизни и работы на приисках 40 человек из 150 объявили забастовку и ушли в тайгу».

Период третий (1915-1929 гг.)

Упадок золотодобычи и переход на социалистические рельсы

В 1914 г. было добыто в губернии 208 пудов золота, а в 1917 – 160. Шла 1-ая Мировая война. *«Из-за расстройств работы железной дороги с опозданием поступали заказываемые за границей запасные части для драг. Не хватало буровой стали, динамита и других материалов. Новые же машины из-за границы вообще перестали поступать. Много рабочих было мобилизовано в действующую армию».*

В годы революций и Гражданской войны практически вся инфраструктура золотодобычи подверглась разрушению, остановились драги, некоторые были затоплены сознательно. Из-за безвластия начались грабежи приисков ангарскими крестьянами, к которым примкнули часть приисковых рабочих, дезертиров и уголовников.

В период колчаковщины (октябрь 1918 – декабрь 1919 г.) в Енисейском горном округе вообще прекратилось снабжение предприятий материалами, запасными частями, продовольствием и фуражом. Рабочие были мобилизованы в армию, часть их ушла в партизаны и разъехалась в поисках работы и хлеба. В Северной тайге из-за запущенности дорог золото практически не добывалось, в Южной летом 1919 г. работали прииски только одной акционерной компании, директором которой был Н.Н. Гадалов.

В то же время большой золотовалютный запас России исчез по вине Николая II и Колчака.

Царское правительство попало на удочку международных аферистов, отдав в фонд мирового развития тысячи (называют даже цифру 40 000 тысяч тонн!) золота. Невероятная цифра. Оно было присвоено ФРС США. По закону они должны золото вернуть!

Колчак захватил остальной валютный запас страны (золото, другие драгоценные металлы, бриллианты, дорогие изделия) в Казанском Кремле. В оплату за оружие, обмундирование, табак, за другие товары по приказу Верховного было выдано «союзникам» (по сути, интервентам) 11500 пудов (190 тонн) золота, в том числе Англии 2383 п (40 т), Японии 2672 п (44,5 т), США 2118 п (35 т), Франции 1223 п (20,5 т), другим

странам 15 тонн. Его действия с ноября 1919 г. по январь 1920 г. вообще являются преступлением перед армией и народом. Он передал чехам право на пользование Транссибирской магистралью: железную дорогу и по одному километру территории вправо и влево от нее. Поезда шли только на восток. По зимним дорогам в морозы, по тайге, сопровождаемые волками, ехали в санях голодные солдаты и офицеры брошенной им армии. Свирепствовал тиф. В конце октября 1919 г. перешли через Иртыш 200 000 солдат и беженцев, в марте 1920 г. пришли в Читу 20 000. А по магистралям в теплых вагонах с награбленным добром ехали сытые чехи – когда-то наши пленные.

Колчак вместо 5 суток добирался от Омска до Нижнеудинска месяц. Например, в Красноярске чехи задерживали его почти неделю, пока им не отдали несколько контейнеров с драгоценностями. В конце концов они и сдали его Иркутскому Совету. А остатки валютного запаса Российской империи умыкнули себе. И за 15 лет Чехословакия – бывшая австрийская провинция стала одной из индустриальных стран Европы, на ее заводах изготавливалось 50 % танков вермахта и другие вооружение.

Советской власти в 1920 г. досталось в наследство почти полностью разрушенная золотопромышленность Енисейского горного округа. Надо было не только восстанавливать то, что можно восстановить, но создавать новую систему бесчастного капитала, на принципах госкапитализма в период НЭПа. Только 1 ноября 1921 года пустили первую амальгамационную фабрику на Авенировском руднике.

3 февраля 1922 г. было утверждено положение об объединении «Ензолото» на основе небольших займов наркомфина, без кредитов. Денег молодая Советская республика имела очень мало, тем более в Поволжье свирепствовал голод. Например, в Татарской республике за 15 дней марта 1922 г. умерло от голода 14 957 человек. Енисейцы тоже голодали, тем не менее собрали в пользу голодающих в Поволжье 14154 пуда хлеба, 523 пуда крупы, 206 пудов мяса, 282 пуда сухарей – больше других губерний. И даже в таких условиях на 01.10.1922 г. в тресте «Ензолото» работало 555 рабочих и 190 служащих, добыча золота составила 32 пуда.

С такого рубежа началось возрождение золотопромышленности Енисейской губернии (с 1925 г. Красноярского округа Сибирского края).

Слава всем труженикам приисков периода НЭПа. Особой памяти заслуживают организаторы, специалисты, энтузиасты, возрождавшие валютный цех страны, отдавшие столь важному делу годы жизни, свои знания и энергию: С.В. Сергеев - председатель правления, управляющий трестом; Ф.М. Николенко – комиссар, предрика, директор рудников; А.П. Субботин – потомственный старатель, ставший крупным ученым.

Резко изменились условия жизни и труда, по сути, исчезла эксплуатация, был установлен 8-часовой рабочий день, сверхурочные оплачивались. Исчезли кабаки и прочие злачные места.

На приисках появились фельдшерские пункты, школы, клубы, общественные бани, приличные общежития.

Посмотрите внимательно книгу В.В. Смирнова «Золотой век Сибири», думаю, что Вы обратите внимание на разницу в одежде, во внешнем виде, в настрое рабочих на фотографиях досоветских и советского периода.

1929 год стал годом «Великого перелома» не по прихоти Политбюро ЦК ВКП(б), а по объективным обстоятельствам: явно стали проявляться реваншистские настроения в странах, проигравших 1-ую Мировую войну, а среди их противников тогда была и Россия. Шла индустриализация, военно-морское и авиационное строительство, требовались уголь,

металл, шахты, домны, оборонные заводы, фабрики; началась культурная революция. Требовалось много рабочих рук и денег.

Но крестьянские общины, сохранившиеся при НЭПе, сдерживали уход молодых ребят в города, на флот, в авиацию. Благосостояние деревни росло, например, по данным «Сибирской энциклопедии» (издание Новосибирск, том I, 1928 г.) к 1928 году 80% крестьян в Западной Сибири стали середняками. Товарного хлеба там было достаточно, но хлебозаготовки провалились, в чем убедился Сталин, приехавший двигать их в Тюмень и в Красноярск.

В Красноярском округе 20% кооперированных в разной форме хозяйств дали в 1928 г. больше товарного хлеба, чем 80% единоличников.

Началась коллективизация, в целом оправдавший себя революционный поворот в аграрном секторе страны, неправда, что колхозы изначально были неэффективны.

С 1935-го по 1941 год они вышли на стабильный уровень, колхозники жили в среднем не хуже, чем крестьяне в царский период, а в медицинском обслуживании, в оборудовании, в культуре произошел скачок.

Кроме того существовали госпредприятия – совхозы и МТС, живущие на других, новых принципах.

Но безусловно нельзя оправдать провозглашение и исполнение дерзкого лозунга: «Ликвидировать кулачество, как «класс» и ссылку зажиточных крестьян с семьями, вместе со стариками и детьми.

В Сибири, в частности, в Красноярском округе, местами ссылки стали места лесозаготовок, места лесопиления (Игарка), золотые прииска (Кузеево, Удереи, Мотыгино, Пит).

Но труд золотодобытчиков из сосланных крестьян не был рабским. Они жили и работали на общих принципах, пользовались всеми социальными льготами, все дети учились в школах.

Период четвертый (1931-1991 годы) – создание и системная деятельность мощного государственного треста (объединения «Енисейзолото»

«Адмирал» ЕНУРПа

Объединение «Ензолото», созданное 03.02.1922 г. в 1926 году преобразовали в трест «Енисейзолото», по какой-то причине вернулись сначала к первому названию, а в 1931 окончательно ко второму.

Одним из ярчайших людей Красноярского края был Иван Михайлович Назаров – начальник Енисейского речного пароходства (ЕНУРПа), общественный деятель, писатель. В 1931 г. его назначили начальником транспортного отдела «Енисейзолота». Просто удивительны его инициативы и деяния на этом поприще.

Зимой И.М. Назаров организовал ямщицкую эстафету «гужевой экспресс»: обозы с разными грузами на прииски Енисейской тайги ходили и с юга края (возили муку, мясо, канаты из конопли); и с районов Ачинского куста и Прикрасноярья.

Иван Михайлович предложил разбить пути на перегоны с точной датой прибытия на перевалочные пункты, где грузы перегружались из саней в сани. За исполнение графика давалась приличная премия. И что бы Вы думали, скорость доставки увеличилась в 2 раза.

Летом же он досконально исследовал водный путь по таежным рекам, как писал Г. Кублицкий в книге «Река уходит в океан»: *«Ходил на катерах, на илимках, на лодках, мокнул в порогах, стоял на мостике вместе с капитанами, слушал рассказы плотогонов. Назаров пришел к выводу, что по Питу, Подкаменной Тунгуске и даже по их притокам*

можно подниматься весной во время половодий и даже летом, если иметь суда с малой осадкой, максимум метр, лучше 30-50 см. Трест купил небольшой, в 200 сил, пароходшко (назвали «Золотоискатель»), который летом 1932 года поднял по Питу илимки с грузами, вплоть до Брянки. При возвращении в Красноярск в конце октября из-за ранних морозов пришлось зимовать».

Об этом факте в 2000 г. автором был написан очерк. Приведу два отрывка из него.

«Гавань» «Енисейзолота»

1932 год был очень тяжелым и в целом по стране, и в Сибири, и в Прикрасноярье. Уже второй год засуха губила урожай, во многих местах народ голодовал. В Восточной Сибири обмелели реки. И в довершении бед в конце октября ударил такой мороз, что поплыла по Енисею густая шуга. На Казачинском перекате туер «Ангара» не успевал перетаскивать малые и большие суда и баржи, спешащие на отстой в Красноярск.

Теплоход «Комсевморпуть» - один из четырех красавцев, сделанных на Гамбургской верфи по чертежам ленинградских конструкторов, легко поднялся сам. Но плыть дальше с его осадкой было опасно, потому речники сцепили необычный караван: впереди шлепал маленький колесный пароходшко, обслуживающий трест «Енисейзолото», за ним – двухтрубный «Кооператор», далее «Комсевморпуть». Через сутки стало ясно, что дойти до Красноярска из-за ледостава не удастся. Тогда приняли решение – стать на зимовку в глубокой протоке около острова Заячьего, в двух километрах выше деревушки Кононовой.

Зимовка прошла успешно. Очень помогли речникам местные жители, приютившие их на квартирах. Вместе устанавливали ледорезы в начале протоки, вымораживали у судов днища, винты, колеса; отмывали каюты, корпуса судов, красили.

Никаких осложнений не принес ледоход, и в первых числах мая 1933 года пароходы с прощальными гудками покинули гостеприимную гавань.

Через три года о бухте вспомнили опять. Откроем архивное дело № 1 (фонд 2006. опись 3):

«Водный флот «Енисейзолота» в 1935 году вступил в самостоятельную эксплуатацию. Перед флотом стояла задача освоить притоки реки Енисей и добиться завоза грузов самоходным флотом по рекам Вельмо, Пит, Теф, Ангара.

Навигация закончилась 20 октября. На зимовку непаровой флот в числе 15 единиц поставлен в затон у деревни Кононово. Эта зимовка находится в 104 километрах от Красноярска и уже раньше показала себя как удобная.

Начальник транспортного управления «Енисейзолота» Иван Назаров».

И.М. Назарова назначили начальником Енисейского речного пароходства. В этой непростой должности он проработал 25 лет, получив неофициальное народное звание «Адмирае ЕНУРПа».

Кононовский затон

Итак, в 1935 г. возник Кононовский затон. Его суда постоянно шли по Енисею мимо наших окон, - (изба где жили мы, стояла на яру посередине села Атаманово). Небольшой буксир «Приискатель» обычно тянул вверх и вниз по 3-5 двухсоттонных крытых паузка. Не уступали ему по мощности катера с двумя моторами ЧТЗ: «Забойщик», «Шахтер», «Брянка», «Енашимо». Принадлежали Кононовскому затону и три экзотических суденышка «Дражник», «Самородок», «Вельмо». Напротив Атаманово Енисей течет на восток, с нашего яра казалось, что берега через три километра смыкаются, река там резко сворачивает на север.

Вдали, за лесом раздавались необычные хлюпающие звуки, все ближе и ближе, и вот, вылез из-за поворота речной карлик, за ним баржонки и илимки. Колесные пароходики в миниатюре представляли типичные буксиры, но машины на них работали на

газе; по бокам стояли два автоклава, в которых без доступа воздуха сжигались чурочки. Осадка этих речных экспонатов составляла 30-40 см, нигде в мире больше подобных устройств не было.

Название затону дала небольшая деревушка Кононова, основанная в 1654 г. на яру ниже острова «Заячий» и протоки красноярским сыном боярским Кононом Севастьяновичем Самсоновым (иногда поселение называли Савостиной, Савоськиной).

В ней жила семья нашей тетки. В Затоне работали: двоюродные сестры Евдокия Павловна Колосницына (по мужу Сошина), Надежда Павловна Гамова; их мужья Н.И. Сошин и В.А. Гамов; их дети Владимир Сошин, Юрий Гамов (капитан самоходки ГТ-4), Маргарита Гамова (радистка), зять Виктор Крючков (капитан ГТ-6).

Виктор Антонович Гамов – радист высокой категории, профессионал, в 1942 году построил небольшую радиостанцию, готовил постоянно кадры радистов, осуществлял связь со всеми самоходными судами, с приисками, с управлением треста. В архиве в фонде №2006 в одном из дел подшиты шифрованные телеграммы без слов, посылаемые из Кононовского затона в контору «Енисейзолота» о количестве добытого металла, о грузах – набор цифр, с интервалами. Руководило в 40-50 гг. золотопромышленностью СССР ведомство Л.П. Берии.

В Кононово бывал я постоянно, начиная с малых лет. Помню пеший поход с матерью в июне 1944 года. Шел босым. Вышли мы в 5 часов утра по лесной дороге Атамановского бора, миновали Хлоптунову. От нее шагали не по дороге, а по тропе над Енисеем. И вот она протока с ряжами. На берегу, на высоких клетках из бревен стоял остов парохода «Золотоискатель». Несмотря на раннее утро, местные ребятишки катались на колесах: залезали вверх под колпак, садились на плиты, и колесо со скрипом опускалось.

Вышли на центральную улицу Затона. Справа вдоль берега тянулся высокий забор с колючей проволокой поверху. За ним искрила электросварка, ухали молоты по железу, визжала циркулярка.

В Затоне в 7 часов утра раздавался гудок, его звуки долетали даже до Атаманово. Жизнь на предприятии шла не так, как в колхозных, соседних деревнях: неплохое УРСовское снабжение, общежитие, хороший клуб, добротные коттеджи. Речники после ледостава уходили в рейсы по малым рекам с мая по конец октября. Приведу зарисовку из беседы с ветераном затона шкипером Анной Васильевной Щиновой (запись 2004 г.). Беседа началась с моего вопроса: «Когда уходите в рейс?»

- Скоро, может, завтра, - ответила она.

Действительно, на другой день вышли в рейс. Первым, как и подобает «флагману», дал прощальный гудок «Приискатель», и завертелись красные плиты колес, и натянулся канат – пять баржонок – целый караван потащил против течения белый пароход, стандартный речной буксир с каютами, с рубкой, с высокой трубой. Пошел вслед маломерный флот. Два паузка – один под номером 10, на котором шкипером плавала Анна Щинова, и второй точно такой же – взял на буксир двухвинтовый катер «Шахтер» (на нем, в отличие от других катеров, стояли два двигателя ЧТЗ). Долго пела сирена – мол, уходим в плавание далекое, и потянулись сутки за сутками, вахты за вахтами, однообразные и в то же время не похожие одна на другую.

В Красноярском затоне загрузились мешками с мукой и ящиками с продуктами; груз как положено приняли по акту, укрыли. Дошли до Усть-Пита, простояли там трое суток, пока речка Пит не очистилась ото льда, и потащились против течения, как говорится, в час по ложке. За 36 лет плавания Анна Васильевна сотни раз поднималась по этому своенравному притоку Енисея и всегда, как и в тот рейс, было ощущение, что поднимаются куда-то в гору. На каменистых берегах лежали льдины, ноздреватые, на просвет ультрамариновые, иногда они с хрустальным звоном осыпались. Фарватер неширок и извилист – смотри в оба. Вторую половину дня и короткие ночи за штурвалом

стояла сама. Выгружались на 222 километре, в Брянке, на базе приисков. А суда снизу подходили и подходили. Притащили плавлавку. Все запаслись продуктами по заборным книжкам. Вниз порожняком катились быстро, за сутки. В устье уже стояли большие карские баржи с новыми грузами. И так челноком вниз-вверх до середины июля, пока Пит не обмелел.

Другие суда из Кононовского затона ходили вверх по Елогую, Тофу, Вельмо, Сыму, Подкаменной Тунгуске, Ангаре и по их притокам.

Золотая и многострадальная речка Кузеева

О богатых россыпях в бассейне небольшой речушки Кузеевой, текущей в Сухобузимском районе, упомянуто выше. Рассыпное золото «мыли» на ней с 1827 года по 1918 год, до начала Гражданской войны в Енисейской губернии. Дома и строения бывшего Павловского прииска сохранились

Производство возобновилось в 1926 году. Рабочей силой были крестьяне из ближайших поселений, которые трудились по найму, по договорам. Рабочих рук не хватало. Раньше в России «выручали» поселенцы, прежде всего ссыльные и вот, вновь появились ссыльнопоселенцы. В декабре 1929 года в верховья Кузеевой сослали семьи кулаков второй категории (по терминологии органов НКВД) из Сухобузимского района по которому речка течет.

В 1935 году при образовании Красноярского края с крестьян было снято «клеймо» - кулак, и большинство семей с Кузеевой уехали. Остались одинокие мужчины, решившие стать старателями.

А в бараки стали прибывать ссыльнопоселенцы из разных мест (по всей стране раскручивалась спираль массовых репрессий). Так в поселке Кузеево вплоть до 1954 года постоянно жили вольнонаемные граждане, и временно те, кто подвергся репрессиям.

Более десяти лет работал старшим мастером Владимир Дмитриевич Жильцов – бывший крестьянин села Кекур. Его брата Василия Дмитриевича в мае 1945 года призвали на сборы в Красноярский гарнизон, в 119-ую (будущую 17 гвардейскую) дивизию. Он в составе 365-ого (33 гвардейского) стрелкового полка 16-ой армии защищал Москву, после участвовал в боях на Брянском, 2-ом Прибалтийском фронтах. С матерью в Усть-Кане осталось 8 детей. Вл.В. Жильцов взял племянника Владимира – шестнадцатилетнего паренька к себе на Кузеевский прииск. Владимир Васильевич вспоминал (запись 1995 года): *«Жили большинство рабочих, - и вольные. и заключенные, в бараках. Золото добывали шахтным способом. Бурили, взрывали шурфы глубиной 75 м, до золотосыпных песков. В бадьях поднимали грунт. Ворота вращали лошади, чтобы голова у них не кружилась им на морду набрасывали тряпичу. Порода разбивали молотами. Потом ее промывали в специальных лотках. Добыча доходила до 3 кг в день. Платили хорошо. Давали бонусы, по ним можно было в магазине взять любой товар. Я, например, купил себе бельгийское ружье, охотился».*

В феврале 1953 года в первые студенческие каникулы я решил сделать лыжный поход к родственникам по селам Сухобузимского района. В конечном пункте на правом берегу Енисея, на 124 км, жил с женой двоюродный брат Колосницин Григорий Павлович – бакенщик. Хорошо, что хозяин ушел с двумя собаками в лес, а то бы они не пустили на яр. Встретила хозяйка. Их жилище представляло собой тесноватую полуземлянку с одним окном, которое упиралось в приямок, с железной печкой. Проговорили мы допоздна. Брат дал мне наушники детекторного приемника (между соснами была натянута антенна длиной не менее 80 м). На всю жизнь запомнилось то оглушительное впечатление: одинокая избушка на таежном берегу, теплая встреча в тепле за чаем из трав, и музыка, казавшаяся неземной, идущей из космоса (передавали Шестую симфонию П.И. Чайковского).

Ночью, в 4 часа, вдруг залаяли в сенях собаки, кто-то постучал, брат взял заряженную двустволку, подошел к двери: «Кто там?». «Открой Григорий Павлович, мы от ...» - назвали фамилию, зашли три молодых мужика: «Сегодня обязаны быть в Сухобузимском (35 км от избушки – В.А.). Думаем к восьми утра дойти до Усть-Кана (большое село на правом берегу при впадении Кана в Енисей), может, будет транспорт». Мимо шла тропа с Кузеевского прииска, где мыли золото из шахт и гражданские специалисты и рабочие, и ссыльнопоселенцы. Мужики попили чаю и – в путь по берегу Енисея и по льду до Усть-Кана (9 км). Брат сказал, что спецпоселенцы идут туда-сюда постоянно. Приходится держать собак, быть начеку.

По соседству, на 10 км ниже, на острове, жил бакенщик с женой. В том же году летом, после бериевской амнистии, двое уголовников зашли к ним в гости. Их хорошо угостили, уложили спать. Те ночью накинулись на хозяев с ножами, нанесли по десятку смертельных ран, вероятно, требовали деньги и золото, так как, бакенщик зимой подрабатывал на приисках.

В 1990 г. Кузевский рудник вошел в состав артели «Центральная» (руководитель А.М. Курскиев). Кузеевские золотодобытчики отчисляют налоги в бюджет Сухобузимского района внесли приличные средства в оборудование районного музея. Добыча золота здесь продолжается.

Спираль золотого следа

Предприятия «Енисейзолото» («Ензолото») в крае, в том числе в Северо-Енисейском, Мотыгинском, Енисейском районах и в Эвенкии, в течение восьми десятков лет совершенствовались постоянно в соответствии с развитием науки и техники и стали передовыми производствами страны, используя мощную технику – драги, бульдозеры, гигантские самосвалы, буровые установки, а также дражные, химические, биохимические технологии, гидравлику и робототехнику. Поднимали эту специфическую отрасль тысячи ученых из НИИ и ВУЗов; специалисты разных профилей, инженеры, руководители Министерств, отраслей, приисков, шахт, заводов; дорожники и речники; квалифицированные рабочие. Сотни фамилий, раскручивающих спираль «золотого следа» людей назвал в своей книге В.В. Смирнов. Мы же отметим некоторые стороны масштабного явления. По-прежнему основным местом золотодобычи в Красноярском крае остается наше Эльдorado – Енисейский кряж в пределах бывшего Енисейского уезда, ныне в Енисейском, Мотыгинском и Северо-Енисейском районах.

В начале 70-х годов балансовые запасы промышленных категорий не превышали 15-20 лет, что не позволяло создавать крупные добывающие комплексы. Министерство геологии и Госплан СССР уменьшили ассигнование в отрасль в Красноярском крае. По результатам своих изысканий, по учету ряда признаков красноярские геологи были уверены в наличии рудного золота в складках Енисейского кряжа

Краевой комитет КПСС поддержал их, послав обоснованную записку в Центральный комитет компартии и в Госплан. Финансирование стали увеличивать ежегодно на 10%. И вот он – результат: группа геологов Н.Ф. Гаврилов, Л.В. Ли, Г.П. Круглов, А.Я. Курилин открыли в конце 70-х гг. Олимпиадинский золоторудный узел, по качеству руд, по количеству золота и по условиям залегания – уникальный. С 01.01.1983 Стройбанк СССР начал финансирование строительства объектов на Олимпиадинском месторождении, а в 1985 г. была переработана на Северо-Енисейской фабрике первая руда. Перспективность запасов далее блестяще подтвердилась. Другая важная сторона золотодобычи в крае – это существенные изменения в социальной сфере: строительство дорог, аэропортов, установка ЛЭП, создание условий для нормального качества жизни. Конечно, вдали от центральных путей и городов в небольших поселках, будь в них

золотые унитазы, жить непросто. И слава, вам, труженики далеких приисков, золотодобывающих предприятий!

Период пятый – постсоветский (1992 – 2016 гг.)

В 90-ые годы прошлого века, в третий раз в истории золотопромышленность региона претерпела упадок. Вот что пишет об этом В.В. Смирнов.

Пусковым механизмом послужило принятие Закона «О предприятиях», позволяющего структурным подразделениям выходить из состава головных предприятий. В результате произошел распад отрасли на отдельные мелкие предприятия, которые в жестких рыночных условиях оказались не в состоянии выжить и развиваться.

В бывшем объединении «Енисейзолото» к середине 1990-х работала только шахта «Коммунарская», да и то лишь на 30 %. Шахта «Советская» Северо-Енисейского ОКГа затоплена, остановлена шахта Саралинского рудника, остановлены драги. Из старательских артелей сохранились только крупные, такие как артель «Полюс» (председатель Х.М. Совмен), артель «Центральная» (председатель А.М. Курскиев), артель «Золотая звезда» (председатель К.М. Цитлидзе).

Новое российское государство не уделяло должного внимания развитию золотопромышленности в стране. Известно, что Е.Г. Гайдар, в тот период фактически возглавлявший промышленность, считал, что выгоднее покупать золото за рубежом (на Лондонской бирже). При этом мы и зарплату, и налоги отправляем в чужой бюджет. И это говорил руководитель страны!

В 1991 году Россия находилась на втором месте в мире по добыче золота. После реформ она была отброшена в самый конец списка. И все-таки положение было не безвыходное. Во-первых, наша страна обладает колоссальным золотым запасом. Россия почти еще не приступила к добыче своих запасов рудного золота. Во-вторых, в России достаточно квалифицированных кадров.

Да, велик был 150-летний задел. Особенно в послевоенное время. И золотопромышленность стала возрождаться. На всех уровнях нашлись не просто профессионалы, а люди, для которых на первом плане производство, общее дело, честь страны; люди долга, герои. Золотую промышленность края за 180 лет прославили многие «золотые» люди.

Безусловно к их числу относится Ишмурат Мизалаевич Гайнутдинов. Родился 10.04.1944 г. на руднике Аляхта Северо-Енисейского района. Работал на прииске Неворудинский помощником машиниста драги № 20, бульдозеристом; отслужил в армии и вернулся на прежнее место работы. В 1972 году закончил горный факультет Красноярского института цветных металлов им. М.И. Калинина. И 24 года был на ответственных должностях разных предприятий и учреждений, в том числе в 1981 – 1990 годах секретарем Северо-Енисейского РК КПСС и председателем исполкома райсовета. С декабря 1996 г. уже 20-ый год – глава Северо-Енисейского района. (16 июля 2015 г. избран в пятый! раз)

Через его ум и сердце прошло решение практически всех сложных проблем.

- Проблема золотодобычи. В 1998 г. были созданы два предприятия – ООО «Соврудник» и ООО АС «Прииск Дразный», 100 % уставных капиталов которых находились в муниципальной собственности Северо-Енисейского района. За 2000 год предприятия района получили прибыли 2324,3 млн. рублей.

В XXI веке И.М. Гайнутдинов имеет самую тесную связь с ЗАО «Полюс»

- Проблема других производств (заготовка древесины, выжиг извести, сельское хозяйство, охота, заготовка мяса, пушнины, рыбная ловля, сбор дикорастущих плодов и растений)

- Проблемы социальные: народное образование, медицинское обслуживание; закуп и доставка топлива и ГСМ; переселение пенсионеров, поддержание малочисленных народов Севера.

В России была в 1996 г. создана группа «Полюс Золото», ставшая ныне ведущей золотодобывающей компанией мира по объему производства и запасам золота.

В состав группы входит ЗАО «Полюс», ведущая добычу в Енисейской тайге, она обеспечивает 2/3 добычи всего золота, производимого компанией. Работы ведутся на трех месторождениях, данные о которых представлены в таблице:

Название	Мощности по переработке руды (в тоннах)	Объем добычи 2015 год	Доказанные запасы золота	Предполагаемые запасы
Олимпиада	8 миллионов	736 000 унций	30 001 млн. унций	47,37 млн. унций
Благодатное	6 миллионов	394 000 унций	9,18 млн. унций	11,39 млн. унций
Титимуха	2,4 миллиона	93 000 унций	1459 млн. унций	1,88 млн. унций

*На корпусе ГМО.
Месторождение
Благодатное*

Инженерно-техническое проектирование в промышленности и строительстве ЗАО «Полюс» осуществляет компания ООО «Полюс-проект». Ведущим инженером ее архитектурно-строительного отдела с 2012 г. работает Чекмарева Элина Юльевна (общий стаж проектирования – 25 лет). Она родилась, училась, жила, работала в г. Железногорске, в семье известных в городе специалистов. Отец Чекмарев Юлий Борисович с первых лет появления города и его уникальных производств возглавлял проектный отдел Ленинградского филиала ВНИПИЭТ. По его личным и по проектам отдела были построены предприятия секретного города, социальные объекты; шахты для стратегических ракет вокруг Красноярска и в Ужуре. За проект и пуск оригинального комплекса АДЭ-2: (атомный реактор, подземная АЭС, снабжение предприятий и домов горячей водой) ему в числе группы специалистов была присуждена премия

Совета Министров СССР. Мать Элины – медицинский работник. Горжусь, что в числе выпускников школы № 99 г. Железногорска, где я 13 лет проработал директором, была Элина Юльевна – интеллигент в 3-ем поколении, строгая и чуткая, приветливая, яркая, в своем деле профессионал высокого класса.

Золотую промышленность края за 180 лет прославили много золотых людей.

Лес

«Лес - наше богатство»

Знаменитое село Атаманово Сухобузимского района, где с 1932 по 1975 год на крутом яру у Енисея жила наша большая семья, полукругом окружает чудесный сосновый бор, начинающийся сразу за огородами. Его площадь 6000 гектаров. В нескольких местах к стволам были прибиты доски с призывами: «Лес – наше богатство!», «Берегите лес от пожаров». В детстве в двухстах метрах от дома летом вспугивали зайцев и сидящих на гнездах капалух. Заготавливать дрова в приречной зоне разрешалось не ближе двух километров от Енисея. На другом берегу, напротив нашего жилища, поднимался крутой яр, а далее за террасой, на сотни километров на юг и восток уходила Канская тайга.

По Енисею с весны до ледостава постоянно плыли бревна: из запаней Красноярского ДОКа и со Слизнево выпускали в реку третьесортную древесину. Дрова на ползимы, а то и на всю зиму атамановцы, в том числе и мы, заготавливали на берегу. А когда запани прорывало, - такое случалось ежегодно 1-2 раза за сезон, - мимо плыли по всему плесу тысячи бревен. Тогда уж владельцы лодок ловили их десятками, сотнями, строили из них бани, хлевы, а то и дома.

Почти весь жилой фонд Приенисейского региона в XVII – XIX веках составляли деревянные строения (за исключением немногих зданий в городах из кирпича). В XX веке возникло блочное строительство, но потребность в лесе была по-прежнему высокой – до 10 млн. кубов в год. Почти все дома в городах, селах и деревнях в XVII – XIX веках отапливались дровами, уголь использовался в малом количестве.

Население Енисейской губернии в конце XIX века составляло 250000 человек. Возьмем среднестатистическую семью – в 5 человек, значит, имелось 50000 домов (изб, хат, землянок). На год нужно минимум 25-30 кубометров древесины на одно жилище. Значит, вырубалось на дрова до полутора миллионов кубометров лесов. В XX веке после второй волны переселения, к 1915 г., население удвоилось, потребление дров возросло и далее неуклонно возрастало до 10 млн. кубов в год, несмотря на появление котельных и ТЭЦ на угле. Много дров в Сибири сжигали первые паровозы и пароходы.

В 1861 году была образована частная пароходная компания енисейских купцов А.Баландина, И. и А. Кытмановых, С. и И. Калашниковых, Е. и А. Грязновых, а в 1863 году на Енисее появился первый пароход «Енисей». Внук И.П. Кытманова Владимир Александрович вспоминал: *«В 1962 году 24 июня происходила закладка первого на Енисее парохода «Енисей». Постройка деревянного корпуса происходила в г. Енисейске на Еврейской улице. Строитель первого парохода – русский талантливый самоучка, не инженер, а простой плотник Худяков, вольноотпущенный княгини Трубецкой.*

...1863 год. Пароход «Енисей» в мае был спущен на воду с места постройки в речку Лазоревку, и 20 мая была сделана первая проба плавания от Енисейска до села Усть-Кемского. «Енисей» туда шел 39 минут, а обратно – 1 час 49 минут, сто человек публики, плавающих на теплоходе, были свидетелями открытия пароходства по Енисею... Взяв на буксир баржу, 31 мая «Енисей» отправился в низовья. 7 июня был в Туруханске.

Первым капитаном парохода «Енисей» был Алексей Федорович Калашников отец матери Анастасии Алексеевны Кытмановой. Вместе с пароходом, тут же, Худяков построил две деревянные баржи»...

Только в 1883 г. 500-сильный двухтрубный пароход «Дальман» впервые поднялся на Казачинских порогах. Но регулярное сообщение началось после установки на пороге туера «Святой Иннокентий». В 1887 г. туер прибыл по частям из Рыбинска и собран на месте. После имел название «Бурлак», «Ангара».

Число буксиров и пассажирских судов неуклонно росло, особенно в 1925 – 1941 гг. и после войны. и только в 70-е годы прошлого века окончательно перестали дымить редкие пароходы, сжигающие в топках уголь или дрова. «Последние из могикан» - юркие двухсотсильные колесники Тюменского судостроительного завода были переведены на сжигание жидкого топлива – соляры.

Но вернемся к дровяной эпопее. Знаменитый енисейский капитан, создатель музея ЕНУРПа Михаил Демьянович Селиванов рассказывал (запись 2000 г.):

«Я более 20 лет плавал капитаном на двухэтажном (не считая нижний грузовой трюм) пассажирском пароходе «Спартак». Котел паровой машины нагревался дровами. Подходим к селу Усть-Кан, где на яру, на стрелке стояли поленницы дров. Выстраиваем конвейер, задействуем всю команду, иногда мне приходилось закрывать в цепи «бреши». Даже желающим пассажирам раздавали рукавицы для работы. Поленья длиной 1 метр весили по 7-10 кг. Набивали не только специальный дровяной склад, но и загружали корму. Шли до Красноярска, там готовились 2-3 дня к новому рейсу, спускались вниз, дров только-только хватало до Усть-Кана, где грузились вновь. И таких пунктов погрузки в один конец до Дудинки было 5».

Несколько дровяных причалов находились и выше Красноярска. Знаменитый патриарх красноярских краеведов Е.Н. Владимиров разрабатывал тему о пребывании в Енисейской губернии В.И. Ленина. Ефим Ильич для полноты восприятия прошел по берегам Енисея пешком от Красноярска до Шушенского, куда вез Ленина пароход «Святитель Николай». Владимиров встретил старика, который утверждал, что в погрузке дров у села Езагаш Даурской волости (ныне на дне Красноярского водохранилища) участвовал Ленин. Может быть. Ленин - человек был азартный, с народом контактил. В советское время существовала специальная фирма «Госпар» по обеспечению дровами пароходов. К примеру, в Сухобузимском районе, лес зимой готовили в 40-50 км от устья Кана, летом его сплавливали в запань. Часть бревен распиливали поперечными пилами на чурки, после их кололи и укладывали в поленницы – по 350000 кубов на одну навигацию. По всему Енисею пароходы сжигали не менее трех миллионов кубов.

Но лес в XX веке кроме внутреннего потребления из Енисейского региона развозили по стране и продавали за валюту за границу. В 1917 году была создана Маклаковская компания с этой целью. У левого берега Енисея недалеко от старинного села стали формировать плоты для сплава в низовья. Но революционные события и Гражданская война остановили процесс. Массовая заготовка леса началась по всему бассейну в 1924 г. Монополию на заготовку, сплав, продажу леса объявило государство. В распиловке и в переработке древесины в период НЭПа участвовали и частные компании.

В 20-40-ые годы при минимуме техники, когда использовалось два инструмента – поперечная пила и топор, а лес на склады возили лошадьми, заготовку вели только зимой. Основной рабочей силой являлись временные бригады – сезонные работники по найму и мобилизованные сельчане. Каждому сельскому совету давалось от имени государства задание по отправке людей на лесозаготовки. А поскольку во всех поселениях имелись колхозы, то в лесосеки отправлялись колхозники, в зимний период менее занятые. Зимой на стыке 1928-1929 годов, еще до коллективизации наш Атамановский сельсовет сформировал бригаду из крестьян единоличников со своими лошадьми. Руководить бригадой поставили Корольского Александра Михайловича – сельского активиста, отца четверых детей. Лес заготавливали по Кану в урочище «Метляковка» в 75 км от Атаманово. Перед рождеством мужики заявили бригадиру: «Поедем домой, месяц в тайге, живем во временке, без бани, да и праздник большой, семьи ждут». Как ни уговаривал, не подчинились и поехали домой. Дорогой встретили уполномоченного, который ехал

узнать, не снимутся ли заготовители на пока не запрещенный, но – страшно сказать, - религиозный праздник. Поднимая страну, перегибали партийцы.

Понятно, что уполномоченного послали по-русски далеко. А через неделю приехали в тайгу милиционеры, арестовали Корольского. И то ли суд, то ли «тройка» приговорила его к высшей мере наказания: «За саботаж в дни религиозного праздника». «Спас» брат жены, Цыганков С.С., работающий в Красноярске в горкоме: приговор отменили, переквалифицировав статью на 10 лет ссылки.

Александр Михайлович попал на строительство Беломор-Балтийского канала, проявил себя как прораб с самой лучшей стороны и через семь лет вернулся. Стал работать на Атамановской пристани, тем самым как бы определив на будущее судьбу свою и сыновей. По его проекту был построен Атамановский павильон – одно из лучших зданий на всех енисейских пристанях. В 1940 г. родился четвертый сын – Александр. В 1942 г. Корольского призвали на фронт. В сентябре 1943 года совершил подвиг, как умелый речник, переправивший на лодке свой взвод на левый берег Днепра и не позволивший выбить наших бойцов с пятачка. В январе 1944 г. он погиб. Ему присвоили звание Героя Советского Союза. Воевали и оба сына его – Иван и Дмитрий, причем в конце войны в одном танковом корпусе. Они и их младший брат до конца дней связали свою судьбу с Енисеем. Александр плавал на судах штурманом. Иван Александрович работал начальником пристани в Туруханске, Дмитрий Александрович начальником порта в Игарке, как раз в одном из центральных пунктов валютного лесного цеха региона и страны. Ныне в низовьях водит караваны буксир «Дмитрий Корольский».

С 1929 г. по 1935 г. ссылали зажиточных крестьян в таежные места края, в том числе в Маковское (см. очерк о нем), где шла заготовка леса. Ссылные крестьяне стали основной рабочей силой в строительстве на месте станка-поселения Егора Ширяева городка Игарки, куда стали сплавливать плоты, лес пилить и отправлять на морских судах, прежде всего за границу, на валюту.

В 30-ые годы началось создание государственных предприятий: леспромхозов (ЛПХ) для заготовки, вывозки и сплава леса; лесхозов для охраны лесов и лесопосадок; запаней для формирования плотов в устьях «сплавных» рек и химлесхозов для заготовки живицы. Перед валкой хвойного леса бригады рабочих-вздымщиков на каждом стволе делают глубокие надрезы острием вниз, подвешивают металлические сосуды в виде конуса, куда натекает (естественно весной и летом) смола – ценнейшее сырье для канифольной, парфюмерной, лакокрасочной промышленности.

Один из сотен – Даурский ЛПХ

С 1956 по 1963 год автор работал 1-ым секретарем Даурского РК ВЛКСМ, извездил и исходил пешком вдоль и поперек весь, большой по площади, таежный район. На его территории вел заготовку и сплав леса Даурский леспромхоз – 5 лесоучастков (ЛЗУ).

Начну сверху, от Новоселовского района. По рекам Сисим и Шахабаиха пилил и сплавливал лес Березовский ЛЗУ (три лесопункта и 2 запани). Центр участка – поселок Березовка находился в 30 километрах от Енисея на Сисиме – на довольно большом правом притоке (а дальше, в верховьях на границе с Идринским районом вел заготовку лесопункт Кижарт). Ехать в Березовку по лесовозным дорогам далеко, поэтому дважды ходил туда для проведения комсомольского собрания пешком, первый раз летом вел меня по тропе над Сисимом Володя Каширин – учитель Березовской СШ, секретарь, липецкий парень, футболист, книголюб. Так и просится на язык любимая связка слов у всех журналистов и туристов – «красивые места». Да, вне сомнения, красивые, но не только: еще и роскошные, первозданные, дикие. Сойдешь с тропы, заблудишься и без спичек и провианта, скорее всего, пропадешь.

Второй участок Куртюл (два лесопункта) и третий Сухонакова-Тюлюпта были привязаны к речкам Погромной и Дербине. Помню летние поездки в кузове трехосных ЗИЛ-150 по таким подъемам и вершинам оврагов – жуть брала, вниз лучше не смотреть, у распадков дна не видно, там круглые сутки темно, хотя все стены заросли лесами. Бывал еще на одном лесоучастке – в Тубиле, это уж совсем в глухомани, на границе с Манской тайгой. Мы с шофером лесовоза выехали зимой из центра леспромхоза на Енисее – из Усть-Дербино утром. Накатанная дорога шла до деревни Покровка, в которой некогда жил Алексей Черкасов – автор знаменитой трилогии о людях тайги. Наш райком ВЛКСМ в 1962 г. организовал встречу с ним в Доме культуры, плавали в деревеньку Потапово – там он тоже жил еще с родителями. Выше Покровки свернули на приток Дербини речку Тубиль и ехали по зимнику вдоль нее еще 100 километров, пересекая наледи, корни деревьев.

Однажды в Москве услышал в метро разговор: «Тебя куда направили?» «Да в Красноярский край, в какую-то дыру – Канск». Если Канск – «дыра», то, что такое поселок Тубиль? Электричество давало местное динамо от 6 до 10 утра и с 20 до 24. Сплошные бараки, коттеджи. Но была почта, фельдшерский пункт, клуб, библиотека, восьмилетняя школа. Комсомольцев 30 человек, рабочие и молодые специалисты. После собрания ночевал у комсомольского секретаря Пети Елисеенко – из покровских, местных. Они вместе с супругой, по национальности эстонкой, закончили СибЛТИ.

Встали в 6 утра. Мороз 25 градусов, значит день не активированный. В 7 утра выехали с рабочими на мотовозе по узкоколейке в лесосеку, еще дальше на 15 км в тайгу. Тогда уже были бензопилы, трелевочные трактора, лесовозы. Обед в вагончике. Я целый день пробыл с молодыми лесорубами на их рабочих местах, иначе какой я секретарь, призывающий «на дела хорошие». В поселок поехали после 17 часов. Кстати, мастер Назарова, живущая в Тубиле изначально, с довоенных времен, избиралась тогда делегатом партийного съезда в Москве, что являлось большим признательным поощрением.

Еще один участок находился на левом берегу. Лес пилили и сплавливали по речке Езагаш. Там видел еще работающую водяную мельницу. В 6 километрах вверх по езагашинскому логу там, где его ширина от стены до стены 100 м, находилось урочище Бардовая. Старожилы рассказывали, что когда-то здесь находился винный завод и место названо от слова «барда» - хлебный замес для возгонки. После в краевом архиве как краевед получил ценную информацию по Езагашу. Факт сей почти забытый, но достоин внимания всех, кто изучает историю края. Оказалось, что в 70-х годах XVIII в. купцы Власьевские вложили деньги в строительство железодельного («медного») завода. Но речка Езагаш была сооружена плотина в 100 (!) метров шириной, перегораживала лог (по технологии нужно много воды). Руду нашли на другом, правом берегу Енисея у малого притока (в годы моей работы там существовали две малых деревеньки – Вознесенка и выше по речушке чувашское поселение Николаевка).

Металла в Енисейском регионе не хватало. Но дело у Власьевских не пошло. Думаю, потому, что слишком затраты велики и место слишком глухое – вдали от дорог: до Красноярска 110 км (только по Енисею), а на запад через Балахту до Московского тракта тем более далеко. Через сотню лет потомки Власьевских (кстати, эти купцы и в Енисейске дела имели) построили на прежнем месте на Езагаше винный завод (спаивать народ оказалось куда легче, чем плавить металл). В 18 километрах от Енисея, от запани в с. Езагаш был лесопункт «Малашка». Бывал на нем не раз, с концертом из Даурска на лошадях (40 км) ездили. Поселок стоял на дне округлой чаши, весьма похожей на древний кратер. На лесопунктах часть работников была из местных, в том числе специалисты: техники, мастера, учителя, врачи, бухгалтера. Основной же рабочей силой с конца 30-х до середины 50-х являлись ссыльнопоселенцы: поляки, прибалты, бандеровцы. После – сезонные рабочие по найму.

На лесопунктах лес возили зимой на нижние склады, на берега речек. Весной в дни половодий, а реки полугорные, период большой воды короткий, начинался аврал – скидка бревен в весенние потоки. Весь световой день, от зари до зари, урчали бульдозеры, и скатывали лес ломами не только все без исключения рабочие лесопунктов, но и служащие, учителя. Всем давали рукавицы, болотные сапоги, по 100 г чистого спирта в сутки. До устья, до запаней сразу доплывало не более 50 % бревен. Остальные оседали на косах, на изгибах, на корягах, бывали и заломы, которые иногда взрывали аммоналом. И целое лето бригады сплавщиков с баграми и ломами гнали мулѐ. Помню один из августовских дней провел с ребятами на Езагаше, несколько раз за день сооружали быстро плотинку типа ворот со створками. Ждали, пока вода наберется, открывали створки. И тут уж час-полтора авралили – стаскивали короткими баграми бревна в поток. И так до глубокой осени, едва успевали, зависело еще от лета: сухое – не сухое. В запанях в устье Сисима, Шахабаихи, Погромной, Дербины, Езгаша лес сортировали и вязали в плоты.

Тогда уже были легкие водометные катера, которые бревна уплотняли, могли и на плот заскочить. В Красноярский ДОК плоты буксировали катера. На них плавали наши кадры – комсомол. И с ними ездил (речь не о себе – «любимом», конечно, а о людях – тружениках, о лесе). Катера из Даурска нанимали для доставки плотов и «верхние» районы: Новоселовский, Краснотуранский. Однажды очень рано, в октябре, грянул мороз. Катера попали в припай возле села Батени. Отправили телеграмму в леспромхоз: «Замерзли в Батенях, что делать?» А телеграфисты на почте поняли по-своему. И вот, директор ЛПХ Шкаберин читает телеграмму: «Замерзли в ботинках. Что делать?» Не розыгрыш же – ребята серьезные. Валенки на автомашине посылать?

Леспромхозы, подобные Даурскому, вели заготовку древесины во всем бассейне Енисея от Мариинска до Тайшета, от Саян до Туруханска. Растущий ниже тундровый лес на распиловку не годился.

Города – побратимы леса

Читатели-енисейцы и красноярцы по названию очерка определяют сразу, что речь в нем пойдет об Игарке и Лесосибирске. Читателей вне региона (а они, надеюсь, будут, ибо книга интересна и познавательна), особенно читателей молодых, вряд ли заинтересует ныне Игарка, а Лесосибирск для россиян стоит в одном ряду с десятками молодых городов (Лесозаводск, Лесной, Сосновоборск, Заречный, Дивногорск, Саяногорск, Зеленогорск, Кедровый, Шарыпово). Любопытные читатели запросят Интернет, и он выдаст сотни названий книг, монографий, статей, публикаций, зарисовок об Игарке и Лесосибирске. Пусть и эта главка очерка отдельным свежим ручейком вольется в море существующей информации. Своим появлением города обязаны лесу, в первую очередь ангарской сосне, первосортная древесина которой проникла и используется на всех континентах, прежде всего в Европе, в Африке. На Ближнем Востоке. Выручка же от торговли енисейским лесом за 86 лет исчисляется миллиардами инвалютных рублей.

400-летие г. Енисейска и Енисейского уезда (района) – повод перелистать памятные страницы истории осуществления грандиозных созидательных проектов, вспомнить о тружениках леса.

Из интервью Н.Т. Колпакова Лесосибирской телерадиокомпании (24.05.2014)

Колпаков Николай Терентьевич – Почетный гражданин г. Лесосибирска, награжден тремя орденами Трудового Красного Знамени, орденом Русской Православной церкви Святого благоверного князя Даниила Московского 3 степени, медалью Советского Фонда Мира, медалью «Ветеран труда», золотым знаком под №

1 «Герб Красноярского края», Почетными грамотами губернатора Красноярского края и Законодательного Собрания. Имеет почетные звания «Отличник народного образования», «Отличник здравоохранения».

«Я, ангарец, родился в 1932 г. в селе Гольтевино Богучанского района. Мои предки – это первопроходцы-казаки с Дона. На Ангаре всего три казачьи фамилии – Колпаковы, Рукоусевы и Безруких».

Автор: Николай Терентьевич – большой эрудит, Почетный профессор Современного Гуманитарного университета, и думаю, не обидится если я, родившийся и выросший на берегах Енисея, заочно вступлю в диалог с ним, ведь мы – ровесники (он старше меня всего на три года). Из новых исследований историков и краеведов следует вывод, что миф о донских казаках глубоко проник в сознание сибиряков-старожилов. Как показано в первой части книги Сибирь осваивали прежде всего терские, уральские и волжские казаки. Донские казаки (черкасы, черкашенины) в Красноярске появились впервые в середине XVII века, как ссыльные.

Миф второй – это только о 3-х ангарских фамилиях. Как и повсеместно в Сибири на Ангаре в XVII – XIX веках оседлая жизнь старожилов с полунатуральным хозяйством основывалась на триаде: патриархальная семья – род – община. И если в Прикрасноярье живут более трех веков (12-15 поколений) представители родов Потылицыных, Терсковых, Ковригиных, Аринчиных, Айкановых, Торгашиных, Черкашиных, Седельниковых – всего не менее ста, то на Ангаре десятки родов, кроме 3-х, указанных, Брюхановы, Долгих, Сизых и другие...

Для того, чтобы узнать, кто был зачинателем каждого рода, надо проводить специальные исследования по документам разных архивов, начиная с первой четверти XVII столетия. Что ангарцы стали из-за особенностей жизни русским субэтносом – это другое дело. Им присущи твердость характеров, выносливость, основательность, немногословность. Иногда их называли «кежмари». Оттуда, от Илима и Кежмы, они сплавливали в Енисейск и в низовья на особых судах, называемых илимками, изделия из дерева, дары тайги, хлеб, зерновые (как ни странно, но в подтаежной зоне рискованного земледелия были излишки его). Иногда илимки возвращали назад. У моего друга Вячеслава Брюханова от деда сохранилась уникальная фотография начала XX века, на которой «кежмари» по-бурлацки тянут илимку вверх против течения.

Н.Т. Колпаков: *«Мои родители жили неплохо. Отец с 16 лет ходил на сезонные заработки на золотые прииски. Перед моим рождением отца раскулачили. Он возмущался несправедливости, сел верхом на лошадь и доехал до Иркутска (Красноярский округ, в том числе Приангарье входили административно с 1930 в Восточно-сибирский край с центром в Иркутске – В.А.). Там взял справку, его реабилитирующую, но потерял ее. В те годы началась массовая заготовка леса и сплав его по Ангаре. Отец мой хорошо знал фарватер и много лет, до конца жизни, был лоцманом – проводил плоты, бывало длиной в 1 км, до устья Ангары. Летом – всегда занят, так что приходилось помогать матери по хозяйству нам – детям: мне и трем моим сестрам. Я окончил среднюю школу в своем селе, поступил в Сибирский лесотехнический институт (СибЛТИ), направление взял специально в Енисейск, где жила моя любовь – студентка пединститута. Мы вскоре поженились. Я начал работать в Енисейске технологом ЦРМ в комбинате «Красноярсклес». В 1957 г. родилась дочь Ольга, ныне она – юрист, адвокат, живет в Красноярске. Юристом стал и сын Андрей. Живет в Москве. Мы долго ждали внуков. Но вот. Родилась Алина, ей 21 год (интервью записано в 2014 г.), учится на 4-ом курсе факультета журналистики МГУ. После нее, в шутку говоря, сын начал «клепать» детей, подряд родилось пять мальчиков; философия его такая: «сколько Бог даст». 10 лет я проработал директором мехзавода. С 1967 года перешел на партийную работу, заведующим промышленно-транспортным отделом, а вскоре избрали первым секретарем Енисейского ГК КПСС. Все три поселка, связанных с*

распиловкой леса, с его отгрузкой, Маклаково, Новомаклаково и Новоенисейск, а также Стрелка были в административном подчинении большого Енисейска. Здесь шло большое строительство, постоянные проблемы во всех сферах. Каждый день приезжал сюда. Стал пробивать вопрос о создании отдельного города. Поддержали в Минлеспrome, Госплане, поддержал секретарь Красноярского крайкома, после ЦК партии ангарец В.И. Долгих. Помогал хлопотать Аференко В.А.»

Воспоминания Аференко В.А (запись разных лет).

Аференко Владимир Александрович родился в Атаманово в 1937 году. Закончил в 1959 г. Сухобузимскую среднюю школу, в 1964 факультет МДТ СибЛТИ. До конца дней своих был связан с лесной промышленностью, с лесниками. Награжден двумя орденами «Знак Почета», многими грамотами. Писал хорошие стихи. Библиофил, не менее трети своей немалой зарплаты тратил все годы на покупку книг, имел одну из самых больших личных библиотек в Красноярске.

Вл. Ал. Аференко: «*Меня после окончания вуза направили в Игарку. Был женат. Кроме знаний получил в институте заряд общественной активности. Студенческий комсомол в годы так называемой хрущевской «оттепели» находился на подъеме.*

Автор

Последняя фраза Владимира Александровича – не простая фиксация какого-то периода его жизни, а краткая характеристика 50-60-х годов после смерти Сталина, взрывных, ярких, героических.

Аференко Вл.Ал.: «*У меня был опыт сочинительства, потому я пришел в Игарский горком комсомола и предложил выпускать на всеобщее обозрение (тогда это было модно) сатирическую газету, что-то вроде «окон Роста». Придумал название «БиНС» («Бьем и не стесняемся»). Получил добро и стал редактировать наши плакаты (фото и рисунки с едкими стихами). Отзвук получился мощным, не ожидали такого. Избрали меня членом бюро ГК ВЛКСМ (секретарями были Г. Радаев и Н. Шубодеров – его после избрали секретарем крайкома). Начал я работать технологом. Верха поняли, что кроме знаний инженера, у меня есть черты лидера, организатора, и карьера вверх пошла быстро: мастер – старший мастер – главный инженер – Генеральный директор Игарского лесокомплекса. Зимой работы много, но режим стабилен. А вот с июня по октябрь нагрузка колоссальная. Белые ночи. Масса людей – речники, студенческие отряды, рабочие по вербовке. Бесперывно подходят площадки с готовой продукцией из Маклаково, плавучие краны начинают заносить пакеты в трюмы морских судов. Телефон на работе, в порту и дома не умолкал. Режим нулевой. Сон в разное время. Спасали погружения по Леви».*

«*В Игарке мы содержали клуб иностранных моряков. Бывал и я в нем. Их капитаны, штурманы, форманы, моряки сидят часами; слушают музыку, танцуют, возьмут в баре граммов 150 водки и тянут через соломинку часами.*

Они контроль при приеме проявляли строгий. Мы отправляли ежегодно за валюту минимум 800000, максимум 1,2 миллиона кубометров первосортного пиломатериала из ангарской сосны в Германию, Англию, Италию, в Египет, в Ливию, Испанию и другие страны. Больших рекламаций не было. Только однажды просмотрели. Кто-то поверху пакетов положил кули с какой-то солью. Она дорогой растаяла, потекла. В Англии продукцию не принимают, тяжба шла долго, небольшую часть пакетов удалили, уплатили неустойку.

В 1962 г. у нас родилась дочь, врачи посоветовали переехать на материк, как говорили в Игарке, - климат ей не подходил. С трудом, но отпустили, проработал 4 года директором фабрики пианино «Енисей» в Красноярске. Предложили вернуться в Игарку на прежнюю должность. И еще проработал Гендиректором 3 года. Портом руководил Дмитрий Александрович Корольский – земляк, из Атаманово, хорошо знавший наших родителей и старшего брата.

Общий язык мы находили, оба с Корольским были членами бюро Игарского горкома КПСС. По сути, на наших плечах держалась вся социальная сфера города: не только ведомственные учреждения; директора школ, главные врачи, ученые мерзлотной станции, заведующие Домом культуры обращались с разными просьбами постоянно, и наш лесокомплекс, и порт всегда помогали.

В 1968 г. по рекомендации отдела лесной промышленности края назначили главным инженером «Красноярсклесэкспорта». Оглядываясь назад, удивляюсь, как справлялся, как хватало сил. Сказать, что было сложно, значит не сказать ничего. Сопровождения, постоянная связь с Минлесхозом, с речниками, железнодорожниками (отправляли ежегодно из края до тридцати Млн. кубов леса). Командировки в Москву, в Архангельск, в Игарку, в Маклаково, в Тавду, Архангельск. Поездки за границу (Финляндия, Англия) за оборудованием. Ведь встал вопрос о создании выше Енисейска нового города. Я как мог поддерживал.

Колпаков Н.Т.: (из интервью Лесосибирской телерадиовещательной компании 24 мая 2014 г.)

«Город Лесосибирск, пусть это не покажется нескромным – мое детище. Сама жизнь, прежде всего расширенное воспроизводство, требовали централизации по управлению. Выхожу с предложением объединить Маклаково, Новомаклаково, Новоенисейск и Стрелку в одно целое и создать на их базе город. Первоначально идею и не отвергли и не поддержали: мол, сплошные причалы, предприятия, по сути весь город с его службами и структурами надо заново создавать. Начинаю потихоньку, исподволь через центральные и краевые ведомства формировать городские черты. В Новоенисейске построили Дом культуры, школу-интернат, школу № 6. Гидролизно-дрожжевой завод, созданный, кстати, тоже по моей инициативе, построил большой жилой дом. Пригласили председателя Госплана СССР – фигура важная, если не сказать ключевая. Едем по Енисею, а где-то запань прорвало. Бревен несет ужас сколько. Он и говорит: «Ну разве капиталист позволил бы себе такое. У меня лежит просьба предпринимателей из Англии – мол, разрешите нам приехать со своей техникой и плавсредствами и собирать бревна по берегам ниже Енисейска. Даже что-то заплатим. Пока отказал». Выбирали площадку под речной порт. Ждем с трепетом указа об образовании города и об утверждении названия из 3-х вариантов: Маклаково, Новоенисейск и по моему предложению – Лесосибирск.

21 февраля 1975 года выходит указ об образовании города Лесосибирска. На установочной партконференции меня избирают 1-м секретарем Горкома КПСС, тогда, по сути, первым лицом. «Вам, мол, и карты в руки». О каких «картах», пусть и в шутку речь. Не от «масти» и случайного расклада все зависело, а от повседневного упорного труда, от энтузиазма тысяч людей во всех сферах. Город особый, с очень сложной структурой: тянется вдоль левого берега Енисея на 33 км, его площадь 271 квадратный километр, общая протяженность 1721-ой улицы 300 км (!). Население выросло до 77 тысяч человек. Возглавлял горком 16 лет, до смены строя. Добились многого.

В 1991 г. «стал безработным» - это я к тому, что вдруг после больших ежедневных забот оказался как бы не при чем в городе, обязанному мне многим. Обидно. Конечно, без дела не сидел – работал в представительстве объединения «Норникель» и директором филиала негосударственного пенсионного фонда. В 1997 г. началась компания по выбору мэра Лесосибирска на альтернативной основе. Мне уже исполнилось 65 лет, но наша организация коммунистов решила выставить мою кандидатуру. Согласился, вообще в стране и в крае коммунистов при Ельцине избирали куда-либо редко. Но лесосибирцы меня уважали, и я вопреки прогнозам победил уже в первом туре. И еще 13 лет работал главой администрации города».

Интервью с Головкиным В.Г. (январь 2016 год)

Автор: Валерий Геннадьевич, знаю, что Вы назначены заведующим отделом (управлением) народного образования в Железногорске, как победитель конкурса, объявленного в 1998 г. на замещение вакансии администрации города Железногорска в лице мэра А.В. Катаргина. И приехали из Лесосибирска. Я к 400-летию г. Енисейска пишу книгу очерков, один из них посвящен лесу, естественно и Лесосибирску. Когда и как Вы в него попали?

В.Г. Головкин (улыбается): *Во-первых, в довольно жестком конкурсе я победил в честной борьбе, хотя распространился ложный слух, что я – брат жены А.В. Катаргина. Во-вторых, для меня несколько странен Ваш вопрос, потому что я родился в 1961 г. в Маклаково – в поселке, вошедшем в состав Лесосибирска, в семье рабочих. Мои родители в 50-ые годы приехали в Сибирь по вербовке из г. Нерехты Костромской области. Годы моего детства и юности совпали с годами подъема в стране. Жили мы в рамках разумной достаточности, интересно, ярко. Вокруг воля и простор. Походы в лес. Купания в Енисее, причем мы на лодках переплывали на восточный правый берег. Воды Ангары и Енисея долго не смешиваются: он – холоден, ангарская вода теплая.*

Закончил в 1978 г. среднюю школу № 4 имени Филиппа Бабкина, честно скажу – ниже своих возможностей. Много времени отдавал общественной работе и хоккею с шайбой, входил в молодежную сборную уже города основанного в 1975 году, в одну из лучших тогда сборных края. Поступил на физико-математический факультет местного пединститута.

Автор: Интересно, что он представляет из себя?

В.Г. Головкин: *Хороший вуз. В годы войны открылся учительский институт в Енисейске. Но население в Лесосибирске росло быстро, и наш основатель города и радатель за него умница Николай Терентьевич Колпаков добился перевода пединститута в новое здание в Лесосибирск. Были факультеты начальных классов, историко-географический и физмат. Преподавательский состав с большим опытом, с высокой квалификацией. Возьмем наш факультет. Володя Шишмарев возглавлял Дивногорский отдел образования и несколько лет работал руководителем крайоно. Кроме меня возглавляют отделы наши выпускники Саиа Чуграев (Нижний Ингаи), Юра Руднев. У меня пробудился высокий интерес к учению, получил диплом с отличием. И пошло по восходящей: 1983-1984 г. – учитель физики и 1,5 года армии (служил в Уссурийске, офицер запаса); 1985-1989 г. – учитель физики школы № 5, 1989-1996 – директор этой школы, 1996-1998 – заведующий Лесосибирским гороно и тут узнаю о конкурсе, объявленном мэром Железногорска.*

Автор: Мы с Вами коллеги – бывшие учителя физики, работники социальной сферы. И все же, что Вы можете сказать о производственной сфере Лесосибирска?

В.Г. Головкин: *Лес, лес, лес! Прием плотов с Ангары, отправка по железной дороге, распиловка, переработка, над каждой школой шефствовали лесники. Экскурсии на ЛДК-1, в цех по производству ДВП.*

Автор: Знакомы ли Вы с Н.Т. Колпаковым?

В.Г. Головкин: *Конечно. Он мне вручал партийный билет. На бюро меня утверждали директором школы. Выступал он на педагогических конференциях. Мудрый, широко эрудированный руководитель, требовательный, человечный. Его любили. Когда я уезжал в Железногорск, Николай Терентьевич пришел на проводы друзей, коллег, принес на память картину – сибирский пейзаж. «Мой принцип, - говорит, - таков: «Где родился, там и пригодился. Времена другие. Раньше я бы тебя не отпустил!»*

Ремонтный цех ЕНУРПа*

Форпост Енисейск на путях в Восточную Сибирь и на Дальний Восток исполнил в XVII – XVIII веках свою роль по самому высокому разряду.

Естественно, что по Енисею и по его притокам енисейцы и красноярцы плавают постоянно, начиная с 1619 года. Именно в Енисейске появился в 1864 г. первый пароход. С 1881 года началось регулярное проходное сообщение по всей великой реке от Саян до Карского моря, а также по Ангаре, по Тунгускам, Симу, Елогую, Питу, Касу и по другим рекам. Зимовка судов и ремонт их проходили до конца 20-х годов прошлого века в Красноярском затоне и частично в Енисейске, в устье реки Мельничной. Когда ранняя шуга заставляла пароходы и катера в пути, использовались ближайшие запаны, протоки. Так были открыты, приспособлены и вошли в оборот в начале 30-х годов стоянки в Игарке, в Подтесово, в Павловщине, в Кононово, в Ермолаево.

Стало ясно, что на среднем Енисее нужен большой затон со слипами, с ремонтными цехами. И такая огромная стоянка (до шести сотен судов) и необходимое производство были созданы в Подтесово, в 35 км ниже Енисейска, в богатырском уезде, и является одной из составных частей его славной истории. У Подтесово есть свои летописцы, чей вклад неоченим и уникален – это супруги Еремеевы. Борис Николаевич после окончания Красноярского речного училища тридцать лет плывал на разных судах штурманом и капитаном. В 2003 году в издательстве «Красноярский писатель» вышел его увлекательнейший роман-хроника «Кача впадает в Енисей».

Людмила Сергеевна родилась, выросла и большую часть своей яркой активной жизни прожила в Подтесово, в 2005 году то же издательство выпустило ее книгу «Подтесово – мой причал (история и современность)» - документальный художественно-публицистический труд.

Биографии Еремеевых полны деяниями большого масштаба, творческими свершениями, а у Бориса Николаевича просто невероятными приключениями, и потому мои восторженные слова мало что дадут вам, уважаемые читатели, берите в библиотеках книги Еремеевых, уверен – не оторветесь! Борис Николаевич – прямой потомок в тринадцатом колене знаменитого красноярского подьячего Василия Еремеева, мой земляк, ибо их родовым гнездом почти три века было Атаманово, его родственники и ныне живут в нашем селе.

Людмила Сергеевна Еремеева (в девичестве Юр) – дочь известного инженера – гидростроителя закончила Красноярский мединститут, работала десятки лет врачом.

С разрешения авторов прочтите несколько извлечений из их книг.

Из книги Л.С. Еремеевой «Подтесово – мой причал».

«Если спускаться на теплоходе от Красноярска вниз по Енисею, то на 430-м километре с правого берега неожиданно открывается рукав-затон, образованный двумя островами, коренным правым берегом и соединяющей их капитальной каменно-набросной дамбой, строительство которой было закончено в 1949 году.

Удобное географическое расположение островов, за которыми еще в 20-30-х годах XX столетия оттаивали зимой суда, и послужило началом к образованию в этом месте затона, завода и поселка. В 1975-90 годы здесь было самое крупное в РСФСР судоремонтно-отстойное предприятие.

Это затон, в котором зимовали и ремонтировались более 500 судов – половина всего флота ордена Ленина Енисейского речного пароходства.

Это современный поселок городского типа с восьмьютысячным населением и развитой инфраструктурой жизнеобеспечения его жителей.

Это интересные трудовые династии людей, приехавших в XX столетии со всех концов нашей необъятной Родины или коренных жителей, родословные которых уходят в XVII век.

Русский народ всегда отличался смекалкой, выдумкой, богатой фантазией, внимательно подмечал все вокруг себя. Не могли не заметить первопроходцы, что все соседние заимки и поселения расположены на пологом, с мелким галечником левобережье, а по высокому правому берегу словно кто с огромным топором прошелся и «подтесал» его, обнажив земляное нутро (где потом всегда гнездились ласточки и стрижи). «Подтесывал» берег, конечно, не мифический герой, а Енисей-батюшка, разрушительная сила которого в период весенних ледоходов и наводнений была в те годы невероятно огромной. Кто-то приметил да и сказал вслух: «подтесал» берег-то Енисеюшка... Слово и запомнилось, повторилось другими, так и стало – Подтесово.

В 1654 году крестьянин деревни Марково Городище Тимофей Прокопьев из-за выпашки старой пашни и отсутствия поблизости новых удобных земель переселился вниз по Енисею на «Подтесов остров».

«Подтесов остров!» ... Совсем неожиданная загадка. Почему остров? Здесь были и есть два острова: Малый и Большой Кекурский (и карта Ремезова это подтверждает), на них никогда никто не селился, там всегда были только покосы. Дальнейшее изучение истории проливает свет и на это.

Первые жители деревень Енисейского уезда были, в основном, выходцами из северных областей России (Вологодской, Архангельской и др.), а там крестьяне называли ОСТРОВОМ большую лесную площадь, вкрапленную в луга или болота. Именно по этому принципу родилось название «Остров» и в нашем случае. Девственный хвойный лес сплошной стеной-«островом» стоял на берегу (на «подтесанном» берегу), а слева и справа от него – покосные луга, болотца, кустарники».

Из воспоминаний почетного речника Енисея И.А. Искры:

«Один из трех самых мощных буксиров «Клим Ворошилов» привел 23.10.1933 г. в Енисейск невиданный караван. Капитана Евгения Константиновича Крылова я близко знал, эт-то была на Енисее величина-а!

На берегу народищу!! Вездесущие ребяташки, как всегда, тут как тут. Все кричат руками машут, и мороз им нипочем. «Хвост» за «Ворошиловым» огромный тянется! Там и самоходные суда, например пароход «Тобол», и несамоходные – лихтера, баржи разные. Люди, стоящие на берегу считают их хором: десять... пятнадцать... двадцать...двадцать семь, двадцать восемь, двадцать девять!!! Двадцать девять судов! Все ахают, качают головами. Кто-то невесело, то ли удивленно, то ли восхищенно замечает:

- Целую деревню приплавил, глядя на зиму, Крылов. Вот это да-а...

«Клим Ворошилов» приблизился к берегу, а хвост между тем едва-едва был виден вдали. Водят ли сейчас капитаны такие воза, не знаю, а вот тогда так было. Увидев меня на берегу, Евгений Константинович вышел на мостик, стал кричать в рупор.

- Видал, какую западню нам Енисей-то батюшка приготовил!? Ходу вперед нет! Передай Мещерякову... (такая «связь» тогда у нас была с судами: через рупоры перекликались с берегом, затем я звонил в пароходство, объяснял ситуацию!) ... передай Мещерякову, что я спускаюсь обратно в Подтесовскую протоку, место там удобное, я знаю. За островами отстоюсь и отремонтируюсь, другого выхода нет!

- Да как же, - кричу, - ты «деревню»-то свою развернешь, лед совсем медленно движется, вот-вот Енисей встанет, не успеешь!?

- Успею! – откликается. – Ты, главное, передай точно, как я сказал: в Подтесовскую протоку!!

Долго не уходили мы с берега, промерзли до мозга костей, с тревогой смотрели, как медленно-медленно разворачивает «Клим Ворошилов» свой хвост-«деревню» и так же медленно, со льдом уходит вниз в неведомую (спасительную ли?) протоку. Сердце сжималось: как вмерзнут где в лед посередине пути? Ночь надвигается, морозище од 30 градусов, а вокруг ледяная пустыня: кто поможет?»

Из книги Л.С. Еремеевой «Подтесово – мой причал».

Вынужденная стоянка 1933-1934 годов прошла успешно. Но конкретного решения о строительстве Подтесовского затона все не было. Краевая власть была далеко, в Иркутске, а там не всегда понимали местные нужды. Деньги отпускали лишь на временное строительство, по аварийным случаям, и только с созданием в 1935 году Красноярского края вопросы стали решаться оперативнее.

Разговор о строительстве Подтесовского затона вели секретарь Востсибкрайкома Разумовский, а позже – первый секретарь крайкома партии Акулинушкин, идея получила одобрение обоих. Но дальше этого опять дело не шло. Помог случай!

В начале сентября 1935 года руководитель Главного управления Северного морского пути (ГУСМП) Отто Юльевич Шмидт следовал из Красноярска в Дудинку. Руководители Енисейского района попросили О.Ю. Шмидта поддержать в Москве просьбу о строительстве Подтесовского затона.

Отто Юльевич Шмидт обещание свое сдержал, и в 1936 году ГУСМП начало строительство затона и судоремонтных мастерских в Подтесово.

Из книги Б.Н. Еремеева «Еремеевы от Москвы до Красноярска».

В 1953 году, случайно оказавшись в Подтесово по причине аварийного ремонта главного двигателя т/х «С. Тюленин», я встретил в этом поселке свою судьбу, свою первую и настоящую любовь и вот уже 57 (!) лет мы рядом, плечо в плечо, рука об руку с моей Людмилой шагаем по жизни.

В 1968 году директор Подтесовской ремонтно-эксплуатационной базы флота (РЭБ) Юрий Дмитриевич Наместников предлагает мне должность заместителя директора по кадрам.

Первые пять лет: 1968 – 1972 годы кадровая тематика с вечными проблемами неуккомплектованности флота и цехов, поисками специалистов и просто рабочих людей как-то погружали в этакий бесконечный процесс единообразия утром и вечером и даже ночью – одно и то же: давай специалистов... С 1973 года начались приступы тупой неразрешимости этой всесоюзной проблемы: страна буквально кишела стройками огромных масштабов, и тот, кто выдумал словечко «застой» - патологический лодырь, сидевший в тараканьей щели и ничего оттуда не видевший! Застойные мозги у этого типа критиканов были не способны охватить всю широту свершений в Советском Союзе, и часть из них придумали словечко «перестройка», и эту перестройку мы явственно сегодня ощущаем. В тот самый «застойный» период бросили клич молодые ребята поселка Олег Сазонов, Николай Царев, поддержало их руководство завода и только за один 1972 год в поселке методом народной стройки вырос двухэтажный спортзал, первый в Енисейском районе!

В 1975 году я расстался с кадровой работой и был назначен заместителем директора РЭБ по флоту. В 1983 году стал директором Подтесовской РЭБ флота. Четыре года будущей работы навсегда останутся для меня годами трудного, насыщенного и очень нужного для родного предприятия и жителей, не менее родного поселка, рабочего увлечения. Я жил работой, болел проблемами завода, флота и людей, делал все от меня зависящее для того, чтобы и завод, и поселок, и люди вокруг меня жили в одном ритме решения и житейских, и производственных задач.

Из книги Б.Н. Еремеева «Кача впадает в Енисей».

«В начале 1986 года мы с секретарем парткома РЭБ Н.С. Олейниковым и председателем завкома Ю.Д. Елизарьевым отправились в Лесосибирский горком и горсовет (а Подтесово входило в городскую агломерацию) для того, что бы, во-первых, узаконить эту дату специальным решением этих органов и, во-вторых, получить разрешение на проведение мероприятий по празднованию предстоящего пятидесятилетия Подтесовской ремонтно-эксплуатационной базы флота. Только после

соблюдения формальностей в первой инстанции можно было выносить этот вопрос для решения в управлении пароходства и Министерстве речного флота.

Предоставленные нами документы были подлинными и неоспоримыми и поэтому не встретили возражений ни в одном из руководящих кабинетов. Объединенным решением поселкового совета, партийного и заводского комитетов и администрации РЭБ была создана комиссия для организации и проведения юбилейного праздника, разработан большой перечень мероприятий, где мне предписывалось подготовить на торжественное заседание доклад под рубрикой: Нам – пятьдесят!

В своем докладе я рассказывал обо всех периодах роста производств и жизни поселка.

В 1956 году завершил свою трудовую биографию трудяга-док, его бессменный много лет начальник Василий Яковлевич Миусский принял к руководству строящийся слип и в судоремонт 1956-57 годов поднял для среднего ремонта на наклонной части первые суда: «Шевцову», «Талалихина», «Камчатку», «Сахалин». Подтесовские строители одержали крупную победу, подготовив к сдаче в эксплуатацию слип – сложное гидротехническое сооружение, вот уже более пяти десятилетий верой и правдой отслужившего Енисейскому флоту. Завершалась первая очередь строительства Подтесовского судоремонтного завода: в 1963 году был сдан в эксплуатацию столярно-плотницкий и в 1966 – цех судовых команд (технической эксплуатации).

Какова доля перевозок, осуществляемых речниками Подтесовской РЭБ? Во-первых, это 40 % действующего транспортного флота и 46 % его несамоходного тоннажа и, во-вторых, это 52 % всех транспортных перевозок на водных артериях Красноярского края и за его пределами. Подтесовские судоводители освоили линию Абакан – Дудинка, активно ведут все виды транспортных перевозок на Ангаре и ее притоке – Тасею, экспедиционное плавание по рекам Кас, Сым, Подкаменная и Нижняя Тунгуски, Курейке, Хатанге. Подтесовцы принимали участие в строительстве Саяно-Шушенской ГЭС, Красноярской, Хантайской и Курейской, в развитии Норильского ГОК и городов Норильска и Дудинки.

Вот как росло количество судов на отстое и ремонте.

1933 – 34 г., всего – 31 судно: «Клим Ворошилов», «Тобол» и 29 барж.; 1939 – 40 г., всего – 89 судов: самох. – 24, несамох. – 62, металл. – 13; 1949 – 50 г., всего 119 судов; 1955 – 56 г., «-162»; 1960 – 61 г., «-205»; 1975 – 76 г., «-289»; 1985 – 86 г., «-442».

Рядом с заводом рос и развивался поселок.

В докладе были названы сотни фамилий строителей, производственников, речников, ветеранов Великой Отечественной войны и труда. Слава им!

Поблагодарим супругов Еремеевых за огромный вклад в четырехсотлетнюю летопись богатырского уезда. Маковский острог и г. Енисейск возникли на этих землях Среднего Енисея, как важные форпосты Российской империи на путях Запад – Восток – Запад. А Подтесово, как форпост на Енисейском меридиане в направлениях: Юг – Север – Юг.

Часть третья

Маковское: 4 века – 4 поворота судьбы

Село Маковское Енисейского района – одно из особых мест Сибири и всей России. Зачато оно было, как Намацкий (Кемьский, Маковский) острог в конце августа 1618 г. и полторы сотни лет играло наряду с Енисейском судьбоносную, неповторимую роль в нашей истории: такую же, как в XV – XVIII веках Великий Устюг на перекрестных путях Северной Руси (от Белого моря до Москвы, от Новгорода до Урала); как Тобольск – столица Сибири в течение двухсот лет – главный форпост на путях в Зауралье.

А в мировом масштабе Маковское сродни городу Библиосу на оконечности Аравийского полуострова, Гибралтару, греческим городам-колониям в Малой Азии и на островах Эгейского моря.

Вторая же ипостась таежного поселения заключается в том, что он не исчез до сих пор, является артефактом истории, повторив в своей судьбе ее плавное течение, изгибы, подъемы и «спуски».

Впервые о Маковском я узнал после второго класса.

В июне 1944 года к нам в Атаманово уже на третий сезон приехала из Красноярска Анна Семеновна Кочнева – мать крестная. В возрасте 16 лет она в 1905 году присутствовала при крещении нашей матери в Пророко-Ильинской церкви в селе Кекур Нахвальской волости (ныне Сухобузимский район). Мы ее звали «хресной». На два месяца она становилась членом нашей семьи. Помогала своей крестнице: полола, домовничала, пряла, починяла. Ходила в сосновый бор, добывала сосновую смолу, готовила из нее жвачку (в простонародье серу) в виде палочек, увозила в город продавать. Приносила в мешке муравьиные копны, обкладывала ноги, лечила застарелый ревматизм.

В тот раз при встрече мать приготовила свое фирменное блюдо – верещагу: в большой сковороде поджарила до розового налета ломтики свиного соленого сала и залила его смесью молока, яиц и муки, поставила в горячую русскую печь – омлет поднялся аппетитной шубой. Мы – три брата, девяти, семи и четырех лет, лежали на полатах, глядели жадно вниз, мать незаметно так показывала нам кулак, – мол, как не стыдно, не из голодного края (то была одна из ее многочисленных поговорок и присказок, после называемых нами «чалдонизмами»). Пришла соседка, – как чуяла, – крепкая в кости, громкоголосая Наталья Бабичиха. По ходу беседы она начала говорить что-то осуждающее сельсовет. «Хресна» прервала ее: «Что возмущаешься, Наташа, на «Маковку» захотела!»

Наша мать, родившая 10 детей, была ярким представителем народной педагогики, прекрасным воспитателем; с нами не сюсюкала и отвечала на все вопросы, потому любознательность стала одной из черт наших характеров. Я спросил ее однажды: «А что это за Маковка?» *«Это глухое место в тайге, куда ссылали кулаков. Ну, сослали бы брата Анны Семеновны Степана Кочнева, его люди в Кекуре не любили. А старики-то и дети при чем? А уж хресинька пострадала совсем зазря, с 15 лет нянькой жила в городе у купцов, приехала домой и ее загребли».*

Я посмотрел на карту Красноярского края. Нашел Маковское на севере в верховьях реки Таз; подумал: сослали далеко, условия суровые.

Летом 1951 года записал рассказ Анны Семеновны Кочневой об ее трудной жизни, о пребывании с конца декабря 1929-го по июль 1930 года в Маковском. Оказалось, что это село расположено в верховьях реки Кеть в ста километрах от Енисейска.

Начав в 1957 году заниматься краеведением, более 50 лет посвятил исследованиям по истории красноярских династий, по истории родного села и Сухобузимского района. И, конечно, не мог «пройти» мимо Маковского, ибо история этого села уникальна, подобной в мире нет: через него 130 лет шел практически единственный (!) путь в Красноярск, в Восточную Сибирь и на Дальний Восток; оно стало местом ссылки нескольких тысяч крестьян Прикрасноярья в начальный период коллективизации; в нем жили 14-15 поколений чалдонов-енисейцев, потомков служилых, казаков, пашенных крестьян; земледельцы, охотники, рыбаки, лесники.

Период первый – казачий (1618-1750 гг.)

Газета «Красноярский рабочий» к 385-летию со дня основания Маковского посвятила ему две страницы номера от 21 августа 2003 года под заголовком «Босиком по росе» (автор Л. Кытманова). Кстати, Кытмановы – знаменитые в прошлом деятели Красноярска и Енисейска. В газете помещены прекрасные фотографии села (вид сверху), его жителей – истинных таежников-сибиряков. Материал предваряет преамбула, выделенная темным: *«385 лет назад казаки пробирались по глухой тайге к Енисею, увидели прекрасное место: высокий холм, маленькая речка, полная рыбы и одиноко стоящая сосна на берегу. «Острог должен стоять здесь, - решили люди, - и имя ему Маковский. Так и возникло одно из поселений нашей бескрайней Сибири».*

С точки зрения создания интереса у читателей газеты – нормально, опора на общие знания мифов о казаках и о вольной Сибири. На самом деле не «одно из поселений бескрайней Сибири», а поселение с необычной биографией, с особой ролью в истории не только Енисейского района, но всего региона и даже всей Сибири, просто другого такого не было нигде от Урала до Тихого океана. Можно подумать, что казаки «пробирались по глухой тайге» сами по себе, «место угоднее» искали и нашли его.

Нет! В конце августа 1618 г. на то место пришли не только казаки, а целый отряд, (около 100 человек) служивых, (кроме казаков дети боярские, стрельцы, кустари) под началом сына боярского из Пелыма Петра Албычева и стрелецкого сотника Черкаса Рукина. Пришли по указу царя Михаила Федоровича Романова с конкретной целью - построить не просто острог на Среднем Енисее, а форпост для продвижения из него далее по Великой Степи: в Восточную Сибирь, в Забайкалье, на Амур, в Чукотку, на Камчатку.

Не по таежным дебрям шли: по рекам Иртышу, Оби, Кети – совсем не малой реки с общей длиной более полутора тысяч (!) верст. Это она в верховьях, ближе к истоку, не так широка.

15 больших лодок – дощаников с грузами, с запасами на 2 года перемещали против течения: и веслами гребли, и шестами толкались, и паруса ставили, и по-бурлацки, идучи по берегам, тянули, а под конец толкали дощаники сзади в корму. Как писали они в челобитной: *« А мы, государь, холопы твои, бредучи в холодной воде, перемерзли и перецинжали».* И место остановки уже было известно от служивых из Кетского острога, основанного в 1604 г. и от дружественных остяков: здесь самый короткий путь по волоку (12 км) в реку Кемь, впадающую в Енисей. Несмотря на малую воду в Кеми все же думали тащить лодки через волок, чтобы к зиме выйти на Енисей. Но остяки предупредили: тунгусы (эвенки) с правобережья собрали приличные силы и намерены напасть на отряд.

П. Албычев и Ч. Рукин «со товарищи» принимают оказавшееся верным решение: быстро, не теряя ни дня, строить острожные стены и внутри них избы и амбары. Едва закончили возведение острога, как его осадил большой отряд эвенков. Воеводы отправили вниз по Кети группу служивых в Кетский острог к воеводе его Чельшеву с просьбой оказать помощь. Но уже стало холодно, Кеть обмелела и до ледостава вряд ли бы помощь пришла вовремя. Эвенки простояли, как пишут шесть дней и ушли за Енисей в свои владения, поняли, что запасов у русских много и они «огненным боем» один по одному выбьют осаждавших. Экспедиция провела зиму в Маковском остроге, весной по большой воде спустилась по Кеми и начала строить будущий форпост Енисейск.

В самом конце 1619 г. (а новый год начинался до реформы Петра I, до 1700 г.) с 1 сентября в Маковское прибыла следующая экспедиция. И шли они более ста лет ежегодно из Тобольска и в Тобольск с грузами и с людьми. В Маковском, как пишут историки, на берегу Кети стояло до сотни судов: стругов, дощаников, лодок поменьше и обласков (так назывались юркие, остяцкие, долбленные из одного ствола толстого дерева

челны). Служивые ремонтировали их, смолили, некоторые разбирали на отдельные доски, из которых делали заборы и покрывали дворы. Поселок вскоре выплеснулся из острожных стен, бояться при таком многолюдстве некого. В больших амбарах и на складах хранились многие тонны хлебных соляных и других запасов для Красноярского острога; для годовальщиков, для экспедиций из Енисейска во все стороны света. Хранились металл, топоры, железные изделия, провиант, то есть порох, фитили, кремний для стрельбы. Хранилась пушнина (как ее именовали – рухлядь) и еще много чего для нормальной жизни. Были созданы условия для отдыха, питания, ночлега сотен проезжавших людей разных сословий, статусов и званий. Читаем в Интернете на сайте Красноярского края:

«В 1618 г. на высоком правом берегу реки Кети был основан Маковский острог. В первой половине XVII в. здесь была построена Покровская церковь. До середины XVIII в. острог был важным транспортным узлом не только Енисейской губернии, но и всей Восточной Сибири. Знаменито село было также Маковским волоком – сюда, в точку, расположенную в 70 км западнее Енисейска, через 12-километровый волок между рекой Кетью (бассейн Оби) и рекой Кас (приток реки Енисей на уровне города Енисейска) заходили суда с продовольствием и прочими припасами. Из Маковского товары на волокушах доставляли в Енисейск, откуда шло снабжение других сибирских поселений: Красноярского, Абаканского, Саянского, Мотыгинского, Тасеевского и даже Якутского острогов, этим же путем вывозили пушнину

Первыми жителями в Маковском остроге были служилые люди, промышленники и торговцы, вскоре появляются «государевы пашенные крестьяне», а за ними селятся ремесленники и «гулящие», то есть люди свободных профессий. Первым маковским крестьянином был Василий Михайлов, высланный в 1645 г. из Москвы.

По Маковскому волоку зимой 1662 г. везли в ссылку протопопа Аввакума Петрова. В 1675 г. с посольством в Китай здесь ехал ученый Николай Спафарий-Милеску. В 1734 г. волоком проезжал первый исследователь Сибири Герард Фридрих Миллер».

К сожалению, авторы этой интернет-статьи не избежали неточностей, в частности, Маковский волок находился между рекой Кетью и Кемью, а не «Кетью и Касом».

В 2013 г. в г. Тюмени вышла прекрасная книга «Маковская сторона» (краеведческо-родословное исследование в двух частях). Автор ее Виктор Сергеевич Максимов родился в Маковском в семье старожилов. В книге он изложил версию, что Маковский волок – весь сухопутный путь по тайге от Маковского до Енисейска. Все грузы, якобы, перемещались туда и обратно на телегах, возках, санях, волокушах или вьючно.

Конечно же, в данном вопросе Виктор Сергеевич неправ. Вне сомнения, Маковский (Кемьский, Намаковский) волок существовал.

Дощаники перетаскивали по волоку в приток р. Кеми в любое время с мая по сентябрь, если позволяла вода. Тянули и по-бурлацки, и с помощью лошадей. Использовали ворота, закрепляемые на глубоко вкопанных сутунках. Грузы подвозили на берег Кеми на лошадях. Люди же шли пешком. Далее груженные лодки сплавляли по Кеми до Енисея. Путь через тайгу до Енисейска летом использовали редко (распутица, разбитые дороги, гнус), основные обозы шли в предзимье после выпадения первого снега.

При любом варианте трудностей хватало!

Есть три версии, почему острог назвали Маковским.

Версия первая.

Острог был построен у волока рядом с улусом князца Намака и сначала назывался Намакским. При частом упоминании его в разговорной речи, и в документах, название сначала укоротили «Макский», и в конце концов переделали в Маковское – более созвучное для русских. Версия неприемлемая, потому что на севере у р. Турухан примерно в те же годы начала XVII в. возникло еще одно поселение Маковское, ныне исчезнувшее.

Кстати, удивляет такой факт. Откроем «Енисейский энциклопедический словарь» (ЕЭС, издание, Красноярск, КОО Ассоциация «Русская энциклопедия», 1998 г.). на развороте (стр. 732-733) представлены его авторы – академики, доктора и кандидаты наук, крупные руководители. А сколько они допустили фактических ошибок! Только по волостям, которые вошли в 1924 г. в Сухобузимский район, насчитал их несколько десятков. Читаем на странице 370: *«Маковское, пресное озеро на левобережье Енисея в приполярном районе Красноярского края, имеет рыбопромысловое значение. Из озера вытекает р. Маковская (басс. Р. Турухана). Пл. зеркала 163 км²».*

Удивительно! Ученые мужи не забыли небольшое озеро и приток Турухана, но для них как бы не существовало уникального Маковского острога, через который 130 лет проходили практически все россияне, осваивающие бассейны Енисея, Лены, Амура и других рек; Дальний Восток и оконечность Азиатского материка; не проезжали в Китай дипломатические миссии, российские и зарубежные. Не было печальноизвестной «Маковки», куда в 1929-1930 гг. сослали сотни крестьянских семей из поселений от Саян до Казачинска.

Версия вторая.

В остроге сразу же, в августе 1618-го года была срублена церквушка, какой-то умелец соорудил на ней Маковку – типичный атрибут православных храмов и покрасил.

Кеть в этих местах петляет сильно, и надстройку в форме луковицы было видно издали, за сутки-двое до прихода дощаников. Служивые радовались: «Наконец-то, добрались до Маковки (Маковского)».

Такой вариант возможен. Но, думаю, ближе всего к истине версия третья – этимологическая.

В праязыке Евразии слог-звук («языковой кварк») МАК означает «голову» («головку»), «возвышение». Отсюда название: растение МАК; скалы, похожей на голову человека и видной из Красноярска – ТакМАК, церковной МАКовки. И имена: НаМАК, ЕрМАК, то есть «вожак». И понятия: МАКсимум, МАКушка. Значит оба поселения – на Кети и на Турухане возникли на высоких, видных издали берегах.

Путь по Кети и Маковскому волоку начал терять свое значение с 1740 года, когда началось более менее регулярное движение по Московскому тракту.

Период второй – крестьянский (1750 – 1917 гг.)

Чтобы написать главку о 1-ом казацком периоде жизни в Маковском, автор использовал широко известные документы Тобольских архивов и трудов по истории Сибири и Приенисейского региона в XVII-XVIII веках. За последующие (XIX – XXI) века информации в концентрированном виде мало, ее надо собирать по крупицам.

К сожалению, не сохранились архивы волостных правлений Красноярского и Енисейского уездов. редкое исключение фонд р 1575 «Сухобузимское волостное правление», в котором в 3-х описях значатся около полутора тысяч (!) дел. А вот соответствующие документы Яланской волости, к которой с 1783-го по 1924 год

относилось с. Маковское, не сохранились. К тому же, по селу Сухобузимскому дополнительная уникальная информация заключена в воспоминаниях В.И. Сурикова (в записи М. Волошина): он жил в этом волостном селе в 1854-1859 гг. и после неоднократно приезжал на могилу отца.

Ценные мемуары оставил бывший писарь Сухобузимской волости П.К. Матонин. Также удалось записать воспоминания своих земляков 1872-ого и более близких лет рождений; посетить все 40 поселений своего района; увидеть воочию дома и усадьбы крестьян и купцов XVIII – XIX веков; хлебозапасные общинные склады, называемые мангазинами; водяные мельницы, кузницы, гончарные станки, кросны, дощаники, набор сбри и весь инструментарий для сельхозработ.

Такие же социально-экономические условия, традиции, уклад жизни существовали на Кети, как и в бассейне Бузима. Потому закономерен метод экстраполяции: перенос того, что было в одном месте с учетом местных особенностей.

Первое – это социально-политическое устройство, способ хозяйствования. Долина Бузима стала заселяться на сто лет позже, чем возникли Маковское и поселения в верховьях Кети и Кеми. Но там и там, как и по всей Сибири основу сельского бытия составляла триада: община – род – патриархальная семья. Государство за аренду земли (она считалась боговой и не являлась товаром) плату в форме десятинной пашни, после оброчных податей и трудовых повинностей предъявляло в целом крестьянским общинам. Волостной старшина посылал рапорты сельским старостам, а те лично или собирая сходы, распределяли требования по хозяйствам.

Роль Маковской общины была особенно велика из-за наличия многих малых поселений и зимовий. Общины скреплялись **родами**. В подгородних волостях под Красноярском раскинули «кроны» старожильческие роды переселенцев первой волны (XVII – XVIII вв). Тюменцевых, Еремеевых, Матониных, Черных, Черняевых, Черкашениных, (Черкашиных), Злобиных, Торгашиных, Седельниковых, Ковригиных, Корольковых, Кольцовых, Барабановых, Куваршиных, Сошиных, Самойловых, Соломатовых, Степановых и десятков других. Маковские роды перечислил в своей книге В.С. Максимов - добросовестный и дотошный исследователь.

Мы с ним родились в разных местах Красноярского края: Виктор Сергеевич в Маковском Яланской волости Енисейского уезда (района), Виктор Александрович в с. Атаманово Сухобузимской волости (района) Красноярского уезда; один – в таежном углу в верховьях р. Кети, другой – на берегу Енисея, в Красноярской лесостепи. Аференко составил подробные схемы трех красноярских родов: Тюменцевых, Матониных, Еремеевых, начиная с середины XVII века по XXI-ый (15 поколений), а Максимов установил свою родословную по линии отца и линии матери с конца XVII века (с 1680 г.) И что же? Результаты и выводы почти одинаковы, что следует расценить как научный фактор. На каждое поколение в среднем приходится 25 лет, то есть за 100 лет сменялось 4 поколения, хотя бывали очень редкие случаи, когда один человек жил целый век.

Основными родами в Маковском являлись роды Максимовых, Угрюмовых, Коротких, Стыжных, Бондаренко, Распуткиных, Барбиных, Сапожниковых. При высокой рождаемости коэффициент увеличения числа мужчин – продолжателей фамильного рода в каждом новом поколении составлял с середины XVII до середины XX века, **1,2**, то есть за 100 лет увеличение в 2,0 раза. Конечно, такое же соотношение и у женщин.

Так как в поселениях жили от одного до пяти родов, а в приходах десятков или два-три десятка, то практически родственными или полуродственными (кумовство, свидетели при крещении – крестные, поезжане во время свадеб и др.) связями были охвачены все общины. Максимов пишет: *«Мы с сестрой Максимовой Антониной Ивановной*

просмотрели Метрические книги Маковской Покровской церкви за 1850-1919 годы и проанализировали, как же и с кем вступали в браки наши прадеды и прабабушки.

В связи с удаленностью наших деревень от уездного и волостных центров, браки у нас в основном совершались между жителями села Маковского и деревень Лосиноборское, Ворожейка, Рыбная и Филиппова.

По причине изолированности старожильческое население наших деревень практически все породнилось между собой».

Повторюсь, что так было повсеместно, даже в пригородных, далеко не изолированных волостях. Виктор Сергеевич перечислил фамилии, имена, отчества женихов и невест в 132-х актах венчания. Пришли под венец Максимовых (53 человека из 250, то есть более четверти); Угрюмовых (32), Белозеровых (30), Коротких (26), Барминых (13), Пановых (13), Сапожниковых (11). В пяти случаях жених и невеста носили одну и ту же фамилию, то есть у них был один и тот же предок, не менее 4-5 поколений назад. Несколько подобных фактов зафиксировано и у нас в Атаманово в роду Тюменцевых.

Православная церковь стояла на страже крепких семей. Перед венчанием группа лиц во главе с тысяцким и даже сельским старостой в обязательном порядке предъявляли священнослужителям в церковь билет и делали запись в так называемой «Книге обысков».

Ключевыми являлись слова: «препятствие к супружеству между собой не имеют ни плотского, ни духовного». А это значило, что у жениха и невесты одинаковое вероисповедание, что они не являются родственниками минимум до третьего (в основном же 4-5-го колен); что до свадьбы не имели интимных связей. Второй раз венчали только в случае смерти одного из супругов.

Третьей основой после общин и родов сельских сибирских социумов была патриархальная семья. Иногда понятие «патриархальная» ассоциируют с понятиями «отсталая» «кондовая», «старорежимная».

Это абсолютно не так! Патриархальная потому, что во главе семьи стоит «патер» - старший, мудрый, владелец, хозяин. И это не только у русских, а у всех народов Евразийского и Американского континентов. Русские сибирские семьи были большими, минимум 5 человек.

К примеру, в Сухобузимской волости в с. Подсопки в 1769 г. в 32-х крестьянских семьях числилось 316 человек (по 9,87 в среднем на семью); в д. Высотиной в 1819 г. на 13 семей приходилось 163 едока (по 12,5 на семью в среднем).

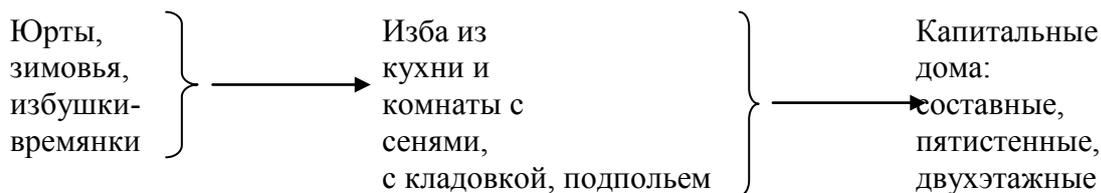
Даже в 1920 году, на 16 августа, в Сухобузимской волости в 1873-х дворах жили 10614 человек, по 5,67 в среднем. Так же и в Маковском приходе. В.С. Максимов упоминает семьи старожилов, состоящие из 10-14 человек.

Однажды в Доме-музее В.И. Сурикова в Красноярске экскурсовод рассказывала, что «стоило вырасти старшему сыну, как ему коллективно возводили новый дом, отселяли его», и так по порядку. Неверный посыл! Большинство семей состояло из 3-4 поколений, вместе с родителями в возрасте 50-70 лет жили по 2-4 сына с невестками и с детьми, зыбки не пустовали. И когда община убеждалась, что сыновья готовы к самостоятельной крестьянской жизни, только тогда им выделялась пашня, пай, уголья.

В семьях шла передача навыков, умений; осуществлялось воспитание на основе христианских заповедей трудом, фольклором, традициями. Огромную роль играла и природа. Общины следили, чтобы не оскудевала она вокруг, к примеру, нельзя было заготавливать черемшу, ягоды, грибы, орехи, пока они не созрели.

В каких же домах размещались столь большие трехуровневые семьи? Где все спали, отдыхали?

По мере роста общинных богатств и числа едоков в семьях за три века (начало XVII – начало XX) четко прослеживается три этапа в строительстве жилищ и в возведении усадеб:

Конечно, одновременно существовали и старые избушки, и пятистенные дома, и суперусадьбы. По их усредненному виду и по их числу можно было судить о достатке, об уровне благосостояния большинства крестьян, о зажиточности или бедности поселения. Волею судьбы автор жил во всех трех жилищных вариантах. В 1932 году наша семья из Кекура переехала жить в речной порт Сухобузимского района, в Атаманово, в барак, построенный на высоком яру Енисея для рабочих хлебоприемного пункта. Завхоз Заготзерно, бывший кекурец, друг семьи В.Д. Жильцов предложил: «Переходите в избушку, что рядом стоит, она ничейная, живший в ней старик умер, нам пришлось его хоронить. Изба древняя, но подшаманишь ее, материалы дадим».

В домишке том мы прожили 17 лет, в нем родились еще четверо детей из десяти. В 1970 году в Атаманово приезжал ученый с Мезени, нашел немало соответствий Северной Руси с Прикрасноярьем, в частности в деревянных строениях прошлых веков. На углу нашей короткой улицы Береговой, с западной стороны увала, стоял большой дом с коньком, со ставнями с резьбой, изображающей образ солнца, похожий на дома с Вологодчины. Ученый взял спилы с этого строения и с бревна, оставшегося от нашего жилища. В Свердловске, в лаборатории ему сделали радиоуглеродный анализ, он сообщил, что возраст дерева 270 (± 20) лет. Судя по толщине бревен, лиственницы, когда их срубили, имели возраст пятьдесят лет, значит, избу ту построили чалдоны где-то в первой половине XVIII века, она была типичной сибирской избой 1-ого поколения. В окладе 6м×4м. Очень узкие окна для слюды или высохшего бычьего пузыря расширили, выпилив в стенах четыре прямоугольника для рам со стеклами.

Пол был выстлан из половинок толстых бревен. Тем не менее, стена к Енисею опустилась вниз, явно изогнув половицы, а нижний край окон к реке оказался низко над завалиной. Крышу на двухскатную из дранья сменили уже после войны, первичная же, односкатная, состояла тоже из бревнышек с выдолбленными сердцевинами; в них за годы нанесло земли, появилась лишайниковая зелень.

Приличную площадь избы занимала кирпичная печь. Всем известны фотографии и кадры кинохроник сгоревших, разбомбленных сел и деревень с остовами таких печей в Центральной России, в Белоруссии, на Украине, в Польше. И везде, и у нас в Красноярье, называли их русскими.

В. Астафьев написал проникновенную «Оду русскому огороду». Заслуживают подобной Оды и русские сибирские печи, сбитые из глины или сложенные из кирпичей. Перед входом в дома строились сени и кладовки.

По воспоминаниям В.И. Сурикова они жили в Сухобузимском в такой же избе. По нынешним понятиям, конечно, тесно для семей из трех поколений, из 8-10 человек.

В начале 1941-ого года наша семья состояла из 8 человек. Бабушка Матрена спала на печи, перед кончиной в декабре 1942 года с нее почти не слезила. Мать с отцом занимали в комнате кровать сразу за перегородкой. Перед ними висела зыбка. Мы же дрыхали вповал поперек другой кровати, стоящей у стены напротив. В ноги на ночь

подставляли большую скамью. Нередко старики и дети спали на полотах, а летом на сеновале.

У Суриковых же в комнате были сооружены деревянные нары. Так как отец Иван Васильевич болел чахоткой (туберкулезом), то и Прасковья Федоровна ложилась вместе с детьми, и зыбка висела перед ней. Зимними вечерами, бывало, мать у Суриковых вязала, вышивала – а мастерицей с детства была отменной, и первые впечатления художественной цветовой гаммы и гармонии будущий художник получил от ее изделий. Отец же читал вслух книгу, дочерям Лизе и Кате. Вася засыпал раньше и как рассказывал Н. Волошину видел ту картину сквозь сон. Когда в Подмоскovie на даче, он, также засыпая в дождливый вечер, увидел, как жена читала книгу их дочкам, то вспомнил вдруг Сухобузимское, отца, и у него сразу возник образ картины «Меньшиков в Березовом», которую Василий Иванович задумал тогда.

С середины XIX века все больше стало появляться пятистенных домов с окладом 9м×6м, с капитальной стеной посередине, с полатами, с русской печью, углы которой выходили и в большую кухню-столовую, и в горницу, и в спальную.

В 1857 г. община из Вятской губернии основала в Нахвальской волости, которая также в 1924 г. вошла в Сухобузимский район, деревню Абакшину. В ней по широкой улице длиной более километра большие умельцы-вятичи срубили десятки исключительно пятистенных домов, с резьбой на наличниках и ставнях.

Некоторые дома до сих пор сохранились. Бывал я не раз в Абакшино в таком доме из кондовых бревен в гостях у тетки нашей Серафимы Антоновны Колосницыной.

На фотографиях Маковского, сверху, с вертолета, видно, что многие оставшиеся дома были пятистенными, с большими окнами, с двухскатными крышами, с палисадниками. Облетая Маковское, В.П. Астафьев, как пишут бывшие с ним свидетели, воскликнул: «Какое село загубили!» Кто и когда загубил – неясно. Если он имел в виду Советы, то абсолютно не прав, ибо в советское-то время такие дома отремонтировали, сохранили и возвели немало новых, подобных.

Не стану описывать дома строения и усадьбы сельских купцов и богатых крестьян, их в селах, в начале XX века в период Столыпинской реформы появилось немного – по 3-5 на каждое поселение, были ли они в Маковском – не знаю.

Прирост населения в старожильческих деревнях и селах Сибири в XVII – XIX вв. был в основном естественным. Такое за столь продолжительный срок оказалось возможным из-за оседлой жизни в течение двух с половиной веков, без крепостного права, в полунатуральном хозяйстве. Сформировалась сибирская крестьянская цивилизация (суперэтнос): в одном лице землепашцы, скотоводы, строители; каждый хозяин владел многими десятками навыков и умений. Образ жизни определял социум: община, большие роды, семьи и православная церковь.

Период третий – советский (1917-1991 гг.)

Почти три века в Енисейском уезде не было восстаний, не было каких-либо вооруженных стычек ни у русских, ни у местных этносов, ни между ними. Потому что отсутствовали помещики, крепостничество, тем более рабство. Народ свободный, занятый, служили по долгу, по найму; трудились на своей земле в соответствии с вековыми традициями; угодий много – растили хлеб, скот, охотились, рыбачили, собирали дары тайги. На приисках, на речном флоте, на строительстве дорог, Обь-Енисейского канала, при возведении домов работали по договорам, по найму за приемлемую плату. Маковское не было зажиточным селом, но большинство крестьян существовало сносно. Возникает вопрос, почему же большинство свободных сибирских хлебопашцев, в окружении богатой природы, неплохо питаясь, в 1917 г. приветствовали советскую власть, а в 1919 г. выступили против Колчака, ратуя за возвращение советской власти? Нередко

упоминают большевиков, как агитаторов и даже движущую силу. Но их, например, в Сухобузимской волости на 10 000 человек было всего несколько десятков, а в Маковском – единицы.

Ответ таков: потому что сибиряки-красноярцы и енисейцы жили не в какой-то изолированной «Казакии», а в великой многострадальной России, с ее вековыми противоречиями, с отсталостью. Эта книга – не научный трактат, потому только перечислю кратко те противоречия и беды.

По всей Сибири появилось много поселенцев, к которым относились ссыльные (политические и осужденные по уголовным статьям), отслужившие огромные сроки солдаты, высланные из городов по суду деклассированные элементы (они были и есть везде, читайте «Отверженные» В. Гюго); беглые и гулящие люди. В целом они составляли 30 % от всего сибирского населения. Все жили или в сельской местности (отправлялись экспедициями «на кормление в волости»). Или в пересыльных бараках, в том числе на золотых приисках, на стройках (широко известны «бараки Кнорре» в Красноярске у железнодорожного моста). 80 % поселенцев составляли мужчины - холостяки в возрасте 18 лет и старше (вплоть до 50-ти). Они не имели полных гражданских прав и никакой собственности, кроме одежды. В деревнях и в селах только 3 % их возводились в сословие крестьян, семейные или вошедшие в семьи, как примачи, зятевья, причем умеющие вести хозяйство, иначе общины земли не выделяли. Если разделим валовой сбор зерна и количество скота в волостях на число «едоков» - крестьян, то получим результат удовлетворительный, но делить-то надо с учетом поселенцев, то есть добавить еще одну треть потребителей, а это результат уже другой.

В Маковском как пишет В.С. Максимов, поселенцев жило немного, стали крестьянами роды Бондаренко, Распутиных, Ореховых.

Без оружия, без революционного ядра они не были солидарны и организованы. Но зарождающийся с конца XIX века капитализм в лице крупных владельцев и предпринимателей и особенно мелкая буржуазия – купцы и лавочники (несть им числа), подкупая власти, сами готовили себе «могильщиков». Денег от пушнины, золота, рыбы, от даров тайги и в казну, и особенно в загребущие руки частных хозяев, поступало много. Но дороги, больницы, школы почти не строились; более 80 % крестьян были неграмотны. Зато купцы в начале XX века насоздавали в Енисейской губернии аж 770 винных заводов на 500 000 населения всех возрастов (один завод на 650 человек, значит на 100 взрослых мужчин). На всех дорогах, особенно у приисков, кабаки, кабаки, кабаки! Щеголевы, Юдины, Востротины, Емельяновы и сотни купцов помельче вносили деньги на общественные нужды, при этом спаивали народ.

Столыпинская реформа в Восточной Сибири привела к резкому расслоению крестьянства. Возрастающее число ссыльнопоселенцев, особенно грамотных политических, увеличивало протестный потенциал.

При огромных доходах от пушнины, от золота, от даров тайги, в начале XX века от масла и хлеба, государство и частные владельцы (купцы, капиталисты) очень мало их вкладывали в строительство дорог (особенно межпоселенческих), школ, больниц, библиотек.

Если исходить из современного критерия, именуемого «качеством жизни», то непонятна позиция тех, кто жалеет об ушедшей крестьянской Руси.

Да, была Великая сибирская крестьянская цивилизация, сама себя содержала, поддерживала, размножалась, защищала Отечество.

И было бюрократическое, отсталое государство в форме монархии, которое позволяло эксплуатировать и спаивать значительную часть населения (поселенцы, рабочие на приисках, крестьяне-бедняки), которое не брало на себя создание должных социальных условий.

Как бастион, вплоть до лета 1919 г. стоял сибирский суперэтнос, о который бились волны грандиозных событий начала века: Русско-Японская война 1905 гг., революция 1905-1907 гг., столыпинская реформа, приведшая к расслоению крестьянства; вторая переселенческая волна, когда население в Енисейской губернии увеличилось в 2 раза; 1-ая мировая война, как называли ее солдаты «бесмысленная бойня», распутинщина, отречение царя, революции 1917 г., смена властей (монархическая – кадетско-эсеровская, советская – вновь эсеровская – колчаковская).

Красные сполохи

В то же время в Енисейской губернии рос и концентрировался пролетариат: на железной дороге, на золотых приисках, на речном транспорте. Пароходы (в 1918 г. их плавало 34) сжигали много угля и дров, потому команды речных судов набирались владельцами пароходов большие – 20-30 человек рабочих из числа крестьян, городских пролетариев, ссыльных. После навигации часть из них суда вымораживали, ремонтировали, красили. Большинство же до весны распускались, жили, где придется, в частности в бараках Кнорре в Красноярске. Итальянец Е.К. Кнорре автор проекта железнодорожного моста через Енисей имел акции пароходных компаний, стал крупным предпринимателем. Построенные им бараки у моста на берегу Енисея, сдавал в наем речному люду. Нравы зимой там царили дикие. Жители Красноярска боялись там появляться. Дурная слава тех окраин (ул. Ломоносова) сохранялась вплоть до 50-х годов прошлого века. Речники приветствовали новую власть и поддержали ее решение о национализации Енисейского флота.

Газета «Красноярский рабочий» сообщала:

«Второго марта 1918 года оглашен декрет народных комиссаров, состоялось слияние всех казенных и частных судоходных предприятий бассейна реки Енисей и учреждение одного предприятия объявленного достоянием РСФСР под наименованием «Енисейское национальное пароходство (ЕНУ)».

Верховным и ответственным органом является Совет пароходства. Для управления делами Совет выделил исполком «Правление ЕНУ» в составе: председатель правления тов. Старцев В.В., товарищи председателя Загуляев Л.Н., Лепник А.К. На один год от рабочих и служащих бассейна р. Енисей избраны председателем Совета Халутин А.А., товарищем председателя Цыбин Д.С. (капитан теплохода «Тобол»), секретарем Е.К. Крылов (будущий знаменитый капитан-наставник – В.А.)».

Приняли национализацию как должное и с судов не ушли почти все штурманы, механики и капитаны, в числе их такие известные речники, как Элло, А. Мецайк, М. Лиханский, М. Дранишников, А. Фролишев, Р. Первухин и др. Почему? По той же самой причине, как и большая часть офицеров российской армии, воевавших на стороне советов: хотели видеть страну свою единой, могучей, процветающей и препятствие тому видели в ее государственном устройстве. Навигация только началась, пароходы сделали по несколько рейсов в верховья и в низовья Енисея, как с помощью белочехов советскую власть низложили.

Все пароходные команды были переведены на военное положение и составили воинскую флотилию, которой командовал генерал Попов. Техническое руководство осуществлял сын атамановского купца Исаия Голоденберга Семен, именовавший себя «Начальником плеса 1-го разряда» (он получил соответствующее образование в Томске).

Осенью 1918 к власти пришел Колчак, установивший по всей Сибири жесткую военную диктатуру.

Повсеместно созданные карательные отряды беспощадно пороли пожилых крестьян, женщин, чьи сыновья и мужья дезертировали, не желая воевать против своих. Также выколачивались подати, собираемые за два года – за сезоны 1917-го (их «первая» советская власть не собирала) и 1918-го годов.

В Канской и в Енисейской тайге скрывались десятки партизанских отрядов и народных дружин, выступавших против колчаковщины. Одним из самых больших и активных стал отряд под командованием второго помощника механика парохода «Орел» Филиппа Бабкина в районе Маклаковой, где он родился и вырос.

Противостояние и стычки вдоль Енисея не прекращались весь 1919 год. Вот два свидетельства тому. Из дела № 23 фонда 811 ГАКК «Рапорты наблюдателей водомерных постов»:

«Господину начальнику Енисейского участка Томского округа путей сообщения Стриловского водомерного поста февраля 12 дня 1919 г.

Допошу, что 9 февраля с.г. во время сельского схода советской власти в селе Стриловском были взяты казаками судоходные старшины Григорий Федорович Кабалин и Гулин Даниил, которых казаки нагло на глазах народа выстегали и увезли в Каргино, где убили. Прах их предан земле. Наблюдатель Л. Еремин».

Пароход «Иртыш» 1-го июня 1919 г. в 5 часов утра миновал Атаманово, пустым корпусом спешил на помощь пароходу «Тобол», буксирующему три баржи, чтобы двойной тягой поднять их через Шиверский пережат. Над Канской тайгой после жарких дней бушевала гроза, все небо непрерывно перечеркивали молнии, сначала был слышен гром, но туча уносилась быстро, звуки грома перестали доходить, еще долго окрестности озарялись вспышками в виде огненных стрел и красных сполохов, непрерывно, один за другим, в самых разных местах. Капитан Михаил Дранишников сам стоял у штурвала рядом с лоцманом. Навстречу как-то неожиданно вырулил «Тобол», тоже шел пустым корпусом. Затормозили. В рупор капитан «Тобола» Дмитрий Цыбин сообщил, что ночью партизанский отряд красных оккупировал караван, баржи пришлось оставить. «Иртыш» развернулся, и суда друг за другом двинулись вверх. Командир Цыбин записал в вахтенном журнале.

«1 июня 1919 г. в 5 ч 45 мин встретил п/х «Иртыш» ниже Атаманово, идущий на помощь мне по буксировке барж. Получив от меня сведения, что баржи захвачены красными, п/х «Иртыш» вернулся обратно» (Фонд 811, дело 22).

Дранишников, глядя на далекие отдельные сполохи, думал: не так ли по всей Сибири, где-то за Уралом на фронте гремит гроза гражданской войны, брат убивает брата, давно к этому шло в России, копился заряд, и рвануло. А здесь на Енисее не фронт и не тыл, в разных местах сверкают сполохи войны.

Летом 1919 года отряд Филиппа Бабкина установил свою власть в районе Маклаковой, а в ноябре 1919 года с помощью его отряда Советская власть была провозглашена в Енисейске.

Пронеслись сполохи гражданской войны и над верховьями Кети. Летом и осенью 1918 года в таежных поселениях, зимовьях и избышках скрывались красногвардейцы. В 1919 г. в Яланской волости, как и во всех других появился карательный отряд под командованием Олиферова. Вылавливали уклонявшихся от службы в колчаковской армии крестьян, били плетью, некоторых расстреливали. Выколачивали недоимки, подати.

В частности, В.С. Максимов описал такой, рассказанный ему дедом, факт: *«В плен захватили трех красногвардейцев и как бы отпустили их в сопровождении карателя. Шли они по узкой тропе один за одним, и белогвардеец выстрелил из трехлинейной винтовки в спину и убил одним выстрелом всех».*

В 1980 году в журнале «Сибирские огни» была напечатана повесть Н.И. Волокитина «На реке да на Кети».

Справка

Известный сибирский писатель Николай Иванович Волокитин родился 8 мая 1937 года в селе Новиково Парабельского района Томской области. Детство и юность прошли в трудную военную и послевоенную пору в глухом Нарымском краю, в окружении дивной и суровой сибирской природы. В поселках, наполненных разноликими людьми и разными говорами.

После окончания школы, в 1954 году поступил в Томский индустриальный техникум. В 1956 году, получив специальность горного техника, был направлен в Магаданскую область горным мастером на золотые прииски.

Отслужив в армии, Николай Иванович долгое время жил в селе Казачинском. Работал в леспромхозе, избирался председателем районного спортивного общества, первым секретарем райкома комсомола. Заочно с отличием закончил Енисейский пединститут. Работал литературным сотрудником, заместителем редактора, а затем и редактором в районной газете. В это же время, на страницах газет и журналов стали появляться его первые рассказы и очерки.

Известность Волокитину принесла повесть «На реке да на Кети», опубликованная в первом номере журнала «Сибирские огни» в 1970 году, через два года изданная в Красноярском книжном издательстве. Эта короткая повесть была написана легко, в течение полутора месяцев и в ней обозначилось все то, о чем он будет писать еще не раз – о честных, работающих, открытых людях – сплавщиках, лесозаготовителях, речниках, деревенских подростках и природе.

Н.И. Волокитин – автор 15 книг, лауреат премий журналов «Крестьянка» и «Лесная новь», заслуженный работник культуры Российской Федерации. В настоящее время он живет в Новосибирске.

В своей повести «На реке да на Кети» о главной героине Ольге Типсиной Николай Иванович Волокитин рассказал проникновенно с любовью, читаешь и восторгаешься, удивляешься, какой светлый человек, как умеет трудиться, радоваться жизни даже, казалось бы, в безысходные моменты.

«Удивительное у тети Оли лицо. Угловатое, скуластое, с жесткими мужскими чертами. И кожа на нем, обожженная солнцем и огрубевшая под студеными ветрами, до того смуглая, что кажется просмоленной.

К тому же выбивающиеся из-под шапки волосы матово-белые, как перезревший цвет пырея, и усугубляет грубость и необычность черт. Но смотреть на тети Олино лицо почему-то всегда приятно. Вот она достает из-под фартука, откуда-то из потайного кармана длинную самодельную трубку, неспешно набивает ее крупчатой махоркой из жестяной банки, раскуривает и, зажав трубку в зубах и попыхивая ею как дымокурор, обычно весело начинает разговор.

Вот она плывет по Кети в лодке-обласке и поет сочиненную ею песню.

На реке да на Кети, на Кети

Ох!

Мне ль отрады, мне ль отрады не найти?

И-эхх!

В обласке я птицей-чайкой полечу

Ох!

Я до моря, я до неба докачу

И-ахх!

Там я звездочку хрустальную словлю

Ох!

Я по осколочкам всем счастье разделю

И-эхх!»

Она рассказала сыну своему и другу его – будущему писателю Коле Волокитину о том, что случилось с ней в лето 1919 г.

«Ух, как я обрадовалась, когда наши красны партизаны, силенки поднакопив, с беляками смертный бой повели! Выпереть-то выперли, но те тоже ушами не хлопали. И тут передали нам люди ихне намеренье, что, мол, как окрепнут чуток, снова двинут на Белый яр. А у нас силенок-то не ахти как. Чо делать? Думал, думал наш красный командир Гоша Копылов и придумал. Мол, не будем сидеть и ждать, когда они на нас нападут, надо сговориться с Митрием Масловым и самим на них напасть сразу с двух сторон. А Митрий Маслов – это командир другого отряда, что в деревне Боровой, в шестнадцати верстах от Типсина ниже стоял. А каким фертом пакет-от с планом Маслову доставить? Сухопутным не пройдеши, болота вокруг. И тут возьми кто-то скажи: а, вы, мол, Ольгу пошлите. На обласке на ракете-то черт ей не брат, любого парня за пояс заткнет. Выбрали мне обласочек походче, снарядилась я и айда. Мчусь и ничего не вижу, кроме лунной дорожки на воде. И вдруг справа, из-под берега:*

- Стой, кто плавает!

И тут-же, будто эхо, слева. Из-под другого берега:

- Стой, кто плавает!

Посты, оказывается у них. Зубы стиснула, напряглась вся и только руки с веселком мелькают. Вдруг слышу – хлопок, хлопок! Опять – хлопок, хлопок! А потом что-то по затылку – цирк! Будто плетью кто полоснул. В голове звон. Вроде за руки меня прямо с обласком как подбросит под облака, я и ровно уже не руками, а крыльями – мах, мах!

Говорят, утром увидели, как издалека в обласке кто-то быстро-быстро плавает к берегу, потом выронил весло и упал. Подплыли ко мне – я на дне обласка лежу, вся голова в крови, а пакет в зубах стиснут. Вот так я летела. – тетя Оля приподнимает ушанку, откидывая второй рукой прядь белых, как снег, волос, - Вот он рubeц-то от моего лету. На всю жизнь метка осталась!»

В конце декабря 1919 г. (по старому стилю) после Красноярской операции 40 000 колчаковцев под командованием В.О. Каппеля обошли Красноярск (об этих событиях смотри книгу В.А. Аференко «Эхо гражданской войны», издательство «Класс-плюс», г. Красноярск, 2012 г.). Основные части (35 тысяч солдат и офицеров) поднялись вверх по Кану до Усть-Барги (ныне г. Зеленогорск), оттуда вышли на Транссибирскую магистраль. 5000 человек под командованием полковника Сытина двинулись вдоль Енисея до с. Ивановского Больше-Муртинской волости, перешли по льду на правый берег, на Посоленский тракт; по льду реки Тасеевой и по Ангаре добрались до Ленского волока, ушли в Забайкалье.

Солдат косил тиф, больных оставляли в поселениях, в зимовьях, выздоровевшие уходили в тайгу. Теперь уже красногвардейцы вылавливали их, в том числе даже в верховьях Кети. Приказ был не расстреливать, доставлять в Енисейск или в Красноярск, где как сообщал в волревкомы Политотдел 5-ой Красной Армии (он осуществлял власть в губернии до выборов в марте 1920 года): «мы будем их судить революционным судом».

Начало советской власти

В январе того года в Маковском установились советская власть, образован сначала Маковский ревком (председатель Е.А. Бармин, секретарь Н.Д. Сапожников, члены С.Ф. Максимов, Т.П. Угрюмов), в августе 1920 г. выборный исполком.

Осуществлялась продрозверстка, более десяти человек отправились в Енисейск добровольцами на фронты продолжающейся Гражданской войны.

Участником первого районного съезда Советов Енисейского района был 24-летний крестьянин-бедняк, русский, беспартийный, Максимов Иван Захарович.

В период НЭПа в 1924 г. в селе из промышленных предприятий имелись лавка Маковского общества потребителя и мельница сельского общества. В 1927 году в Маковском сельсовете было: населенных пунктов пять деревень с населением обоего пола 515 человек, инородцев 72. Хлебопашество, как записано в отчетном докладе сельсовета, было развито слабо ввиду суровых климатических условий, непригодная почва к урожаю. Основные занятия – пушной промысел, сбор ягод и орехов. Пахарство – подсобный промысел. Сельсовет имеет три коммунальных дома и амбар. Один дом - канцелярия сельсовета, тут же народный дом, второй – школа, третий под квартирами. Амбар занимает комитет крестьянской взаимопомощи. Имеется пожарная машина «с прибором», инструмент, который хранится в пожарном сарае ...

В селе в то время действовала церковь. Фельдшерского пункта не было, медпомощь можно было получить, только проехав 100 верст. В сельской школе первой ступени обучались 20 детей.

Разрешалась частная торговля, советской власти на местах предписывалось «ограничивать кулачество», сдай план и тебя не тронут! Продолжались службы в церквях. Новое вторгалось в жизнь повсеместно, дерзко и ярко, приветствовалось большинством: выборы депутатов (с 1923 г. тайным голосованием), их отчеты; создание партийных и комсомольских ячеек, пионерских организаций, женсоветов, «осавиахима»; призывы – «Молодежь во флот!», «Освоим пятый океан»; борьба с неграмотностью и многое другое.

«Маковка»

Так коротко и небрежно называли Маковское крестьяне Красноярского края, высланные в тайгу на Кеть в 1929-1930 гг. слово это стало неким символом репрессивных акций государства.

НЭП в Сибири принес достаток, как утверждает автор статьи в 1-ом томе «Сибирской энциклопедии» (Новосибирск, 1928 г.) 80 % крестьян стали середняками. Двадцатые годы подряд все были урожайными. Но обстановка к концу 1928 г. сложилась непростая. В Европе зарождался фашизм, и как писал бывший эсер Чернов, эмигрирующий в США: «страны, проигравшие 1-ую Мировую войну стремились к реваншу». В том числе и против России, тем более советской.

Нужно было укреплять армию, по сути, заново создавать авиацию и флот. Требовались деньги, много свободных рабочих рук. Но крестьяне, в первую очередь в сибирских общинах сдерживали отъезд молодежи. Товарного хлеба поступало недостаточно, хотя он в Западной Сибири, к примеру, имелся в избытке.

В Сухобузимском районе 20 % кооперированных крестьян в 1928 г. поставили столько же товарного хлеба, сколько единоличники (80 % хозяйств). Хлебозаготовки сорвались, известно, что И. Сталин, лично побывавший в Тюмени и в Красноярске, вернулся ни с чем, более того с ним вели разговор в оскорбительном тоне.

Стало ясно, что история не отпустила времени на внедрение ленинского кооперативного плана, рассчитанного на 30-50 лет.

И 1929 год был объявлен «Годом великого перелома», взят курс на коллективизацию. Она была осуществлена, созданы колхозы, совхозы, МТС. Можно объяснить, но, конечно, нельзя оправдать большие перегибы в начале коллективизации (1929 – 1934 гг.); по сути, преступный лозунг «Ликвидации кулачества, как класса», ссылку крестьянских семей в полном составе (во всех селах в разных местах – от 10 % до 20 % от числа хозяйств).

Под молох репрессий попала семья Кочневых из Кекура Сухобузимского района, где родилась наша мать и где родители жили до 1932 года.

Воспоминания Ксении Антоновны Аференко, запись разных лет

«Старики Кочневы жили в Кекуре средне. Анна – моя крестная с 16 лет обитала в Красноярске, как няня и домработница у нэпманов. А вот брата ее Степана обуяла страсть к богатой жизни. Ему сосватали в Атамановой Олимпиаду – дочь известного там крестьянина Тита Галактионовича Тюменцева – потомка атаманов. Родилось пятеро детей: подряд три девчонки, все на одну колодку, полненькие, славные; в 1925-м году сынишка Василий, а в 1927-ом еще дочь – Феофила. Степан работал в своем хозяйстве истово. По характеру был нелюдим, неразговорчив, скуп. Его в Кекуре не любили. Я росла полусиротой, отец умер, когда мне исполнилось восемь лет. Однажды весной нам с мамой картошки не хватило. Пришла к Кочневым, они накопили ее много, свиней держали. Просить всегда стыдно, отважилась, говорю: «Степан Семенович, одолжите до осени картошки?» «Тебе сколько?» «Да ведро пока». «Стоит ли лезти из-за ведра в подполье, некогда». Повернулась уходить, а Анна мигает – мол, подожди, скоро уйдет. И на самом деле куда-то уехал. Достала она картошки, еле я унесла. Тогда дома крестная оказалась случайно, приехала из города на день. Весной 1929 года найм домработниц горожанам запретили и она вернулась домой, много работала, с детьми водилась. Началась коллективизация и в числе других призыв: «ликвидировать кулачество, как класс». На общем собрании в сборне обсуждали, кого раскулачить и выслать. Село большое, 200 дворов. Решили отправить в ссылку пять семей, в том числе Кочневых. Большинство кекурцев проголосовали за.

Говорят, что кулаки были хорошими хозяевами. Оно, конечно, так, но и жадность многих обуяла. И своих домашних гоняли в хвост и в гриву, девчонки, помню даже плакали. Отцы ничего не учитывали, болеешь ты по-женски, все одно – езжай в жару на сенокос.

В деревнях раньше устраивали помощи: хозяева приглашали человек 10-20 с серпами, обед хороший готовили, родные работали за так, чужим же платили. Кулаки скупались, и как-то получалось так, что не они, а полсела у них в должниках.

Был такой из тех, кого решили выслать. Договорится с сильными бабами, заплатит им побольше. Те прут вперед. А он ходит сзади, подзуживает: «Что это вы, девки на козе едете, отстаете!»

Если бы остановились на первой волне раскулачивания, не вызвало бы то резкого протеста. А вот зачем в 1930-1935 годах продолжили ту преступную акцию? Ведь в кулаки и подкулачники попали после многие зря, даже бывшие председатели колхозов и бригадиры. Ну сослали бы жадных хозяев, таких, как Степан Кочнев. А причем тут старики, малые дети? И Анна – вечная труженица, пролетарий, за что наказана, за что страдала?

На каждую семью дали по две подводы и людей везти, и вещи. Тоже издевательство. Утром в конце декабря 1929 года подъехал возчик, начали грузиться. А напротив жила Катя Тихонова – подруга, уже троих детей родила, я – четверых. Сидим у окна, смотрим, бедняки подошли, поживиться чем-либо, хотя сельсовет запрещал что-либо брать, после инвентарь, манатки продавали. Вдруг вбегает Дуся наздверьяжная, сбрасывает шубу, за ней другую, пальто, кофту: «Возьмите, сохраните!» И другой раз пришла. Заплакала: «Спрячьте меня. Не поеду никуда!» Стали уговаривать: «Найдут, осудят, посадят, тебе уже 14 лет. Вообще от семьи отобьешься. И всем худо, пожалей родных». Убедила. Вышли проводить, расцеловали всех, перекрестили на дорогу. Вещи горой на одних санях. Дети в других. Все взрослые пошли вслед пешком. И Анна – бедняга с ними.

Воспоминания Василия Дмитриевича Жильцова, запись 1985 г.

Мои предки были сосланы в Кекур из Рязанской области. Наш отец вырос уже в Сибири, удачно женился, родились мы – трое братьев и три сестры, сразу скажу, девчонки весьма красивые. Я родился в 1905 г., учился в Матонинском училище вместе с твоей матерью, закончил 5 классов. Хотел в городе дальше учиться, отец не отпустил. Он на Бузиме построил мельницу. Заказов было много, мололи крестьяне зерновые, горох, сушеную черемуху.

Братья уехали по найму на прииски. Две сестры – в Красноярск. Фекла вышла замуж за богатенького еврея. Увез ее в Америку и бросил там, как пелось в популярной песне «Когда б имел золотые горы»:

*«Завез меня в страну чужую,
А там другую полюбил!»*

Она грамотной была, письма писала, второй раз замуж вышла удачно, за предпринимателя старше ее. Потом связь прекратилась.

Девушки меня любили. Дружил с Аней Марчуковой из усть-канских переселенцев. Она забеременела. Обратился к отцу: «Посылай сватов!» «Что-то ты с ума сошел, нищету плодить, ни благословения, ни надела не дам!» Задумался я, а думать помогли ее братья: встретили на улице и хорошо поддали. Женился, ушел от отца, купили избушку. Сразу перешел в бедняки, даже в комбед избрали.

Ты знаешь, что моя жена Анна Васильевна родила 10 детей, восьмерых до войны и двух после, когда вернулся с фронта. Девять выросли, только Нину убила шаровая молния в 1944 году, залетела в дом.

Сестра Дуся вышла замуж за сына кулака. Что ему надо было при такой красивой женщине, но изнасиловал соседскую девчонку, посадили в тюрьму. Свекор и свекровь ее умерли в то лето. Но несмотря на мое возмущение, сход решил выселить и сестру, и семью зятя – брата мужа, жили вместе. Накануне отправки он ночью тайно уехал куда-то. Осталась Дуся одна. Мне разрешили ее сопровождать. Положил под солому куль муки. Наш обоз прибыл в обед в райцентр Сухобузимское, а там все улицы забиты подводами с раскулаченными. Крики, плач. Пообедали, лошадей покормили, и обоз двинулся в Шилу, на тракт. Говорю кекурским: «Поезжайте, я догоню, что-то Карька припадает на передние ноги, видать жабрею объелся!» А сам быстро поехал в город по накатанной дороге, отвез Дусю к сестре. В суматохе пронесло.

Рассказ Кочневой Анны Семеновны, запись 1953 г.

Привезли нас в Шилу, ночевали в церкви. Духота, все вплотную друг к другу спят на полу. Я лежала в дальнем углу, захотела в туалет. Но пробраться невозможно, ногу негде просунуть. Пошла осторожно по телам. Утром перевязали возы на другие подводы и так ехали еще трое суток до Енисейска.

В Большой Мурте и Казачинском людей добавилось много, обоз растянулся на несколько верст. Добрались до Енисейска. Сказали, дальше повезут в «Маковку». Я слышала, что кто-то из предков наших бывал в ней.. еще трое суток ехали по тайге. Две ночи провели у костров. Приехали в «Маковку». Женщин и детей разместили по домам, мужики спали в банях, зимовьях, на сеновалах, хорошо, что многие дворы крытые. Народ в Маковском – хороший, много было староверов. Помогали нам как своим.

Сразу же стали строить бараки из сырого леса, вместо моха в пазы укладывали солому. Построили довольно быстро много длинных барачков. Каждой семье - комната из общего коридора с печкой в виде железной бочки. Тесно. Я спала всегда у стены, она отсыревала. Приезжал дед – отец невестки Тит Галактионович Тюменцев, привез куль сухарей. Наступила весна. Бараки почему-то соорудили в низине. Вокруг море талой

воды. Сбили плоты и плавали на них. Мужики лес заготовливали. И увозили их работать куда-то на прииска.

Из книги В.С. Максимова «Маковская сторона».

В начале 1930 года, то есть в самые лютые морозы в Маковскую тайгу, в боры под названием «Сороки» и «Окунево» в нескольких километрах от реки, было привезено в ссылку без предъявления обвинений несколько сотен несчастных крестьян и брошено в тайге на вымирание. По неуточненным сведениям, там хотели открыть леспромхоз. Кругом тайга, глубокие снега и ни единого клочка земли, пригодной для распахивки. Как они там жили, нам даже представить невозможно. Спецпоселки или трудпоселки управлялись комендатурами трудовых поселений ОГПУ. Для надзора за спецпереселенцами был создан участок комендатуры и в Маковском, который вольготно расположился не в тайге, а в самом селе в новом просторном доме выселенного перед этим торговца-крестьянина И.Т. Максимова. Сосланные крестьяне начали строить в борах дома, срубы которых наше поколение видело в борах 30 лет спустя. Они обозначены и на топографических картах 1965-67 гг. рядом лежали колоды для поения и кормления скота, остатки разобранного и брошенного сельхозинвентаря. То есть ехали они с надеждой возобновить крестьянствование и в ссылке. Жалобы сосланных крестьян дошли до властей, в руководстве нашелся человек с отзывчивой и доброй душой и в с. Маковское была направлена комиссия, которая объективно и честно оценила ситуацию и это поселение ссыльных, известное под названием «Маковка», в начале лета того же года было распущено. Не успевших уехать ссыльных крестьян, осенью отправили в Соврудник на золотые рудники.

Рассказ Кочневой Анны Семеновны (продолжение)

Удивляюсь, почему в таких условиях мало, кто болел. Даже дети. Их учили в местной школе. Я болела, можно сказать, душевно. Твердо решила – летом убегу. Собралась. Денег накопила, взяла в котомку сухарей. В июне, когда стало теплее, тайно вышла из поселения. Знала, что двигаться надо в сторону заката солнца.

Иду по тропе. Вдруг дорогу перегораживает охранник с ружьем: «Куда, кулачка?» «Какая я кулачка!» - рассказала ему про себя. «Пользуй меня, - говорю, - на вот сухари, но только пропусти!» «Ну, иди, да не заблудись!» Шла до Енисея неделю, ботинки истрепались в дым. Ела прошлогодние ягоды, кедровые шишки находила. С медведем встретилась нос к носу, навалил большую кучу и ушел. На ночлеги маленькие шалашики сооружала. Вышла севернее Енисейска, аж к Епишино. Зашла в крайний дом. Повезло, встретила славная женщина с пятерыми детьми, муж уехал в низовья на рыбалку.

Я прожила, не высовываясь, две недели. Всех обшла обстирала, дорожки из старого тряпья изготовила. На катере добралась до Енисейска. Там села на пароход и вышла в Павловщине. До Кекура 20 км шла пешком.

Не забуду тот день никогда! Солнце светит. Птицы поют. А цветов-то сколько! Медунки, незабудки, мои любимые марьяны коренья, венерины башиачки, их ребятишки, помню, медушками звали! Иду, радуюсь, как в рай попала, все родное, знакомое. Пришла с задов в баню к Кате Тихоновой. Твоя мать Сина, крестница, приходила, нанесла еды, квасу. «Уходи быстрее, - говорит, - слышала в совете, что, мол, Анна Кочнева вернулась, кто-то видел».

Чуть стемнело, а ночь коротка, пошла по дороге в Высотино. Вдруг слышу - скачут из Кекура всадники. Быстро легла в канаву, в кусты. Остановились, загорцевали. «Показалось тебе, никого нет!» - кричит один. По голосу узнала Саику Звягинцева, ярого коммуниста, тоже моим крестником был. Выстрелил он два раза из пистолета наугад. И надо же, одна пуля в ногу мне попала, хорошо, что только икру задела. Стерпела.

Уехали. Перетянула ранку тряпичей и пошла быстро дальше. Чуть забрезжило, когда постучалась в дом в Высотино. И повезло вновь. Хозяин добр, на полу вповалку спят семь детей. Только легла к стенке, укрылась старой хозяйской шалью, стук в дверь. Заходят двое: «Вы не видели, не проходила мимо женщина? Может у тебя где-нибудь?». «Ищите, - говорит хозяин, - вон на полу, смотрите все мое богатство лежит!» Ушли. Я выползла с крыльца и ползком по огороду добралась до леса. До Красноярска окольными путями дошла без приключений».

Анна Семеновна Кочнева за 13 лет где только не ночевала в Красноярске. Подрабатывала, как появлялась возможность. Милостыню иногда собирала, хотя бродяжничество было запрещено. В 1943 году открылась служба в Покровской церкви по улице Сурикова. Еще 16 лет она при ней и обитала, прислужничала за хлеб насущный.

В 1943 – 1956 годах каждое лето приезжала жить к нам в Атаманово.

В Атамановской НСШ в старших 5-7 классах в 1946-1949 годах историю преподавала Фаина Степановна Кочнева (ей было 2 года, когда в 1929 г. везли ее в Маковское на поселение). Закончила педучилище, из-за отсутствия предметников стала преподавать историю. Получалось неплохо. Ладную, спокойную, справедливую, дети любили ее. Математику преподавал вернувшийся с фронта танкист Чугунов Василий Дмитриевич. Они поженились, жили в школьном доме с матерью, вернувшейся в родное село Атаманово. В 50-е годы супруги переехали жить в Красноярск-26. Там же в ЗАТО Железногорск в поселке Додоново жила сестра Ф.С. Кочневой Евдокия (по мужу Седельникова). Был у нее в гостях, побеседовали.

Автор: «Не хотел бы Вас тревожить воспоминаниями о 30-х годах, о раскулачивании родителей, о высылке семьи в Маковское. О том проклятом времени, о себе, мне многое рассказала ваша тетка Анна Семеновна. Что помнится Вам о детстве своем?»

Седельникова Е.С.: *Детство, как детство. У всех людей моего поколения одинаково: школа, пионерская организация, самодеятельность, игры в лапту, разрывные цепи; в клубах кино. Мы жили в Маковском всего год. Отец работать уезжал на прииски в Удерецкий район. Он многое умел и потому его взяли на постоянную работу в райцентр, в село Удерецкое. Купили там дом. Все братья и сестры учились, закончили по семь классов, получили специальности. У родителей, конечно рана в душе от брошенного дома в Кекуре осталась. Нам же - их детям советская власть дала многое, мы на нее не в обиде. Помню только один случай, когда по сердцу резануло. Пришла в Дом культуры в кино. Контролер знал нас, за сестрой ухаживал – мы же были и красивые, и боевые. Поговорили с ним, пошла в зал. Слышу его спросил рядом стоящий, приезжий парень: «Кто это?» «Кулачка» - ответил контролер. После этого мы разговаривать с ним перестали. У нас – трех старших сестер хорошие семьи, дети. Вася участвовал в Великой Отечественной войне. Вернулся живым. Жаль, у Фаи детей нет!*

Таковы перепады в нашей сложной истории. В 1935 году после образования Красноярского края «клеймо» «кулак» с сосланных крестьян было снято, многие из них вернулись в родные места, храбро защищали Отечество в годы Великой Отечественной войны.

Горькая и гордая судьба кохозников

Советская власть внесла и внедрила производственный и культурный модерн, новизну, во все сферы жизни во всех регионах гигантской страны. В таежных углах, каким был Маковский куст, изменения проявились еще заметнее.

С разрешения В.С. Максимова из его краеведческо-родословного исследования «Маковская сторона» используем некоторые данные о колхозной жизни.

- *«В 1930 году в Маковском сельсовете было создано Спецпоселенческое хозяйство ОГПУ «Новый путь». Сначала в нем числилось 427 едоков, из них работающих мужчин 123 человека, женщин 86. Жили в бараках из сухостоя размером 5 на 8 метров, барачков было 40. Посевная площадь составляла 245,5 гектара. Имелись лошади, крупный рогатый скот, свиньи, куры, кролики. Появились скотный двор, полуутепленные хлева для скота, амбар, навес для сельхозмашин, три колодца, подвал для хранения овощей. В 1932 году была организована летняя детская площадка, которую посещали 29 мальчиков и 31 девочка от 3 до 7 лет из семей спецпереселенцев. Дети обеспечивались питанием, работникам площадки начислялись трудоводни. Хозяйство исчезло в 1947 году».*
- *«В 1933 г. в Маковском с бригадами в деревнях Филипповой и Рыбной был создан колхоз «Север». В него вступили 80 семей, более 400 человек всех возрастов.*
- *Создание колхоза прошло мирно, без раскулачивания и стрельбы по активистам. Первым председателем избрали Бондаренко Дмитрия Герасимовича. В первые годы были построены скотные дворы, раскорчевывались и вводились в оборот новые пахотные земли, к началу войны пашни было около 300 гектаров».*
- *«Позже на территории Сельсовета появились колхозы: в 1936 г. «Охотник» (д. Ворожейка); в 1937 г. «Промысловик» (д. Лосиноборская), «Рыбак» (д. Айдара), имени Калинина (д. Суханова)».*
- *«Колхозники в сезон сельхозработ жили в бригадных «культстанах», расположенных среди полей и покосов. Работали в бригаде, как сейчас бы сказали, по скользящему графику, без общих выходных, отпускали домой по очереди один раз в 15 дней на 2 дня, чтобы отдохнуть и помыться в бане, постирать одежду.*
В колхозе была своя мельница, построенная еще в доколхозный период на р. Шайтанке недалеко от ее устья. Колхоз на ней молот для своих нужд рожь, так как пшеницы сеяли очень мало. Было две пасеки.
- *«В годы войны председателем колхоза до 1946 года был крепкий крестьянин Максимов Иван Кузьмич, которого весь народ звал просто «Кузьмич».*
- *В колхозе была организована пекарня, всем колхозникам во время работ выдавался в счет заработка печеный хлеб по 700-900 граммов и даже по 1 килограмму в сутки, выделялось немного молочных продуктов. Была создана рыболовецкая бригада, старики добывали и лосей. Все это шло на котловое питание колхозников.*
Совсем плохо было с одеждой и обувью. Купить было негде и не на что. Колхозу на премиальный фонд район кое-что выделял, но этого было явно недостаточно. Одежду шили из мешковины и дмотканого полотна, но в основном ставили заплатки на старую, еще довоенную одежду и она состояла в основном из множества заплаток. Обувь тоже была самодельная – чирки, также неоднократно ремонтируемые – к старым голенищам пришивались другие головки».
- *«Кроме работы в своем колхозе, зимой отправляли колхозников по разнорядке районного руководства на лесозаготовки».*
- *В 1930-1933 годы староверы из Маковского и других деревень на таежных еланях создали заимки, как пишет В.С. Максимов более двадцати усадеб.*

- Кроме колхозов были созданы сельское потребительское общество (сельпо), рабочий кооператив (рабкооп), рыбное хозяйство (рыбкооп), два лесоучастка, звероферма (по выращиванию пушных зверей).

Спасибо Виктору Сергеевичу за ценную информацию по истории Маковского. Он как краевед и журналист имеет право на беспристрастное, как бы со стороны, без оценки представленной информации, право на свою точку зрения, идейную позицию.

Нужно ли было переходить от единоличных крестьянских хозяйств к государственным (совхозы) и коллективным (колхозы)?

Безусловно! Иначе бы не состоялись индустриализация и модернизация в государственном масштабе, и мы не победили бы в годы очередного нашествия многих стран Европы под гитлеровскими знаменами; не создали бы ракетно-ядерный паритет. Даже исходя из этих объективных глобалистских позиций, выразим великую благодарность сельским труженикам.

Ныне, после смены общественного строя, после ельцинско-горбачевских реформ, когда исчезли почти все колхозы и совхозы и страна перешла на потребление импортных сельхозпродуктов, абсолютному большинству россиян стало ясно, что решение о переходе от единоличных хозяйств к коллективным (совхозы, МТС, колхозы) было стратегически верным.

Ярые же противники такого пути весь критический арсенал обрушили на перегибы, на акцию раскулачивания и «колхозное рабство» 1942-1953 годов.

Вне сомнения, ссылка без суда и следствия крестьянских семей в полном составе, преступный лозунг «Ликвидировать кулачество, как класс» были явным и большим перехлестом.

Но и сюда затесался ложный миф: «Раскулачивали и ссылали добрых умелых хозяев завистники и лентяи». По такой логике выходит, что зажиточные крестьяне – это честные труженики, а бедняки – это лузеры, лентяи и завистники.

Неверная точка зрения, противоречащая законам политэкономии, психологии и синергетики!

Любой сибиряк мог стать земледельцем, самостоятельным хозяином, только пройдя огромную практику в семье; овладев многими десятками навыков. Того требовали законы природы, суровые условия проживания, рискованное земледелие; технология выращивания зерновых и овощных культур. Лентяи и завистники среди крестьян были редки.

Другой труднейший период 1941-1952 гг. даже называют периодом «колхозного рабства», но такое положение было вынужденным.

В Сухобузимском районном архиве хранятся «Годовые отчеты колхозов зоны Миндерлинской МТС, 1935-1950 гг.». В деревне Дубровой по отчету за 1938 год работали в колхозе «Большевик» постоянно 106 мужчин, 35 женщин и 6 подростков до 16 лет.

По отчету же за 1942 год работало 106 женщин, 6 мужчин и 30 подростков старше 12 лет.

Первый и особенно второй критикуемые факторы только закрепляют вывод об особой миссии колхозников, чье имя должно звучать гордо! Они в годы войны и в восстановительный период сохранили угодья и пашни, сохранили поселения. Дали стране достаточное количество хлеба и сельхозпродуктов. Внесли приличные средства в фонд обороны и в займы. Сохранили себя и детей войны, ставших в 50-80 годы основной созидательной силой страны.

К сожалению, послевоенная урбанизация породила очередной ложный миф, когда у части сытых горожан слово «колхозник» стало как бы ругательным, символом отсталости, примитива.

Такие мифы, как раковая опухоль, проникают во все ткани здорового общественного организма. О несправедливости новых времен по отношению к сельчанам с горечью писали В. Шукшин, Н. Рубцов, В. Распутин, Ф. Абрамов и другие писатели-«деревенщики», они и горькую пили от невозможности достучаться.

Великий кинорежиссер Довженко поставил фильм «Поэма о море» и одним из первых заставил задуматься о наших крестьянских корнях. Сюжет фильма одновременно прост и глубок: председатель совета большого села, попавшего под снос в результате создания Цимлянского водохранилища, собрал рожденных здесь, вылетевших из родного гнезда и ставших известными людей.

Федор Абрамов написал очерк о подобном сборе бывших сельчан в одном из колхозов Архангельской области. В докладе председатель назвал многие десятки тех, кто уехал из села и прославил его.

«Вот, к примеру, - восторгался докладчик, - семья N: один сын дослужился до полковника, второй – директор завода, третий – партработник районного масштаба; одна дочь – ткачиха, другая – стюардесса!» А в зале сидела их сестра, оставшаяся в колхозе, хорошая работница, добрейшей души человек, о ней ни слова.

В.С. Максимов с любовью пишет о своих земляках, о коренных жителях Маковского; с горечью о трудностях колхозной жизни, заострив внимание на военном и на первых годах послевоенного периода. но ведь были периоды весьма неплохие, заслуживающие доброй памяти.

В 1935 году, после создания Красноярского края, с крестьян было снято клеймо «кулак». Большая часть отправленных в ссылку вернулись в родные места, стали трудиться, в том числе в колхозах. В их бывших больших домах разместились библиотеки, школы, клубы, конторы колхозов, промартелей, сельпо, детские ясли, сельские советы.

Дома не возвращали, но сносное жилье предоставляли. В редких случаях, много позже, в 90-х годах потомки репрессированных сельчан отсудили владения своих родителей.

С 1935-го по июль 1941 года колхозы укрепились, поднялись; росла урожайность зерновых, росло поголовье скота. В МТС, в совхозы и в колхозы поступало все больше техники, в том числе и отечественной: колесники, гусеничные трактора ЧТЗ, бульдозеры, автомашины ЗИС-5 и АМО, прицепные комбайны «Коммунар» и «Сталинец». Колхозники, в том числе и в Маковской округе стали жить среднем лучше, чем в единоличных хозяйствах. На трудодни тогда получали достаточное количество хлеба, меда, других продуктов и денег. В.С. Максимов прав, утверждая что трудодень, как форма нормирования и учета трудовых затрат появился не случайно, полустихийно, ведь при огромном количестве самых разных, в том числе мелких, но нужных хозяйственных дел оценить их объективно не просто. Учетчиками избирали (или назначали) умудренных опытом пожилых людей, знающих «что почем». Виктор Сергеевич назвал только минимум необходимой годовой выработки – 150 трудодней. Верхней же планки не существовало. Рекордной являлась цифра 1000 трудодней. Их редко получали самые крепкие, физически здоровые мужики.

Как волоковоз я видел адский вынужденный труд метчиков. Зароды ставили обычно в жаркие дни. Часа четыре до обеда и столько же после обеда, когда зной становился невыносимым они деревянными вилами поднимали вверх, все выше и выше, большие навильники (того требовала технология, иначе дожди сено прольют). Работали в накомарниках (сетка из волоса перед лицом, а на голове и по плечам остальная часть – мешковина, чтобы труха не попадала за ворот). Рубахи мокрые от пота, хоть выжимай их. То и дело метчики шли к стоявшему в тени лагуну с водой и через трубки зонтичных растений тянули все же нагретую воду, пропускали через себя десятки литров

Приходилось и мне в студенчестве стоять под зародом, терпел, спортивная закалка помогала. И если нам – волоковозам начисляли трудодень или полтора, то все понимали, что труд подавальщиков стоил 4-5 трудодней. Они обесценились в военные и в послевоенные годы.

В довоенные годы возникло звуковое кино. Продавались свободно патефоны, велосипеды, фарфоровая посуда, ткани, готовые изделия, бакалея и галантерея, хлеб.

В 1935 -1941 Г. в колхозах основной рабочей силой были мужчины. Абсолютное число детей училось; в 1928 г. было провозглашено всеобщее начальное, а в 1940 всеобщее семилетнее образование.

Существенные изменения в аграрном секторе начались с 1954-го года при Н.С. Хрущеве, сделавшем многое для преобразования и роста сельского хозяйства, подключившего общенародное внимание к селу. Плохо, что закрепилось за ним порочащее слово «кукурузник». Дело не только в кукурузе, а переходе от естественных трав к кормовым, пропашным культурам, к сеяным травам; к новым машинным технологиям, к уходу от сенокосов времен Ивана Грозного (коса-литовка, грабли, вилы, стога).

С 1954 года изменения в сельской местности во всех сферах произошли весьма существенные. В 60-80-ые годы денег на строительство коллективных хозяйства получали столько, сколько могли освоить.

Появились новые фермы, зерно и овощехранилища, машинные дворы, гаражи; улучшились дороги. Во всех селах края были построены типовые коттеджи на две семьи, с прилегающими усадьбами и огородами к ним. Интернет энциклопедия сообщает: «В 1974 г. все колхозы Маковской зоны были объединены в один укрупненный колхоз с центральной усадьбой правления в деревне Лосиноборск. В 1982 г. правление было переведено в село Озерное. В 1987 г. колхоз «Промысловик» был преобразован в совхоз».

Были в Маковском кусту в 60-80 годы свои передовики, энтузиасты, герои, орденоносцы. Их имена должны звучать, стать известными, хотя бы в экспозиции «Маковское» в музее г. Енисейска (надеюсь, к юбилею такая появится)

«Мертвые сраму не имут».

«У нас на всех одна Победа!»
(из песни)

В общенародной эпопее Отечественной войны (1941-1945 гг. ярка и значима страница подвигов на фронте и в тылу принадлежит маковцам – потомкам освоителей Сибири, таежникам, колхозникам, лесникам, речникам, охотникам, рыбакам, работникам социальной и культурной сфер. Характер и хронология призывов в годы войны была в Маковском сельсовете такая же, как и по всей Сибири:

- В 1941-ом году призваны все годные по здоровью мужчины так называемого кадрового состава 1905-1923 годов рождения;

- В начале 1942 г. стали фронтовиками старые солдаты 1-ой Мировой и Гражданской войн 1904-1892 г.р. (до 50 лет);

- В 1943-1945 гг. ежегодно призывались юноши 1925-1927 гг. рождения, причем месяц рождения не принимался во внимание, и в училищах и в боевых частях оказывались парни, не достигшие 18 лет;

- В 1943-1945 гг. стали призывать девчат и молодых женщин.

Тщательно просматриваю «Книгу памяти» Красноярского края. Всего в Енисейском районе записаны в книге погибшими 5369 человек.

Среди погибших значатся Зыряновы – 50 человек, Шадрины – 36 человек, Поповы – 59, Ивановы – 28, Сидоровы – 28, Высотины - 27, а также по 10 и более воинов из известных на Среднем Енисее родов.

Выписываю по алфавиту погибших или пропавших без вести воинов-енисейцев, местом призыва, которых значатся Маковское, Ворожейка, Лосиноостровское. Их оказалось 65 человек. Из них были призваны до войны (и погибли) 8 солдат, в 1941 г. – 30 (1905-1922 г.р.), в 1942 г. – 14, в том числе 9 возрастных (до 50 лет) мужчин – отцов больших семейств, в 1942 – 1944 гг. навечно ушли с родных подворий 13 юношей в возрасте 18 лет.

Погибли в 1941 г. 8 воинов, из них 5 пропали без вести; в 1942 – 20 (13), в 1943 – 11 (7); в 1944 – 9(6), в 1945 – 7.

Лично у меня вызывает протест и недоумение понятие «пропал без вести». Во-первых, слово «пропал» в русском языке имеет все же оттенок нехороший, двусмысленный.

За погибших жены, матери получали пособия, за без вести пропавших нет. Таково было решение, людьми не оспариваемое, была бы жива страна. И все же удивляет, почему так много пропавших без вести а 1943-1945 годах, в годы наступления, когда штабная работа наладилась. В.С. Максимов в своем краеведческом-родословном исследовании приводит цифру: 88 погибших воинов, призванных Маковским сельсоветом в 1941 – 1945 годах. Погибли из Маковского 54 человека, из Ворожейки – 21, из Лосиноборской - , из Рыбной – 4; вернулись только они – в Маковское – 27, в Ворожейку – 6, Лосиноборское – 3.

Думается, что его данные ближе к истине, но и они не полные. Общий вывод таков: из Маковского сельсовета были призваны на фронты Великой Отечественной войны около трехсот человек (в том числе 20-25 девушек и молодых женщин), не менее ста из них погибли.

Воевали родные братья:

- Белозеровы Марк Евдокимович (1898 г.р., пропал без вести 30.09.1942); Ефим (1919, погиб 24.03.1945 в Латвии); Платон (вернулся в Маковское);

- Татаркины Афанасий Ульянович (1921 г.р., пропал без вести в 1941 г.); близнецы 1925 г.р Демьян, погиб в 1943 г и Емельян, пропал без вести в 1944 г.;

- Бондаренко Андрей Герасимович (1911 г.р. БВП, в ноябре 1941 г); Павел (1912, погиб 21.10.1944 г.) в Мурманской области); Тимофей вернулся, имел орден Славы), Андрей Тимофеевич (1920 г.р., погиб 5.11.1943 на Украине); Семен (погиб 27.11.1941 в Тульской области).

Так же в семьях Максимовых, Пановых, Угрюмовых, Коротких.

Воевали отцы и сыновья:

- Стыжных Иван Львович (БВП, 1942 г.) и Николай Иванович (1926, БВП, 1944 г.);

- Распуткин Василий Федорович (1895 г. р., БВП в мае 1943 г) и два сына его – Андриан Васильевич; 1918 г.р., погиб в плену в Нойбранденбурге, лагерный номер 79470; и Александр (1922 г. р., погиб 03.02.1945 в Венгрии).

В книге «Маковская сторона» В.С. Максимов пишет: *«Не возвратились с войны и принимали участие в Великой Отечественной войне и местные аборигены – кеты, проживающие в низовьях. Много погибших среди староверческого населения деревень Лосиноборское, Айдара, Суханова и многочисленных заимок».*

Нельзя не обратить внимание на большое число у погибших старорусских (вероятно, из византийских святцев) имен: Илларион Ефстафьевич, Феофилакт Яковлевич, Лавр Лаврентьевич, Азер Денисович, а также имена – Евсихей, Герасим, Иона, Демид, Тарас, Кондрат, Вакула, Яков, Алимпий, Порфирий, Трофим, Фаддей, Ермил, Евлампий, Серафим.

Информация об участниках Великой Отечественной войны из Маковского куста неполная. Нет точной цифры числа всех призванных; не учтены в «Книге Памяти» все погибшие и весьма приблизителен список оставшихся в живых, особенно это касается

старообрядцев. Возможно, добавились новые сведения в связи с празднованием 70-летия Великой Победы.

Вообще видение войны в рассказах ее участников, отношение к ним и память о них претерпели в послевоенные годы ряд колебаний.

С 1945 по 1954 год кроме фильмов и нескольких книг, да статей к годовщине важных сражений было общее умолчание: ни мемориалов (хотя в честь участников Гражданской войны они имелись во многих местах); ни «боевых уголков», ни встреч с воинами, ни чествований их.

Помню, как в Атамановской школе зимой 1946 года старшеклассники (6-7 кл.) показывали пьесу на военную тему. Все атрибуты: полушубки, гимнастерки, котелки, ордена были натуральны, заимствованы у солдат вернувшихся с войны. Даже у немецкого офицера – персонажа пьесы на груди висели кресты, скрепленные единой планкой поверху (кто-то снял ее с врага, видать весьма отличившегося в боях, и привез ее в Атаманово). Но почему-то не было команды создавать музейные уголки, а после появления их многое уже исчезло.

В нашем классе преподавали четыре фронтовика: учитель физкультуры Бабилов Г.М. (он после вел уроки военного дела и сагитировал в военные училища более 20 (!) человек выпускников); учитель математики Чугунов (только раз проговорившийся, что он танкист); учитель физики Иванцов М.А. (он не снимал гимнастерку, на которой были прикреплены значок гвардейца и несколько орденов) и преподающая историю и Конституцию СССР директор школы Л.П. Каверзина. И никто из них ни разу, ни на уроках, ни вне их, ничего не рассказывал о своем боевом пути, о каких-либо фронтовых событиях.

А рассказать было что! Много позже, через десятки лет, узнал, что Людмила Петровна, 1918 года рождения, в 311-м стрелковом полку 65-ой Краснознаменной СД с 1941 по 1944 год была в звании старшины, помощником командира взвода разведки. В 1943 г. привела «языка», за что награждена медалью «За отвагу». Несколько раз контужена.

Она, как помню, до 1950 года ходила в гимнастерке, в юбочке в обтяжку, на голове – берет, и очень походила на поэтессу Юлию Друнину.

Не только мы побаивались ее, замирая в коридоре при входе, но и наши отцы, избравшие Каверзину секретарем Атамановской территориальной парторганизации.

Почему она молчала, как и другие учителя-фронтовики? Не думаю, чтобы указания и запреты поступали свыше. Просто атмосфера общая была такой. Возможно, Сталин по каким-то соображениям (не хотел делиться славой, победа досталась большой ценой, о чем он знал и др.) не давал указаний, молчал и молчали все. Возможно, в условиях культа личности боялись на местах проявлять инициативу.

Первый раз стену умолчания «прорвало» в 1954 году, когда писатель С. Смирнов рассказывал по радио о Брестской крепости, у приемников собирались большие группы людей. В период так называемой оттепели появились новые прекрасные фильмы о войне: «Чистое небо», «Белорусский вокзал», «Летят журавли» и др.

Началась поисковая работа в самых разных формах; появились стенды, уголки; очерки в газетах; стали проводиться встречи с фронтовиками.

К 1975 году по указанию Л.И. Брежнева все военкоматы отправили по месту гибели своих воинов письма (копии похоронных хранились) и к 30-летию Победы в местах боев возникли братские захоронения; из всех отдельных могил останки перенесли в них; установили памятные плиты с надписями. В годы перестройки и в лихие девяностые вдруг отношение к ветеранам существенно изменилось, вплоть до диких заявлений: «зачем, мол, победили, жили бы сейчас немецкое пиво попивали». Такая дурь оказалась небезобидной. Немало ветеранов ушли после инфарктов и инсультов, а некоторые покончили с собой, как Ю. Друнина. Это наваждение, инфлюэнция

беспамятства в Маковском выразилась в небрежно-бюрократической форме, о чем пишет В.С. Максимов.

«ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ ВОИНАМ, ПОГИБШИМ В ВЕЛИКУЮ ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ВОЙНУ» - эти слова кощунственно смотрятся на нынешней Стене Памяти в клубе села Маковского.

В Маковском к 350-летию села около клуба была сделана Стена Памяти со списками жителей населенных пунктов Маковского сельсовета, погибших в Великую Отечественную войну. Там были вписаны фамилии почти всех погибших воинов. Сейчас по селу Маковскому список, имеющийся на стене в клубе, очень неполный, в нем имеется всего пять фамилий из почти пятидесяти, хотя по остальным деревням вполне реальный.

Пришлось обращаться к Министру обороны России, губернатору и прокурору Красноярского края».

Международная обстановка, заявления В.В. Путина о том что «мы – другие», «патриотизм может стать национальной идеей» разрушили полностью «плотину» сдерживания и хлынул по улицам городов и всех поселений страны прибой «Бессмертного Полка».

Период четвертый – постсоветский (после 1991 года)

Разрушение производств, изменение стиля жизни от стабильности к неопределенности началось в Маковском, как и везде, с горбачевской перестройки. С 1991 г. этот процесс пошел здесь более быстрыми темпами, чем в селах вокруг Красноярска. Оставим «за кадром» вопрос почему?; версий несколько. Было 500 жителей, несколько производств, общественные организации, соцкультбыт. Осталось к началу XXI в. 75 жителей. Свое отношение к тому периоду Алексей Маркович Бондаренко – известный в крае человек, родившийся и выросший в Маковском, выразил в стихотворении.

МАКОВСКОЕ – БОЛЬ МОЯ

Захожу в дома села старейшего,
Им Сибирь родимая горда...
И. Рождественский

Вьюга воеет и злится утробой,
Темень всюду, не видно ни зги.
Принакрылась деревня сугробами,
Словно саваном белым тоски.

И такая печаль безысходная,
Будто вымерли все иль ушли...
Позабыта давно жизнь колхозная –
Поразъехались все, кто смогли.

Не горит здесь экран телевизора,
Нет дорог, не сияют огни.
Нет мелодии, звука транзистора –
Трудно ждут скорбный час старики.

Почты нет и мука на исходе,
Не придет за больным вертолет.

А по Маковкам древним, по взвозу
Смерть витает, хохочет и ждет.

А когда-то звучали здесь песни
И сверкали у клуба огни.
Молодежь, старики были вместе –
Веселились, смеялись они.

Свадьбы правили, радость делили,
В каждом доме пекли каравай.
И в душе они Бога просили,
Чтоб богатый послал урожай.

Погибает селение древнее,
Зарастают дурниной поля.
И не дай Бог погибнет деревня –
Это значит погибнет Земля.

Но жизнь в Маковском продолжается.

Очерк Кытмановой «Босиком по росе» (газета «Красноярский рабочий»)

«Сегодня село Маковское празднует свой юбилей. Что изменилось с тех пор? Какие здесь обычаи? Живут ли еще правнуки тех казаков-основателей? Обо всем этом нам очень хотелось узнать, но получить такую информацию оказалось ой как не просто. Дело в том, что добраться до села можно только зимой, когда промерзает насквозь речка Кеть. Летом же единственно доступный транспорт – вертолет, только вот появляется он на поляне у села лишь раз в месяц, когда привозит пенсии, продукты и ГСМ. Но юбилей – дело святое, и после 30 минут полета (100 км от Енисейска) мы оказываемся на долгожданной полянке.

Жители земли маковской встречают нас хлебом-солью, песнями и медовухой в деревянных чарках. Люди здесь вообще оказались особенные. Ну где в городе вы увидите бегущего навстречу мальчишке взрослого мужчину, кричащего, что есть мочи: «Сынку, сынку мой приехал!» Или где вам совершенно незнакомая девчонка с длинной косой, смущенно улыбаясь, предложит горстку смоляных орехов? А как насчет десятка светловолосых ребяташек, бегущих босиком по крупной утренней росе?

Кстати, детей здесь очень много. Дело в том, что еще три года назад село практически вымирало. Местное население от нечего делать стало все чаще прикладываться к бутылке и исчезло бы окончательно. Но, услышав о столь глухом месте, в Маковское отовсюду стали приезжать староверы. В итоге за последнюю пару лет население увеличилось в два раза и составило 150 человек.

Принято считать, что староверы нелюдимы, но это оказалось неправдой. С большой охотой они отвечали на наши вопросы и делились проблемами, которых у них оказалось очень много.

В селе совсем нет работы, зарплату получают только библиотекарь, врач, председатель и учителя. Ребятишкам учиться приходится в три смены, размеры школы невелики. К тому же учатся в ней только шесть лет, а потом желающих отправляют в енисейский интернат – это единственная возможность получить хоть какое-то образование.

В Маковском нет ни одного магазина, поэтому жители закупают все необходимое на год вперед. Да еще зимой, когда появляется дорога, енисейские предприниматели изредка завозят продукты. Но молодежь самой большой проблемой считает то, что заняться ей нечем».

Очерк «Мемориальный поход в Маковское» (журнал «Енисейский казак»)

«Еще в 2011 году в плане Енисейского отдела ЕВКО на 2012 г. упоминалось о мемориальном походе в с. Маковское для установления Поклонного креста казакам-первопроходцам. По туристическим нормам это невеликое событие – 70 км в одну сторону, но вот достичь этой цели до середины июня 2013 г. было не так просто.

Этой зимой на машине мы ездили в Маковское на разведку, решали с местными жителями интересующие нас вопросы, получили обещание в помощи изготовления креста на месте. Разрабатывали и распространяли агитационный листок, где подробно было сказано о походе, его целях.

16 июня 2012 г. Наступил долгожданный момент – в 9.25 из Ялани группа из шести человек выступила на запад по направлению к Маковскому. Ночевка запланирована через 26 км на реке Рыбной (у местных это место называется Акулина). На этом участке нет ни ручьев, ни речек. Воду можно найти только в лужах. Дорога прорезает хвойный лес, полян нет. К месту ночевки подошли в полночь, через 14,5 часов. Шли со скоростью 3,6-4,4 км/ч, но вынуждены были часто и подолгу отдыхать. Дорога оказалась намного ужаснее, чем я предполагал: страшны были не лужи и грязь, передвижение затруднялось из-за засохших комков грязи от гусениц тракторов и танкеток, из-за чего невозможно было поставить ногу прямо. Результат – мозоли. Жара и комары добавляли неудобства. Чтобы не задыхаться в накомарниках, обливали их водой.

17 июня. Проснулись в восемь утра. Приготовили завтрак, поели. И стали залечивать раны.

Дорога лучше не стала, чтобы найти обход через лужи, приходилось идти зигзагом, некоторые обходили, заходя в лес. Из-за такой дороги, жары и сбитых ног до речки Якуньки 14 км шли восемь часов. Пройдя еще 5 км, к 22.10 подошли к речке Антошке, где и остановились на ночевку. 14 лет назад это было чудное место. После того как вездеходами запрудили русло, разлившись, речка заболотила огромную площадь, и мы с трудом нашли сухое место для палаток. Спать улеглись уже за полночь.

18 июня. Встали рано, в 6.45, но пока позавтракали, обработали раны на ногах, собрались идти уже в 10.30. Жара. Лес изменился, вдоль дороги лиственные деревья, от пуха осин кажется, что выпал снег. Много следов лосей и медведей. Идем, бредем, ползем, но упорно движемся вперед. В 20.10 остановились у какой-то лужи на ночевку. За день прошли по 12-13 км, но реально кажется, что гораздо больше.

19 июня. Проснулись от раскатов грома в 6.15. Быстро собрались – в дождь упаковываться мало приятно. Но гроза оказалась вежливой: погремела, погрела и успокоилась. Мы уже почти у цели – за 3 км до Маковского пошли сосновые боры: беломошник, брусничник, черничник. В 12.00 мы уже у церкви в Маковском.

Отнеслись к нам прекрасно. В этот же день мы побывали в местной администрации. В Маковском шесть улиц, официально числится 90 человек. Есть клуб, школа, почтальон, два продавца без магазина. Два раза в месяц прилетает вертолет. Дизель-генератор работает с 7 утра до часа ночи с перерывом с 13.00 до 15.00. кроме моторных лодок, используются долбленые челны, весельные плоскодонки.

20 июня. В этот день мы изготовили и установили 3-х метровый Поклонный крест казакам-первопроходцам на указанном нам месте.

В Маковском теперь стоит поклонный крест, который освящает память неизвестных героев-первопроходцев нашего Отечества.

Жители Красноярска и Железногорска, зимой 2015 г. на легковом автомобиле по зимнику ездили в Маковское к отцу Пантелеймону, который известен в крае, как «бесогон» - изгоняет бесов, лечит от душевных болезней. И клиентура есть.

Нельзя допустить, чтобы Маковское – коллективный памятник шестнадцати поколениям россиян исчезло!

ПРИЛОЖЕНИЯ

В краю непуганых птиц

На реке да на Кети

Девять из десяти жителей Красноярска, имеющих минимум среднее образование, на вопрос: «Где течет река Кеть и куда впадает?» точно ответить не смогли. А это плохо! Ибо роль реки Кети в глобальном историческом плане сродни роли Нила, Северной Двины, Тигра и Ефрата, Днепра, Дона и других известных водных потоков.

Не до конца известно, что первично, что вторично: название реки Кеть или этноса кеты? Важно, что кето-остяки пришли в ее верховья с Востока. По некоторым данным в III веке нашей эры, по другим – даже раньше. Обжились. Вышли на Енисей. Спустились вниз до Оби и по Оби и заселили к концу XVI века значительную площадь Сибири.

Остяки и кеты всегда были дружны со славянами, русскими, существенно помогли при освоении Зауралья. В течение 130 лет по Кети проходил главный путь от форпоста Тобольск до Форпоста Енисейск и далее на оконечность азиатского материка.

На фоне великих сибирских рек теряются сведения об их притоках, кроме Ангары и Иртыша. Но многие из притоков – тоже большие реки, имеющие огромное значение для людей в далеком, в недавнем прошлом и ныне.

Кеть имеет длину более 1500 километров. Река равнинная, многоводная, судоходная: от устья до середины ее ходят приличные суда, повыше – катера, а в верховьях жители плавают по ней на лодках. Река славная, река удивительная, связывающая Западную Сибирь и Восток.

Сядем на автобус, едущий из Красноярска в Енисейск по тракту. Сначала по землям Емельяновского и Сухобузимского районов, мимо холмов, полей и сосновых боров. За щитом «Больше-Муртинский район» на запад, до окоема, простирается равнина – поля зерновых и сеянных трав; зеленые, желтые, зовущие вдаль.

Откликнемся на зов и пойдем пешими вслед Солнцу. Через три-четыре часа мы подойдем к узкой полоске воды у села Верхняя Казанка. Соорудим плот, и пусть он плывет по речке вниз, а если сядет на мель, столкнем его.

И вот поток расширяясь, вынесет нас в более широкую речку, называемую Малая Кеть. Так с остановками на ночлег, на пополнение запасов еды мы пересечем Западно-Сибирскую низменность и через месяц достигнем великой реки Оби в районе города Колпашево. Примерно так енисейские остяки в III веке нашей эры с востока попали в междуречье Оби и Енисея и далее до Северного Урала. В Сибири не племена давали названия рекам, а наоборот по названиям рек определялись племена: тунгусы по Тунгускам, яссы (ястынцы) по Есауловке, кеты по Кети!

Спасибо кето-остяцкому этносу за доброту, их, за разную помощь на путях в Сибирь. Слава «связной» - реке Кети, полной рыбы, с берегами в цветах, ягодниках, с борами, с рощами, с таежными урманами. Ей посвящено немало и проклятий за разливы на полях; за трудности по перемещению крупных лодок с грузами.

Но и слов благодарности, как работнице, поилице, кормилице и красавице. Откроем книгу красноярского писателя-деревенщика Николая Волокитина «На реке да на Кети».

Прочтем две зарисовки писателя о летней и зимней Кети:

«Ниже села Тагул Кеть словно вздохнув от натуги, словно расслабившись после тяжелой работы, свободно и вольно раздаётся вширь. Откуда-то из-за мыска вспархивает ветерок. Туман быстро редет. По воде сперва понемножку, едва заметно, а потом все обильней и обильней, безудержней, как из опрокинутой бочки, начинает растекаться малиновый сок зари.

Река вспыхивает, искрится. И в этой утренней яркости берега кажутся далекими, далекими и прозрачными».

«Зима у нас поселяется спокойно, надолго и основательно. Она не слепит солнцем, не щеголяет, как модница, каждый день новыми нарядами, зато постоянно радуется своей устойчивой, неизменной опрятностью, всеохватывающей белизной.

Снег летит и летит. Насыпает прямо возле домов высокие сугробы, целые горки. Но особенно хороши морозные дни. Выйдешь на улицу: все неподвижно, прозрачно, и такая тишь, что тонкий скрип снега под валенком – будто гром».

Не раз бывал на Кети, жил в Маковском певец родного Красноярья, поэт Игнатий Рождественский. Одно из его стихотворений называется «На Кети»:

У каждого есть избранные села,
Любимые до смерти города,
Подсвеченные ландышами доли
Или озер холодная слюда.
И как бы нам не приходилось туго,
У каждого есть свой заветный край:
Одним – Березина, другим – Ветлуга.
А мне, чалдону, - Кеть мне подавай ...
... Здесь расстоянья мерили песками
И выкуренными трубками давно ль?
А Кеть, не расставаясь с тальниками,
Идет, из сердца вымывая боль ...

В конце XIX века в уже не близкие времена, при использовании волоков, возникла идея строительства Обь-Енисейского канала. И вновь, как и в начале XVII века выбрали реку Кеть.

Как и во времена освоения сибирских пространств был исполнен «безумный» проект – достойное детище великого народа-труженика.

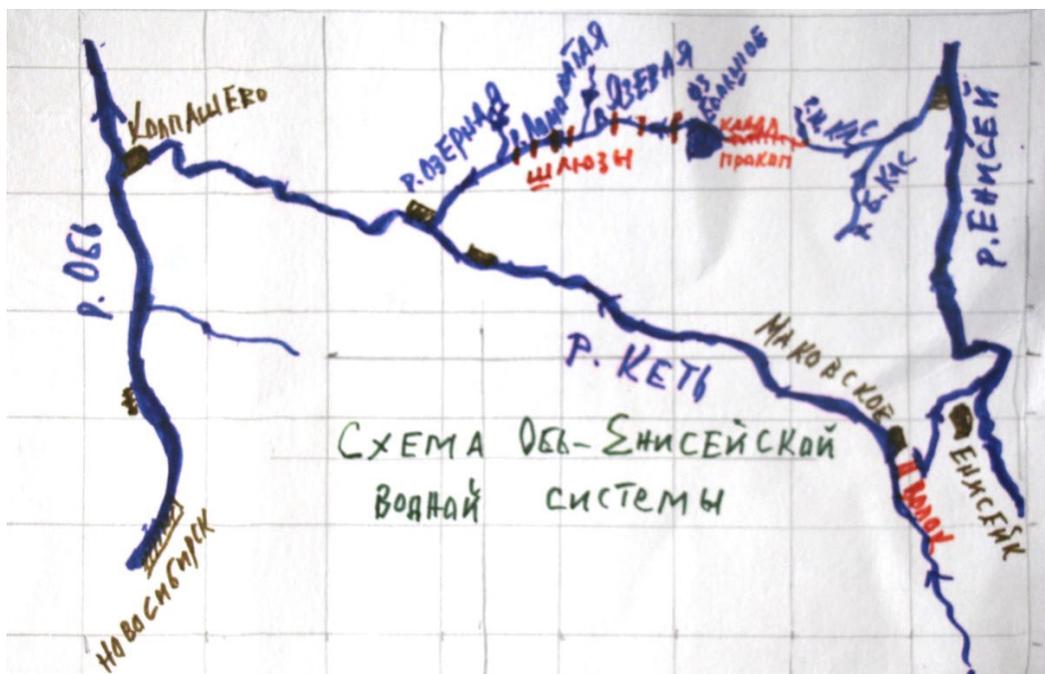
Историческая справка

Обь-Енисейская водная система – уникальное, единственное в мире гидротехническое сооружение такого масштаба и оригинальных технических решений. В середине XIX века Восточная Сибирь оставалась одним из главных «валютных цехов» России: продолжала поступать пушнина, один за другим создавались золотые прииски; строился Владивосток, после перерыва в 200 лет вновь стал заселяться русскими переселенцами левый берег Амура.

По Московскому тракту с весны до осени товары перевозились медленно из-за многих переправ через реки и плохого состояния дороги. И вот при Александре II – «освободителе», царе решительном, инициативном, в Министерстве водных и сухопутных путей России возникла идея сквозного перемещения между Обью и Енисеем по рекам Кеть и Кас, соединив их каналами и шлюзами.

Сооружение системы началось в 1880-м году, закончилось в 1887-ом. Протяженность системы 154 километра. На водоразделе Обь-Енисей, в 7 верстах от притока Енисея Каса, находится озеро, называемое раньше Большим. Из него вытекает речка Язевая, она впадает в речку Ломоватую, та в свою очередь в р. Озерную, и наконец, последняя – в Кеть. На всех трех реках были прорыты обводные каналы (по ним предполагалось плавание при большой воде) и сооружены семь шлюзов, общей протяженностью ста верст. В другую, восточную сторону, от озера до речки Малый Кас был прорыт семикилометровый канал, называемый до сих пор «Прокоп». Оказалось, что под малым слоем таежного подзола скрыт

монолит вечной мерзлоты. И в мерзлоте прорыли канал шириной 20 м, глубиной 3 м. прорыли вручную, используя ломы, кирки, лопаты! Фантастика! Перелопатили полмиллиона кубов грунта! Вам не приходилось вручную в мерзлой земле копать могилу или подвал? Метод известен: жечь костры из дров или каменного угля, а после выбрасывать оттаявшую на 20-30 см землю. Рабочей силой были крестьяне из окрестных деревень и ссыльнопоселенцы.

Из дневника В.А.Лamina

В 1960-м году в заливе Обского моря под Новосибирском молодые научные сотрудники Сибирского отделения АН СССР начали создавать водо-моторную базу для развития этого экстремального вида спорта. Через 10 лет, как написано в журнале «Катера и яхты» (№4(38), 1972 год) с двух «казанок» число плавающих средств выросло в сотни раз: 912 мотолодок, свыше 40 яхт и шверботов, 40 глissеров, и более сотни разных лодок и обласков. Вот это размах! Ежегодно во время отпусков сотни любителей водного туризма, водо-моторного спорта, рыбаки, охотники, сборщики даров тайги бороздили воды Оби и всех ее притоков от Горного Алтая до океана. Естественно, возникла идея попробовать войти на Енисей по Обь-Енисейской водной системе.

В 1971 году новосибирцы осуществили дерзкий проект: прошли на трех лодках от Новосибирска до Байкала по рекам и по Обь-Енисейскому каналу. Об этом походе прочтем (выборочно) интереснейшие в контексте книги дневниковые записи В.А. Лamina.

«Первый и единственный город на нашем пути – Колпашево. 587 км, отделявшие его от Академгородка, прошли за 18 часов чистого ходового времени. пришлось, правда затратить еще два часа, чтобы съездить для заправки на нефтебазу, которая расположена в сорока километрах от речного причала на притоке Оби – реке Кеть. Впрочем, это нам по пути. Берега Кети пустынные, редкие населенные пункты из-за весенних паводков расположены в нескольких километрах от реки. Узкие извилины с перекатами сменяются прямыми спокойными плесами. Я не впервые поднимаюсь по Кети и всегда вспоминаю историю Сибири, прочел несколько книг. Удивляет, что по этой равнинной, мирной речке прошли из Московии через Западную Сибирь в Восточную и на Дальний Восток сотни тысяч русских людей.

Как правило, на поворотах река соединяется «прямоком» - насквозь просматриваемой протокой. Думаю, что люди шли по тропам вдоль проток, пока казаки тянули тяжелые лодки по основному руслу. Утомленные бесконечными петлями судового хода, мы рискнули однажды сократить путь, и тут же были наказаны: за полтора часа дважды пришлось искать шпонки, пошел в дело запасной гребной винт. Заправляемся в Белом Яру. В низовьях река судоходна. Обстановка (бакены, вехи, створы) хорошая. Дважды в заводах пережидали пока пройдут плоты, они в ширину занимали почти все плесо от берега до берега. Здесь и дальше нефтебазы расположены за один-два километра, поэтому каждая заправка, несмотря на дружеское, в общем, отношение к редким в этих местах туристам, отнимала у нас каждая по 5-6 часов.

На пятые сутки через 45 ходовых часов, пройдя 1210 км по рекам Обь и Кеть, наша лодка подошла к пристани Усть-Озерная. Отсюда до Обь-Енисейского канала рукой подать, до озера Большого (водораздельного между бассейнами Оби и Енисея) всего лишь 75-80 км. Но каких? – вот вопрос. Из Усть-Озерного выходили в восьмом часу вечера. Прекратился, наконец надоевший дождь, но зато появились тучи гнуса, совершенно не признающего защитных средств. Ни химические препараты, ни накомарники не помогают. Не представляю, как это терпели наши далекие предки, прежде всего женщины, перемещаясь возле Кети. Максимально облегчаем лодки. С собой берем бензин, боеприпасы и ружья, рыболовные снасти, рассчитываем обернуться за сутки туда и обратно, потому минимум продовольствия. Все остальное имущество оставляем в амбаре у лесничего. По его словам «на озере для ловли рыбы достаточно на полчаса спустить в воду сачок. Боровая дичь сидит на песчаных берегах, предлагая себя на ужин, а утки настолько непуганные, что можно прямо давить лодкой и брать руками».

Вновь, Усть-Озерная, но не через сутки, а через пять суток. Вопиющая, преступная наша халатность - так нельзя! Хорошо, что прав оказался лесник, ловили рыбу, дважды руками уток, разделявали, жарили в золе, завернув в листья водяных лилий. Последнюю банку сгущенки несколько раз прополаскивали кипятком, а ящик из-под хлеба чуть не разломали, доставая из щелей крошки. Сперва удачно проскочили шлюз Ломоватый, потом почти три часа одолевали четырехкилометровый шлюз Веселый. Сделав несколько разведывательных кругов перед воротами Веселого, решаемся брать его с ходу. Надеваем спасательные жилеты, ставим одну лодку на страховку, а другую рулевой направляет в самую середину гудящего буруна.

Вот и камера шлюза! Но в этот момент мотор, ударившись о подводное препятствие, откидывается, и следующее мгновение лодка вновь оказывается у линии старта. Сделав еще две неудачные попытки, сходим на берег.

Сразу за шлюзом залитые солнцем песчаные холмы, темнохвойная ель и пихта сменяются яркой зеленью корабельных сосен. Пологие берега покрыты алым узором спелого шиповника и калины. В подвешенной на дереве бутылке находим записку, из которой узнаем, что до нас здесь побывали три экспедиции новосибирцев. По системе лееров, укрепленных на стволах ближайших деревьев и стенах шлюза, благополучно проводим лодки через Веселый. Возвращенная на прежнее место бутылка хранит теперь и нашу запись об этом событии.

Заночевали перед шлюзом Генеральским, одолев за 10 часов тяжелой работы всего 40 километров. В следующий день, начав в пять утра, прошли до вечерней зорьки еще сорок и вышли на озеро Большое. Глубокой ночью отметили прибытие ужином из дичи и свежей рыбы.

Озеро, несмотря на название, имеет всего километров пять-семь в поперечине. Береговая линия его заросла камышом и сильно заболочена. Даже там, где глубоко

приходится идти на малом газу. Рухнувшие под тяжестью лет деревья то и дело преграждают путь, через каждые 50-60 метров винты обрастают плотной зеленой «бородой». Сначала мы разрубали «бороды» ножом, но потом нашли более эффективный прием. Оказывается, достаточно, двигаясь на малом ходу, выдернуть винт в воздух, и «бороды» моментально разлетаются в клочки. За кормой лодки, как за сенокосилкой ложится широкая полоса срезанной травы. Экипажу головного судна достается больше других, поэтому каждые пятнадцать минут его сменяет очередная пара «счастливиц». И еще туча насекомых. Молчаливая мошка кашей липнет к открытым местам тела, обжигаящими струями течет за воротник. Плотная ткань куртки совершенно не защищает от паутов и слепней, кромсающих спины.

В сторону Оби из озера вытекает речка Язовая, впадающая в Ломоватую, а та, в свою очередь в Озерную – приток Кети. В другую сторону до реки Малый Кас прорыт канал длиной семь километров, «Прокоп», как его здесь называют. Как его прокопали без техники в вечно твердой мерзлоте одному богу известно – нашему удивлению нет конца. От озера до Енисея всего 250 км, из них 75-80 по реке Малый Кас и соединительному каналу. Малый Кас впадает в Большой Кас, который вливается в Енисей почти точно на шестидесятой широте в районе Нижне-Шадрино. Обратно в Усть-Озерную шли девять часов по уже знакомой дороге».

Когда пройдя по каналу за первый день 65 км, за второй – 20, в третий – 60, мы вырвались из него, на двух лодках были повреждены транцы, две других сильно текли. Ночь ушла на ремонт. Отдохнуть удалось только еще через сутки, когда пройдя Кас, мы вошли в Енисей».

Прошло более сорока лет, теперь вдоль бывшего канала не то, чтобы проплыть – пройти невозможно. Таежная глухота!

Енисейская РЛС

Когда мы с женой в 1971 году плыли на т/х «А. Матросов» по туристической путевке, то в нескольких местах на берегах Енисея видели высокие необычной конструкции сооружения. То – приемники енисейской линии слежения за искусственными спутниками Земли. Когда американцы на Аляске в конце 70-х годов стали строить радиолокационную станцию (РЛС) – объект противоракетной обороны (ПРО), где слово «Противо» имеет только политический смысл, то, естественно в нашей стране началось строительство подобной РЛС.

Как пишет А. Бродников в книге «Енисейский острог» место для строительства Енисейска «выбрал географический жребий»: реки Кеть и Ангара, Илимский и Маковский волоки, дружественное русским население – остяки. Он же – этот «жребий» определил площадку для строительства Енисейской РЛС: в центре Евразийского континента, вдали от ракетных баз вероятного противника, и в то же время с возможностью «обшаривать» небо на всем пространстве от Урала до США. Причем большинство спутников запускались в средних широтах. Выбору места способствовали еще два сопутствующих, но важных фактора: район малонаселенный, таежный, но рядом Енисейский тракт, железная дорога Ачинск – Абалаково, великий водный путь – все можно использовать для перевозки стройматериалов, оборудования, разных грузов.

Начальником одного из двух монтажно-строительных участков был назначен мой земляк и друг Л.П. Тюменцев – потомок красноярских атаманов Тюменцевых по линии Аники Емельяновича в 14 колене. Работал Леонид Петрович на РЛС, как и всегда умело, с азартом, не считаясь со временем. Был готов к ответственной роли строителя стратегического объекта предшествующим отрезком жизни и по характеру, и по опыту.

Его отец Тюменцев Петр Артемьевич как и все представители рода, живущие в своей вотчине в Атаманово, у Енисея в особом месте у скал, перекаатов и таежин, сохранял черты основателей и хозяев села: дух казацкого вольнолюбия и смелости, некоторой гордыни и самостоятельности. Он был жилист, строен, подтянут, как потомок терских казаков с примесью вайнахской крови, красив. Женился на красивой же землячке из рода енисейских казаков второй волны (конца XIX века). Родился сын, назвали – Леонидом («Львом»). И Петра Тюменцева призвали в 1939 году на финский фронт. Вернулся. В 1940 г. появился на свет второй сын – Валерий. Грянула Великая Отечественная война. В ряды защитников Отечества влились более трехсот атамановцев, в том числе полста из рода Тюменцевых, в Атаманово на мемориальной плите в честь погибших земляков подряд выбиты тридцать пять строк с фамилией Тюменцев... Петра Артемьевича удивил факт, что его зачислили в ту же часть, в какой воевал на Карельском фронте полтора года назад. В тех же северных краях воевал храбро, участвовал в боях, получал награды, остался жив. После войны родились еще трое детей. Я знал их всех – жили недалеко. Младшую Аню – русоволосую в мать, приглашая к доске, называл Славяночкой. Трудолюбивая, дружная семья. И вот произошла трагедия – отец в 1962 году погиб. Работал он трактористом в Атамановском хлебоприемном пункте, куда зерно свозили со всего района, хранили, очищали, затаривали, грузили на баржи. Отходы с высокого яра тракторным клином сталкивали в Енисей. Петр чего-то не учел, грунт рыхлый, трактор рухнул вниз, перевернулся несколько раз, отец детей погиб. Советская власть поддержала всю семью, все продолжали учиться, Валерий из военного училища приехал поближе к дому, перевелся на 3-й курс ВТУЗа при Красмаше. На заводе после окончания Красноярского механического техникума уже работал в конструкторском секретном бюро старший брат. Думаю, что читатели с интересом прочтут интервью с ним по заявленной теме (запись 2005 года).

Л.П. Тюменцев: Я 20 лет, как прораб, знаток монтажно-строительного дела (закончил заочно военно-строительный институт), участвовал в выполнении оборонных заказов, создавали шахтные комплексы для стратегических ракет в разных районах Сибири. Солдат военно-строительных частей мы учили специальностям, ребята в основном дисциплинированные, хваткие, общий язык находил с ними. Приходилось руководить и заключенными. Это совсем другой контингент. Характер на характер, искры летят; чуть уступил, закрыл наряды как они требуют, попал в зависимость – дело швах, будут и дальше наступать, саботировать. Я не из пугливых, кровь-то казацкая, к тому же в казаки и сам поверстался. И тут назначили начальником Красноярского монтажно-строительного участка (другой был Московский) на строительство Енисейской РЛС.

Автор: Что из себя представляла эта радиолокационная станция?

Л.П. Тюменцев: Я не специалист в области электроники, давал подписку о неразглашении, выполнял свои непростые задачи. Возвели два здания в 28 этажей необычной конструкции, одна стена изогнута в виде параболической антенны. Лифты пустить еще не успели, по необходимости наверх поднимались пешком. Вид вкруговую на 30 километров открывался бесподобный – холмистая лесная равнина, речное плесо. Вели с Енисея водовод, строили очистные сооружения, зачем-то требовалось при работе много холодной, очень чистой воды. (Возможно, планировалось установить реактор АДЭ для энергетических целей – В.А.)

Автор: Кто строил этот уникальный объект?

Л.П. Тюменцев: Военные строители, ученые, гражданские субподрядные организации. Один раз в неделю переключка по закрытым приводам с Министерством обороны, ежедневные планерки. Я не только общался с генералами, полковниками, но приходилось спорить, доказывать, даже требовать. График жесткий, проблем – тьма, но сильно не запаздывали.

Автор: Как восприняли сообщение о прекращении работ?

Л.П. Тюменцев: Сначала с недоверием, военные говорили: «Неужели наш говорун подпишет документ о прекращении стройки? С западом ухо надо держать остро, обманут». Так и случилось. Финансирование резко прекратили. Драма большого масштаба. Тем более, что американцы строительство своей РЛС на Аляске завершили. Где-то Горбачева обманули. Наивно было верить, что победители в «холодной войне», т.е. США и Запад будут на равных с нами, какой победитель откажется от выгод.

Но для меня стало настоящей трагедией то, что я увидел, приехав на стройку через полгода. Никакой охраны. Навстречу едут трактора с тележками, грузовики, трейлеры, везут плиты, металл, кирпич, другие материалы. Подъезжаем к зданиям – что такое – дым столбом, костры, суеются грабители, обжигают медный кабель. Тут же вагончики для приема цветного металла. Если бы в этот миг рядом оказался Горбачев, я бы, не думая об ответственности, совершил самосуд.

Автор: К сожалению, ситуация для лихих девяностых типична. В родном нашем Сухобузимском районе, в соседних и везде, где тогда бывал забросили многое – фермы, гаражи, технику, линии передач, кабели и везде растащилровка. Помню, приезжаю по творческим делам в Казачинский район от РЛС недалеко, беседую с главой районной администрации, и он заявляет: «У меня такое впечатление, что мы - 13 тысяч казачинцев государству не нужны!» Но тут же масштабы другие – государственный, общенародный интерес!

Поучились бы Горбачев с Ельциным у царей. В XVII – XIX веках в истории Енисейского региона четко просматривается тенденция – сохранять нажитое, построенное. Ушли в 1703 г. с юга края воинственные степняки, в 1750 г. достроили Московский тракт, и на освободившиеся богатые земли хлынули красноярцы и енисейцы.

И государство денег нашло на поддержание Саянского острога, на создание линии зимовий – караулов вокруг него, хотя угрозы и миновали, и с Китаем договор заключили.

А.П. Статейнов в книге «Приенисейский край. История», пишет: *«Караульные поселения представляли одну-две казармы, окруженные бревенчатым забором, со сторожевой башней на воротах, со рвом, вокруг которого в два ряда устанавливали рогатки»*. А цель – защита железоделательных заводов и появившихся деревень. Удивлен, что и Министерство обороны не сумело законсервировать, сохранить.

Л.П. Тюменцев: *Конечно, это было можно сделать. Поручили бы мне – пустил бы по забору из колючей проволоки ток; добился бы суда над ворами, думаю, многое бы сохранили.*

Автор: Я кое-что знаю о дальнейшей твоей жизни, уточни.

Л.П. Тюменцев: *Демобилизовался, работал несколько лет заместителем директора Крайпотребсоюза по строительству и транспорту. Строили большие склады. Поставляли с севера пушину, рыбу, белые грибы, бруснику, перерабатывали, в Японию за валюту отправляли (Примечание: валютный цех страны) приносил доход с XVII до XXI века – В.А.). после перешел в ЕКВ, был атаманом станицы Дубенской, ныне возглавляю Совет стариков.*

Примечание: Леонид Петрович Тюменцев был награжден орденами, медалями, знаками, десятками грамот. Весной 2016 года он после тяжелой болезни скончался. Путь будет пухом земля созидателю, строителю, потомственному почетному казаку.

Перед юбилеем...

С 1991 года в Енисейском районе, как и по всему краю, начались негативные процессы: закрытие и падение производств, снижение уровня жизни, демографический сдвиг в виде так называемого «русского креста», когда смертность возросла и превысила рождаемость.

За двадцать пять лет существенных изменений не произошло, о чем можно судить по интервью данному корреспондентам газеты «Енисейская правда» главой Енисейского района Сергеем Васильевичем Ермаковым.

Вопрос: Сергей Васильевич, давайте начнем разговор с самого важного – финансового обеспечения.

Бюджет – это основа работы любого образования, будь то мелкое предприятие, поселение, муниципальный район или субъект Федерации. Поэтому мы с первого до последнего дня финансового года работаем над наполнением бюджета и его исполнением. Ни для кого не секрет, что Енисейский район – дотационная территория. Наш годовой бюджет составляет порядка двух миллионов рублей.

В 2015 году основные наши платильщики: Илимпейская геофизические экспедиции, Подтесовская РЭБ флота, КНП, деревообрабатывающее предприятие «Сиблеспроект» испытывали финансовые трудности, поэтому и доход от них снизился.

Нам важны предприятия всех форм собственности.

Вопрос: Какие события в Енисейском районе Вы бы могли назвать самыми важными в ушедшем году?

С.В. Ермаков: «Если говорить о политически важных событиях, то это, конечно, выборы. В 2015 году жители Енисейского района выбрали новый состав Енисейского районного совета. В нем представлены четыре партии – «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия». Уже первые заседания депутатских комиссий и сессии райсовета показали, что депутаты активные, заинтересованные. Главное, они не должны забывать, что от их слаженной работы во многом зависит жизнедеятельность района. Партийные разногласия не должны стать причиной для пробуксовки принятия важных для района решений».

В идеологическом направлении самым важным стало то, что мы все вместе отпраздновали 70-летие Великой Победы. Прошло множество мероприятий образовательных, просветительских, культурных, спортивных, которые были приурочены к этой знаменательной дате.

Немало дел муниципалитет осуществил в социально-производственной сфере. Приобретена и установлена водоочистная и обеззараживающая установка на водозаборных сооружениях в с. Ярцево. Произведен ремонт приоритетных участков автодорог в с.Озерное, д.Луговатка, п.Подтесово, с.Абалаково, п.Усть-Кемь, с.Ярцево.

В программе пассажирских перевозок 2015 года были сохранены маршруты водного транспорта, речной транспорт работал без срывов графика движения. Авиатранспортом выполнен 251 рейс, перевезено более шести тысяч человек.

Вопрос: Что не удалось завершить в 2015 году?

С.В. Ермаков: Не завершили строительство водовода в с. Абалаково, межпоселенческого полигона ТБО недалеко от Подтесово.

Есть системные проблемы, которые переходят из года в год. Например, проблема квалифицированных кадров. Не хватает учителей иностранного языка, начальных классов, физической культуры, химии, биологии, музыки, технологии. Это не смотря на то, что средняя заработная плата учителей 36,9 тысяч рублей.

В отрасли «культура» работает 220 специалистов, а профильное образование имеют только 87. В 2015 году лишь шестеро поступили на заочное отделение в Красноярский краевой колледж культуры и искусства по специальности «Социально-

культурная деятельность, организация культурно-досуговой деятельности». Остальным надо либо учиться, либо думать о смене деятельности.

Примерно так обстоят дела в любой области.

Вопрос: **Какие планы ставит перед собой администрация района на 2016 год?**

С.В. Ермаков: Планы серьезные во всех областях. Наступивший год прогнозируется как сложный в финансовом отношении. Думаю, не стоит объяснять, с чем связано, но какие бы сюрпризы не готовил нам наступивший год, руководство выполнит все гарантированные законами социальные обязательства перед гражданами.

Будем продолжать подготовку к Юбилею 400-летия с.Маковского, г.Енисейска, Енисейского района.

Итак, Енисейский уезд (район) был в XVII - XX веках валютным цехом страны, вносил огромные вклады в государственную казну, а получает из нее в XXI веке небольшие дотации.

Но вопрос: «Стоит ли ворошить прошлое столь подробным изложением»? не имеет права на существование. Подобные вопросы не историчны, бессмысленны и обесценивают героики и деяния пятнадцати поколений сибиряков: русских, эвенков, остяков, кетов и других народов, живущих на Среднем Енисее и Приангарье.

Енисейцы были в прошлом и являются в настоящем людьми трудолюбивыми, яркими, умелыми, истинными представителями сибирского суперэтноса. Уверен, что они сделают все возможное (и невозможное) по подготовке к славному юбилею и проведут эту государственную акцию на высоком уровне.